AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALİ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 44

1-ci kânun — 1937 — декабрь

№ 44

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA“
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransız frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Al. Niepodległości 158 m. 6a Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“ СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Al. Niepodległości 158 m. 6a Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ • KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ • КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 44 1-ci KÂNUN — 1937 — ДЕКАБРЬ № 44

NARTSANA HEVALİSİ VE ELBRUSTAN BİR GÖRÜNÜŞ
ОКРЕСТНОСТИ НАРЦАНА И ВИД НА ЭЛЬБРУС

Ali Sultan

Ölmez manzum hikâye ve müellifi

Temiz ve vefakâr bir aşkı ve sarsılmaz bir dostluğu terennüm eden „Vephis Thaosani" („Pars derisi taşıyan adam") nam ölmez munzüm hikâyenin müellifi Şota Rustavelinin bu yıl tevellüdünün 750-ci yılı temamlanıyor. Bu yıldönümü vak'asi, değil yalnız beşeriyete Şota'yi vermiş kardeş Gürcüstan için, ayni zamanda kendi kültürlerinin esasını gürcülerle beraber müşterek bir menbadan almış olan diger Kafkasya milletleri için dahi kayde şayan bir hadisedir.

Gürcü edebiyatının dâhi klasiki Rustaveli kimdir? Şota'nın tercümeyi hali hususunda, geçmişten söz götürmez hiç bir tarihî vesika kalmış değildir. Fazla şüpheye mahel vermiyen yegâne menba, manzum hikâyenin kendisidir. Fakat, bunun da ilk metni bugün elde mevcud değildir.

Bu menbada pek te fazla bir malûmat yoktur. Manzum hikâyenin biri mukaddemede diger de son kısımda olmak üzre iki yerinde, yazanın Rustaveli olduğu kaydedilmektedir.

Sonra son kısmın şu „bunu ben yazıyorum, mes hli birisi" (Balmont'da"mechul meshli Rustaveli, bu hikâyeyi ben yazdım") mısraından anlaşılıyor ki şair, kadim Gürcüstan'ın medenî vilayeti Meshet'lidir.

Manzum hikâyede işaret edilen ücüncü cihet de şairin yaşadığı devirdir. Bu devir de, XII ci asrın sonu ve XIII-ci asrın bidayetlerinde çariça Tamara devridir. Bu cihete, şairin muasiri olması hasebile çariça Tamara'yi medhettiği eserin mukaddemesinde bir kaç yerde işaret edilmektedir.

Şota'nın tercümeyi hali hakkında mevsuk olarak elde çok az malumat olmasına rağmen, şairin halk hikâyelerine dayanan resmî bir kaç tercümeyi hali mevcuddur.

Bu kabil tercümeyi hallerden birine göre, Şota, çok kadim bir zamanda meşhur ve mühim bir şehir olan Mesheti'nin Rustaveli köyünde dünyaya gelmiştir. Babası Çahruha (Şah — Ruh) Mesheti'nin hakim bir derebeyisi idi. Rivayete göre, derebeyinin kendisi de şairlige yabancı degilmiş. O da istidadile temayüz etmiş, şiirler yazmış ve muasırları arasında „tatlı nağmeler söyleyen ve zehirli şiirler yazan bir şair „gibi tanınmış imiş. Şota dünyaya geldigi sırada Çahruha Patareşeni köyünde bir dügünde imiş. Düğüne komşu derebeyi İese—Betoni tarafından davet edilmiş imiş Bir oğlu dünyaya geldigi haberini işte dügünde iken duymuş imiş. Lakin Şota'yi görmek ona nasib olmamış. Söylendigine göre Çahruha, intikam bekliyen rakibleri tarafından dügün meclisinde zehirlenmiştir. Bu suretle şair ilk dünyaya geldiği günden itibaren yetim kalmıştır.

Şairi ilk sıralarda Tbet manastırında yaşıyan dayısı terbiye etmiş, bilahere Şota üç yıl, ana hısımlarından Zarzma'da oturan birisinin atabegin yanında yaşamıştır.

Şota gösterdiği kabiliyet ve zekâ sayesinde hısımları tarafından Kahetiya'daki İkaltoy akademisine gönderilmiş ve orada dört sene tahsil etmiştir. Şota'nın şairlik istidadi akademide en olğun bir devrini bulmuştur. Şiirlerinin emsalsız güzelligile her kesi hayret içerisinde bırakmıştır. Müsteid şairin şöhreti çariça Tamaraya kadar gitmiş ve neticede Şota, felsefî tahsil için her sene Tamara tarafından Yunanıstan'a gönderilen otuz gençten biri olmuştur.

Şair, Yunanistan'da 6 yıl kalmıştır. Gürcüstan'a avdetinden sonra Şota, bir müddet Mesheti'de yaşamış sonra da Tamara tarafından saraya davet edilerek bir vazifeye tayin edilmiştir: devlet veznedarlığı nami, yahud kâtiblige mi, belli degildir. Bir az müddet sonra ağabeyisi, Avtandil bir bahtsızlığa uğruyor. Avtandil çariçaya aşık oluyor. Lakin çariça Avtandilin aşkına aldırmıyarak rus şehzadesi Andrey Bogoliyubskinin oglu Yuriye varıyor (malum olduğu vechile, Tamara'ya saadet getirmiyen bu izdivaç Gürcüstan için dahi bir çok felaketler getirmiştir). Ümidi kırılmış elemli Avtandil vatanını terk ederek yabancı ülkelere firar ediyor ve gurbette ölüyor. Söylendigine göre, göya kardeşinin feci akibeti Şota için „Vephvis Tkaosani„yi yazmağa bir vesile olmuştur.

Hikâye yazılub bittikten sonra, Şota eserini saray mensublarının huzurunda çariçaya okumuş Bu şaheseri son derece begenen çariça Tamara da şairi bol mükâfatla mukâfatlandırmıştır. Bundan sonra Şota'nın hayatı hakkında söylenen rivayetin romantik kısmı başlıyor. Rivayete göre, Nina Tmogreli ile evlenmiş Rustaveli, kardeşinin, elim akibetini unutarak kendisi Gürcüstan'ın güzel çariçasına aşık oluyor. Ümitsiz sevgi yüzünden Bizans'a gitmege mecbur oluyor ve orada manastırlardan birinde yerleşiyor. Rivayet ilâve ediyorki, buradan Şota Kudusa gidiyor ve orada çok ihtiyar bir çagda iken vefat ediyor.

Şota Rustaveli'nin, halk rivayetlerine dayanan resmî tercümeyi hallerinden birinin hülâsesi işte budur.*)

* * *

Yukarıda işaret ettigimiz vechile „Vephvis Tkaosani„nin ilk şekli bugün mevcud değildir. Muhtelif müfessirler, asırlar boyunca manzum hikâyeye ilaveler yapmış yahud da hikâyenin bâzi kısımlarını atmışlardır XVIII-ci asrın başlarına kadar manzum hikâyenin el yazısı ile taammüm etmesi keyfiyeti ilk metinden uzaklaşmağa sebebiyet vermiştir. Tiflisteki Ş. Rustaveli adına edebiyat enistitusu müdürü prof. A Duduçava diyorki: buna ragmen Rustavelinin manzum hikâyesi yazma nushalarda oldugundan daha geniş ve daha tamdır".**)

Şair ve maruf „Kalila ve Dimne„nin mütercimi olan Çar VI-ci Vahtang, manzum hikâyeyi ilk defa tab'a hazırlamiş ve eser 1712-de yani yazılışından 5 asır sonra matbaa makinesinden çıkmıştır. Son yapılan tetkikata göre, çar, üzerine aldıgı işe ciddiyetle yanaşmamış ve şüpheli misralarla beraber Rustaveliye aid olduğu muhakkak bulunan mısraları da manzum hikâyeden çıkarp atmıştır.

Eserin sonraki tab'leri hep Vahtang'ın tabi üzerine yapılmıştır. Bu tab'lerde yer bulan metin yanlışlıkları da Vahtang'ın noksan olan metninden ileri gel-

---

*) Mihail Çikovani'nin „Şota Rustaveli ve halk yaratıcılığı" başlıklı mekalesine bakıla. („Pravda" 7-X-1937).

**) „Zarya Vostoka", 1-VI-1936.

miştir. Prof. Duduçava'nın söylediğine, göre, bu noksanlar K. Çiçinadze'nin redaktesile çıkan son tab'de (gürcüce) asgerî dereceye indirilmiştir.

11-II-1935 tarihli „Zarya Vostoka" gazetesi manzum hikâyenin metni ile ugraşanları alakadar edecek şayani dikkat bazi malumat vermektedir. Gazetenin bildirdigine göre, 1934-de Voronsof'un arşivinde manzum hikâyenin yeni ve şimdiye kadar kimse tarafından tetkik edilmemiş yazma bir nushası bulunmuştur.

Bu yazma nusha XVII-ci asrın 60-ci yılına aid bulunmaktadır. Tesbit edildigine göre, bu nusha ilk evvel XVII-ci asrın ortalarında yaşamış maruf derebeyi ve serkerde Zaza Tsitsiviliye aid bulunmuştnr. Zazada bunu „Did Mauravyani„nam populer manzum hikâyenin müellifi şair Iosif Tbileli, ye ismarlamıştır.

Daha sonra nusha, V-ci Vahtanğın (Şah—Navaz) oğlu ve „Vephvis Tkaosani„nin ilk tâbii VI-ci Vahtangın babası şehzade Levan'ın eline geçmiştir. Yazma nushanın son sahibi de II ci İraklinin kızı Teklanın oğlu maruf edib Aleksander Orbeliani olmuştur. Orbeliani de bu nushayi bilahere Kafkasya'da rus ordusu başkumandanı M. S. Voronsofa takdim etmesini müverrih Platon İoseliani tarafından verildigi, İoseliani'nin nushada mevcud ve 1853 tarihini muhtevi imzasından anlaşılmaktadır.

Nushanın bir kaç yaprağı noksan ve bazı sayfaları da ancak parça halinde muhafaza edilmiştir. Nusha 1900 mısrai muhtevi 190 sayfadan ibarettir. Eksik olan yapraklar da nazara alınırsa mısra yekûnunun 2000 i mütecaviz olduğu tahmim edilebilir. Prof. Agniaşvili'ye göre, elde edilen bu nusha, içerisinden XV-ci asrın ortalarına aid bulunan ve gagarli ismile maruf olan Rustaveli'nin resminin koparılmış olduğu nushanın tam kendisidir. Gene tesbit edilmiştir ki, metinlere yapılan bâzi ilaverler İosif Tbiliye olduğu gibi şair Nanuça Tsitsişviliye de aid bulunmaktadır. Yazma nushada mevcud kayitler bu ciheti teyid etmektedir.

„Zarya Vostoka„nın bu malumatına ilave olarak kaydedelimki, Şota Rustaveli adına edebiyat enistitusu yanında, vazifesi manzum hikâyeyi her türlü keyfî ilavelerden temizlemekten ve aslına en yakın bir metin tesbit etmekten ibaret olan husus bir komisyon mevcuttar. Komisyon, hacmi bir kaç cildi bulan zengin materyal toplamış ve işlemiştir. Komisyonun henüz neşredilmiyen materyalları daha şimdiden şüpheli adedilmektedir. Bahsi geçen enistitu müdürü prof. Duduşava dahi bu materyalları şüpheli adedenler meyanına dahil bulunmaktadır. Profesor, yukarıda bahsettigimiz mekalesinde diyorki: „komisyon bâzi ahvalde dikkatle hareket etmiyor. Şöyleki, hiç bir esasa dayanmadan Rustaveli'ye aid değildir diye, ayrı ayrı mısraları hatta temamen bir faslı bile hikâyeden çıkarıyor ve bu suretle kendisi metin hatası yapmaktan geri kalmıyor.

* * *

Manzum hikâye, mevzu ve münderecat itibarile, o zamanın müslüman Şark'ın romantik edebiyatile, bilhassa, Rustaveli'den ancak otuz sene evvel dünyaya gelmiş genceli Nizamî ve şirvanlı Hakanî gibi yüksek şahsiyetler yetiştirmiş parlak İran edebiyatile çok yakından bağlı bulunmaktadır.

Rustaveli'nin bu hikâyesi'nin zengin sujesi sana'tkârca tasvirler, kahramanlık vak'aleri, macera, intrik v. s. ile yogrulmuştur.

İlk fasılda Arabistan padişahi Arastevan'ın sarayında mükellef bir merasim tasvir edilmektedir: ihtiyar Arastevan, zekâ ve güzelligile temayüz etmiş kızı Tinatini tahta çıkarıyor. Arastevan'in genc ve cesur serkerdesi Avtandil Tinatini seviyor ve kızdan karşılık görüyor. Arastevan kızının, sevgili serkerdesi ile izdivacına muvafakat ediyor. İki gencin saadetine artık hiç bir engel yoktur. Derken, günlerden bir gün, Arastevan ve Avtandil avda iken pars derisine bürünmüş mahzun bir adama rastlıyorlar. Kim olduğunu soruşturub anlamak isterken adam atına binerek ortadan kayboluyor.

Esrarengiz meçhul adam ihtiyar Arastevan'ın zihnini hiç te rahat bırakmıyor. Hükümdarın emrine muti Avtandil meçhul adamı aramağa çıkıyor. Türlü macera ve zahmetlere katlanarak uzak ülkelerde uzun müddet dolaşıyor nihayet üç yıllık seyahattan sonra pars derisi taşıyan mahzun adamı karanlık bir magarada bulmağa muvaffak oluyor.

Meçhul adamın Hindistan padişahı Farsadanın besleme oğlu vo serkerde Tariyel, olduğu anlaşılıyor. Tariyel, Farsadanın kızı güzel Nestan Darecan'ı sevmiş. Lâkin, haşin baba kızı Havarizm hükümdarının oğluna vermek niyetinde Tariyel rakibini öldürüyor.

Padişah, kendi hemşiresi, Nestan Darecan'ın mürebbiyesi Daver'e kızıyor. İntikam hırsile yanan Daver de kızı sevgilisinden daima ayrı kalmakla tehdid ediyor. Daver, tehdidini tahakkuk ettirerek Darecan'ı kaçırtıyor ve meçhul bir diyara göndertiyor. İşte bu andan itibaren Tariyel sevgili hemşiresi Asmatin refaketinde kaybolmuş Darecan'ı boşuna aramakla vakıt geçiriyor.

Tariyelin faciası Avtandil üzerine derin bir tesir yapıyor. Tariyele dost olduğuna yemin ettikten sonra Arastevanı'n huzuruna avdet ederek görüb eşittiklerini padişaha anlatıyor. Necib Avtandil bahtsız dostuna yardım etmege karar veriyor. Sevgili Tinatinile dügününü tehir ederek dostunun sevgilisini aramağa çıkıyor. Kahramanlıkla dolu bir çok maceraler geçirdikten sonra nihayet Nestan Darecan'ın bulunduğu yeri ögrenmege muvaffak oluyor. Padişahın kızı Kacet kal'esinde „kac" halkının elinde esirdir. Tarıyel, Avtandil ve Mulgazenzar padişahi ve Tariyelin dostu Nurettin Feridun kızı kurtarmak niyetile „kac„lara gidiyorlar. Cesurca bir taarrüzden sonra kal'e ele geçirilerek Darecan halâs ediliyor. Muzaffer ahbablar memlaketlerine dönüyorlar.

Manzum hikâye, Tariyelin Nestan Darecan ile Avtandilin de Tinatin ile evlenip dügün yapmalarile nihayet bulmaktadır. İşte Rustavelinin terennüm ettigi aşk dastani ve erkekce dostluk bu suretle sona eriyor.

* * *

Şota'nın eseri, sonrandan gelen gürcü şairleri üzerinde çok büyük bir tesir yopmştır. K. Çiçinadi ze'nin bir mekalesinde dedigine göre*) „XVI ve XVII-ci asır şairleri kendi eserlerinin ilk mısralarında tam manasile bir şiir perisine müracaat eder gibi, ona (Şota'ya) müracaat ediyor ve şiir yazmak için ondan müsaade isterlerdi".

---

*) „Z. V." gazetesi, 23-1933.

Bu derece bir perestiş, hiç şüphesiz manzum hikâyenin haiz olduğu yüksek kıymet dolayisile idi. Çiçinadze'nin fikrince eser „vak'a kahramanlarının yaşadığı hissi hayatın kuvvet ve derinligile, mevzuunun cazibesi, işlenmesi ve nihayet nazim şeklinin parlaklığı ile temayüz etmektedir".

Bütün bu hususiyet ve cihetleri, gürcü dilini bilmeyip te manzum hikâye ile ancak tercüme suretile aşina olanlar bile kolayca sezebilirler.

Eserin diger meziyetleri de vardırki, bunu ancak hikâyeyi aslinde okumak suretile görmek kabildir. O da—eserde yer bulan vecizeler ve teşbihlerdir.

Çiçinadze diyorki: .Manzum hikâyenin bâzi fasilleri, hatta halk darbi mesellerini kölgede bırakacak derecede mükemmel vecizelerle doludur. Bu vecizeleri başka bir dilde ifade etmek oldukca zordur".

Manzum hikâye, gürcü halkı içerisinde çok taammüm etmiş ve benimsenmiştir. Eser, tam manasile millî bir kıymettir. Bu da tabiî, eserin „halkçı" ruhta oluşundan ileri gelmektedir. Yeni şiir şekilleri yaratan Şota, ayni zamanda şifahî halk edebiyatının zengin hazinesinden istifade etmiş ve bundan değil yalnız ayrı ayrı kelime ve mukayeseler, hatta sujeler bile almıştır. Bunun içindir ki saraydan çıkarak halk kitlesi içerisine kadar kolayca nüfuz edebilmiştir. Söylendigine göre, Rustavelinin yaratıcılığını tetkik ile meşgul olanların elinde „Vephvis Tkaosani„nin 70-den fazla muhtelif halk variyantları mevcuddur.

* * *

Şairin belli tercümeyi haline bakılırsa (yukarıya bakılsın) müslüman Şarkın şair üzerinde dogrudan dogruya müessir olmadığına hükmetmek lazimgelir. Manzum hikâyeyi tefsir eden bazi müdekkikler dahi bu fikirde olub, bu şark tesirine olsa olsa ikinci derecede bir yer ayırmaktadırlar. Hasili, Rustavelinin vücude getirdigi dahiyane eserin kendi devrinin tipik bir şark manzum hikâyesi olduğunu kabula hiç te yanaşmıyorlardır.

Rustaveli'yi „Garbe" bağlıyan müdekkiklerın dayandıkları esaslardan biri, şairin eserinde gösterdiği kadim yunan felsefesine olan derin vukufudur. Kim bilir, şairin yunanca tahsil gördügü hakkindaki masal, belki de bu esasa dayanılaraktan uydurulmuştur Meselâ Balmontun tercümesile çıkan Sovyet tabine mukaddime yazan redaksyon, işte bu mantıktan hareket ederek şairin yunanca tahsil gördügü vak'asının doğru olduğunu onun kadim yunan felsefesine vukufu ile isbat etmege çalışıyor. Fakat, unutmamalı ki, Abbasiler devrinin müslüman Şarkı haddi zatında devrinin yegâne cihan medeniyeti mümessili idi. O zaman en fazla inhitat devrini yaşıyan haçlılara, garbten gelen, kaba barbarlara teslim arefesinde bulunan Bizans, bu cihan medeniyeti mümessilligini yapacak vaziyette degildi,

Rustaveli, kadim yunan felsefesile Halidibni Yezd, Al-Balebeği, Hunain-ben İshak ve İshak-ben Hunain v. s. lerinin arabca tercümeleri vasitasile âşina ola bilirdi. Zaten kadim yunan feylesoflarının bir çok eserleri bize kadar ancak arabca tercüme halinde gelmiş değılmidir? Dahası var: kadim yunan felsefesi hazinesini orta asır Avrupasına müslüman Şark açmış degilmidir?

Rustaveli, sade yunan felsefesine vakif değildi. O, zamanının en münevver bir adamı idi. Zamanında mevcud ilimlerin yabancısı degildi. İhate dairesi Gürcüstan hudutlarını her halde çok aşmış bulunuyordu. O, o zamanki medenî beşeriyete malûm olan alemi pek güzel ve sarıh bir şekilde kavramıştı. Hikâyesinin kahramanları Çinden Mısıra ve Roma'dan Hindustana kadar geniş bir sahada dolaşıyorlardır. Bütün bu bilgileri elde etmek için şairin Bizansa kadar gitmesine hiç te lüzum yoktu. Bütün bunlar Gürcüstan için malum şeylerdi ve ilk menbadan: Abbasiler devrinin Şarkta bırakmış olduğu geniş kültür mirasından alınmıştı.

Marr (baba), Rustavelinin hikâyesinin mevzuunu „gürcüce mensur olarak yazılan bir iran hikâyesinden*) aldığı kanaatında idi. Marr (oğul) ise, Ansarî'nin gayb olmuş manzum hikâyelerinin münderecatını „gürcü edebiyatı eserlerile, ilk sırada „Pars derisi taşıyan adam" la aşına olmak suretile tesbit edilmesini tavsiye ediyordu.**)

Bu iki âlimin bilhassa Marr (baba) n — ilmî faraziyeleri ekseriyetle kendine mahsus bir gerabet ve tuhaflıkla dolu ise de, bu hususta, yani Rustavelinin yaratıcılığına hakim olan iran motiflerinin asırlar görmüş iran — kafkasya ortaklı kültürünün bir inikâsı olduğu hakkında ileri sürdükleri fikirleri temamen dogru buluyoruz. Değil yalnız Ansarî'nin „Vamik ve Azra„-sı — ki aslı bugün elde mevcud değildir — hatta Firdevsi'nin „Şahname"si, Fahreddin Gürkânî'nin" Veys ve Ramin„i ve nihayet Nizamînin „Hamse" si ile Rustaveli'nin hikâyesi arasında büyük bir yakınlık görmek kabildir. Başka türlü de olamazdı, çünkü XII—XIII-ci asırda gürcü edebiyatının inkişafı arab-iran edebiyatı „altın devri„nin tabiî bir devamından başka bir şey değildir.

Bu cihet, hiç şüphesiz „Vephvis Tkaosani„nin millî—gürcü karakterini haiz olmadığına delalet etmez. Bu tesir, bilakis manzum hikâyenin medenî ehemmiyetini daha fazla yükselterek ona değil yalnız gürcüler için, hatta müşterek kafkasya için dahi büyük millî bir kiymet bahşediyor. Zira, Kafkasyada arab-iran kültürünün ayni esasları üzerinde inkişaf ede gelmiştir.

Tabriz. İkinci Teşrin 1937.

---

*) N. Y. Marr. „Gürcü manzum hikâyesi pars derisi taşıyan adam, Rustaveli Şota ve yeni kültürel—tarihî mes'le" İlimler Akademisi. 1917.

**) Y. N. Marr. „Pars derisi taşıyan birisi" manzum hikâyesinin farisice ilk şekli". SSSR. ilimler akademisinden akademik N. Y. Marra" dergisi. 1935.

„ESKi GVARDYANIN" SONU

Bu yılki son bahar SSSRde, rus olmıyan milletlerin komünist teşkilatlarını idare eden rehber kadroya karşı bugüne kadar misli görülmemiş umumî bir tedhiş ile geçti. Bu tedhiş kendisini Şimalî Kafkasyada dahi geniş bir surette gösterdi. Dagıstanda, Çeçeno-İnguşetiyada ve Şimalî Osętiada komünist teşkilatlarının rehber heyetleri tam imhaya maruz kaldı. Bütün Sovyetler komünist fırkasının Dagıstan ülke teşkilatı birinci kâtibi Necmeddin Samurski, Dagıstan hükûmet reisi Kerim Mahmedbekof, Dagıstan merkezi icraiye komitesi reisi Mahmed Dalgat, Çeçeno-İnguşetiya icraiye komitesi reisi Gorçhanof, Şimalî Osetiya icraiyesi reisi Danel Togoyef ve başkaları gibi mühim komünistler „halk düşmanı" olarak ilân edildiler. Onların Staline ve bolşevizme sadakatle hizmet ettikleri malumdu ve rejime olan alakaleri son zamana kadar hiç bir şek ve şüphe uyatmamıştır.

Doğrudur, bu yılın ilk baharında vuku bulan fırka konfranrlarındaki nutuklarında bu adamların çoğusunda bir az tereddüd ve, hatta, korku duyuluyordu, lakin, geçen sayımızda bahsettiğimiz bütün bu vaz'iyet tedhişin büyüklüğünü tayine kâfi değildi.[1])

Her daim olduğu gibi „Pravda" ile „İzvestiya" gazetelerinde ifşa edici fıkralardan işe başlandı. Fakat, burda da hiç bir tehlike hissettirmiyen yumuşak bir eda vardı. Bununla birlikte mahellerdeki in'ikâs, tekrar ediyoruz, şimdiye kadar görülmemiş bir kuvvetle kendisini gösterdi ve Şimalî Kafkasyadaki komünist teşkilatının rehber kadrosunun heyetini radikal surette değişti.

Dagıstanda olub—bitenleri tasvirden başlıyalım

25 Eylûl 1937 tarihli „Pravda" da „Dagıstan vilayet komitesinin çürük pozisyonu" başlıklı bir fıkra çıktı. Bu fıkrada Dagıstanın yıllardan beri „burjua milliyetçilerin" elinde bulunduğundan ve bütün sovyetler komünist fırkasının Dağıstan vilayet komitesi burosunda buğün bile „yerli milliyetçiler" oturmakta olduklarından bahsolun uyordu. Ve misal olmak üzre de Dagıstan icraiyesi reisi Mehmed Dalgat ile komiserler heyeti reisi sabık çekist Kerim Mehmedbekof gösteriliyordu. Ayni zamanda „kontrrevolusyon milliyetçiler" Korkmazof, Astemirof ve Gabiyefin adları dahi zikrolunmakta idi. Bunlardan iki sonuncular bir kaç ay evvel tevkif edilmiş (belki de kurşuna dizilmişlerdir; Bagan Astemirof hakkında bunu kat'iyetle iddia etmek olur), birincisi ise 1933 den itibaren daima Moskvada oturub latınlaştırılmış yeni alfabe komitesi adını taşıyan bir müessesede çalışıyordu. Fıkranın sonunda Dagıstan komünist fırkası birincı kâtibi Necmeddin Samurskiden bahsolunuyordu ve iddia ediliyordu, ki: bu adam „ifşa edici bütün materyallara" malik iken „..çok tuhaftır, anlaşılmaz bir surette hareketsiz duruyor"

Bu ittihame „darbeli bir surette" cevab verildi. Bir gün sonra, Eylûlun 27 nde Dagıstan vilayet komitesi burosu bu fıkrayı müzakere etmiş ve fikrini bir kararla tesbit eylemiştir. Dalgat ve Mehmedbekof fırkadan ihrac edildiler: birincisi — „kontrrevolusyon burjua milliyetçisi, faşist—milliyetçi, Korkmazofun şagirdi ve müridi" olduğu için, ikincisi ise—„burjua milliyetçilerin hâmisi ve müttefiki" olduğuna göre.[2])

Samurski hakkında ise kararda deniliyordu, ki: „Dag. vil. kom. burosu, Samurski yoldaşın bir çok mes'eleler hakkında aleyhinde vaz'olunmuş mes'elelere dair verdiği izahatı kâfi bulmuyor" ve „Samurski yoldaşın hatti hareketini vilayet komitesi plenuma bildirmeği lüzumlu buluyor."

Halbuki Samurskinin mukadderatını büronun bu kararı kendisi halletmiş bulunuyordu.

Bu kararda Samurskiye çok karakteristik ittihamnane verilmişti.

1934 de o „Tomskiyi Dagıstana davet etmiştir", ondan daha evvel, 1924 de ise Merkezî Komite namına gönderilen bir vesikayı imza etmiştirki „burjua milliyetçilerle pantürkistlerin hareket programından ibaretti".[3]) Bunlardan başka Samurski „çürük liberalizm göstermiş ve burjua milliyetçilerle birleşmiştir," ona göre „halk düşmanlarının, burjua milliyetçilerin Dagıstanda yıllardan beri devam ettirdikleri dağıtıcı işin bütün mes'uliyetini o taşıyor."

Görüyoruz, ki bütün bunlar Samurskinin „halk düşmanları" sırasına salınmasına kifayet eder. Hakikaten de, daha iki gün sonra, 30 Eylûlda, Mahaç-Kala (Şamil-Kala) fırka aktivleri ictimainde, Samurskiye yalnız bu unvanlar değil, burjua milliyetçileri ideologu" rütbesi dahi verildi.

Fakat, Mahaç—Kala komünist aktivleri ictimaini tetkik etmeden bir az Celal Korkmazofun mukadderatı üzerinde duralım. Dagıstan komünist fırkası bürosunun kararında ismi iki defa geçen Korkmazof, Şimalî Kafkasya komünistleri arasında yegane „eski komünisttir", 1903 den beri komünist fırkasındadır ve, muhacirette iken bolşevizmin müessisile görüştügünden istifade ederek, kendisini daima „Leninin arkadaşı" diye takdim ederdi. Kararda Korkmazof „faşist milliyetçisi" adlanmıştır. Zinovyef ile kurşuna dizilen bir çok sovyet ricalı bile sâdece „faşist ajani" adlanmış ve adlanıyorlar. Korkmazof ise „halk düşmanları" sırasında daha yüksek rütbe ile teltif edilmiştir. Aydın bir mes'eledir, ki bu şerait içerisinde onu da yaşayanlar listesinden silmek lâzımdır. Korkmazofun kurşuna dizilmiş olması bir de onun için hakikata muvafiktir, ki Şimalî Kafkasya komünistlerinin bir çoklarile de böyle sessizce hesab görülmüştür (İdris Ziyazikof, Sahan-Girey Mansurof, ve bu ya-

[1]) „Fırka konfranslarında ne konuşuldu?" makalesine bakılsın. Bu makalede D. Toguyefi biz ,,Çeka bodrumuna namzed" göstermiştik. Makale ruscadır.

[2]) „Dagestanskaja Pravda" 28-9-1937.

[3]) 43 maruf Dagistan komünistinin imzasile Dagıstan cumhuriyetinin sabik Cenubi—Şarkî eyalete ilhakına karşı protestolarına işarettir, ki daglı halk rus ekseriyeti içerisinde eriyordu.

kınlarda, Hamşik Kambiyef, Kurban Kurciyef ve başkaları).

Fakat, Mahaç—Kala fırka aktivinin ictimaine avdet edelim. Bu ictimada bir çok „burjua milliyetçileri" meydana çıkarılmış ve bunların da sırasına şu adamlar ithal edilmiştir: C. Korkmazof, N. Samurski, K. Mehmedbekof, M. Dalgat, Taho-Godi, Malaçehanof, Temirhanof, İbrahim Aliyef, Said Gabiyef, Payzuddin Haciyef, Debir Saidof, Han-Mehmedof, ve başkaları. Bunların ekseriyeti komünizmin Ş. Kafkasyaya gelmesine yardım etmiş olan adamlardır ve kendilerini „eski komünist" olmasa da, her halde Şimalî Kafkasya bolşevizminin „eski gvardiyası" addetmeğe hakları vardır. Halı hazırda, „Pravda„nın yazısından sonra bunların heyeti umumiyesi mahbus bulunuyor, bir çokları ise yaşamıyorlar.

Şamil—Kaladaki fırka aktivi ictimai bu adamlara verilen ittihamnamenin bütün teferrüatını meydana koymuştur. En maraklısı şu, ki suçların bir çok kısmı daha „ifşaattan" evvel, bilmeleri icab edenlere" gizli ola bilmezdi. Mesalâ: Samurskinin devlet neşriyat idaresi tarafından neşrolunan ve resmî surette yayılmış olan bir çok kitab ve broşurleri, ki sovyet rejimini ve bizzat kendisini medhediyorlar, fakat, ayni zamanda Dagıstanın ve diğer dağlıların hususiyetini müdafaa ederek Şimalî Kafkasyanın, SSSRin rus mıntakalerinden farklı bir sovyetize metodu taleb ettigini isbat etmektedirler.[1])

Yukarıda bahsı geçen protesto mektubunun dahi mechul kalması imkân haricindedir. Bu protesto mektubunda Dagıstan komünistleri Dagıstan sovyet sosyalist cumhuriyetinin sabık Cenubi—Şark ülkesi dahilinde bulunmasına itiraz ediyorlardı. Bundan başka daha yakın günlere kadar „rehber" sayılanların „ictimaî menşeleri de gizli kala bilmezdi. Diğer mes'eleler de ayni kabildendir. Halbuki fırka aktivleri ictimainde çıkışta bulunan „baş ittihamçılardan" Dağıstan komünist fırkasının ikinci kâtibi Sorokin, büro azası Lomonosof ve sovyet kontrolu mümesili Gulyayef bu malumatı yeni keşfedilmiş gibi takdim etmişlerdir.[2]) Bu „ifşaat" içerisinde Samurskinin „ictimaî menşe'ine" aid „keşfiyati" bilhassa kaydetmek lâzımdır „Yalnız şimdi" anlaşılmıştır, ki Samurski „büyük bir koyunçunun oğlu imiş ve babası Bakû kapitalistlerinden birinin emlakini idare ediyormuş ve provokator miş".[3])

Bununla birlikte „baş ittihamçılar" yeni—yeni olmasa da az malum—faktlər da getiriyorlar. O cümleden olmak üzre, Lomanosof demiştir, ki:

„Mehmed Dalgat, Cenubi—Şark ölkesinden çıkmak hakkındaki vesikanın ve başka mes'elelerin, Korkmazof, Samurski, Taho-Godi ve Dalgatın teşebbüsü ile, burjua milliyetcileri tarafından gizli olarak ilkönce kendi hususî toplantılarında müzakere edildiğini ve bu anti — parti toplantılara yalnız dikkatle tahkik edilmiş burjua milliyetçileri bırakıldığını boyn una almıştır".

Ve sonra:

„Sıkı surette birleşmiş ve maskelenmiş olan burjua milliyetçi grupu böyle meydana gelmiştir. Teşkilat itibarile bu grup 1922 de şekillenmiştir. O yıl bu grup imza ettiği vesikada" aşağıda imzası bulunanlar birbirlerini tutacakları, ve, sovyet ve fırka teşkilatlarındaki bütün mes'eleleri ilk önce kendi aralarında görüşecekleri hakkında and içmişlerdir."[1])

Yâni: bütün antisovyet aktlar teşkilatlı surette tatbik ediliyormuş. Lakin bu Dagıstan komünist fırkasının rehberleri arasında „didişmeye" mâni olmamıştır. Hususî vasıtalerle aldığımız bu malumattan geçen yazılarımızda bahsetmiştik. Şimdi Lomonosof bu malumatı teyid ediyor. Onun söylemesine göre Dagıstanda iki grup varmış: biri Korkmazofun grupu, öteki de Samurski — Said Gabiyef grupu.[8])

Lomonosov demiştir, ki:

„Mahiyet itibarile bu grup kavgasile perdelenmiş vahid burjua milliyetçi kontrrevolusyon bir grup idi ve burjua ve mülkedar muhitten çıkmış olan bu unsurlar prensipe taalluk eden mes'elelerde daima umumî dil buluyorlardı".

Meselâ:

„Birbirlerile çarpışan gruplar dil mes'elesinde pantürkizm pozisyonunda birleşiyor, türk dilinin temelli surette yerleştirilmesini teşvik ediyor, rus dilinin öğretilmesini zorlaştırıyor, bununla da yoksullara orta ve yüksek mekteblere gitmek yolunu kapatıyorlardı.[9])

Bundan başka:

„Muhtelif gruplar eski burjua münevverlerin kıymeti hususunda dahi anlaşıyorlardı. Onlar sabık kapitalist Abdullayef, Emirof, Malaçıhanof, Temirhanof ve başkaları gibi insanları var kuvvetlerile himaye ediyor ve rehberlik makamına yaklaştırıyorlardı. Onlar, Kabarda-Balkaryadan ve Şimalî Kafkasyanın başka millî cumhuriyetlerinden kaçıb Dagıstana sığınmış Dudarof ve Tavkezef gibi mülkedar ve asilzadeler dahi himaye etmişlerdir.

Burjua milliyetçilerin mevkiini takviye için Taho-Godi ve elaltıları kendileri için kadro hazırlıyor, miralay Alibekof, Danoguyef gibi Dagıstan yoksul kitlesinin düşmanları olan mülkedar ve asilzadelerin evladlarını universitelere gönderiyor, onlara yüksek tahsisat veriyorlardı".

---

[1]) Doğrudur, 3—4yıl evvel Samurski'nin ve bir çok Şimalî Kafkasya muharrirlerinin „eserleri" toplatılmıştır. Fakat, bu hadisenin de GPU ye malum olması lazımdı. Bilhassa, ki „zararlı" kitabların toplatıldığı yıllarda Samurski Dag. Vil. komitesine birinci kâtib tayin olunmuştur.

[2]) Dikatte değer, ki „ifşa" edenlerin ve Şimalî Kafkasya sovyet gazetelerinde son zamanlarda külliyetle görülen matbu ihbarların muharrirleri hep rustur. „İfşa edilenler" ise ekseriyetle dağlılardan ibarettir.

[3]) „Dagıstanskaya Pravda" 4-X-1937.

[1]) „Dagıstanskaya Pravda" 2-X-1937.

[8]) Lomonosof bu ihtilaftan açık ve matbuatta bahseden ilk komünistir.

[9]) Lomonosof, Şimalî Kafkasyada, o cümleden Dagıstanda dahi ayni zamanda orta ve yüksek mekteblerin de rusifikasyonu uğrunda mücadele yapıldığını ve yapılmakta olduğunu söylemek istemiyor. Ve sonra, tam yanı başımızda Azerbaycanda nominal olarak „türkleşmiş" orta ve yüksek mektebler vardır.

Bütün bunlar Lomonosofu icbar ediyor, ki Samurskiyi Korkmazofun „formal düşmanı” addetsin. Fakat, bize malumdur, ki bu iki şahıs arasında doğrudanda esasli ve derin bir ihtilaf vardı. Biz, bir münasebetle, Korkmazofun Moskvaya çagırılması ve aktiv faaliyetten çekilmesi işinin Samurski tarafından yapıldığını kaydetmiştik. Samurski, Korkmazofun dil mes'elesi hakkındaki samimîliğinden istifade ederek onun tevkifini taleb etmişti (Korkmazof rus dilini „müstevli dil” adlandırmıştı). Fakat, Orconikidzenin müdahelesi bu defa „Leninin arkadaşını“ kurtardı. Bununla birlikte o, kendi „formal düşmanı“ gibi, beklenen akibetten kurtulamadı.

Üzerinde durduğumuz ictima, yalnız Dagıstan bolşeviklerinin „eski gvardiya” — sı arasındaki gizli münasebetleri değil, şimdiye kadar Samurski — Korkmazof „formal düşmanlığı“ gibi kendisinden açık bahsedilmiyen, fakat herkese malum olan bir hakikatı da meydana koydu.

Biz sovyet hükûmetinin muhaciret siyasetini kastediyoruz. Mecmuamızda, Sovyet hükûmetinin Şimalî Kafkasyada toprak mes'elesini halletmek fikrinde olmadığı hakkında çok yazılmıştır. Dağlardan düzlere miskalle vaki olan, son yıllarda ise temamile durdurulmuş olan muhaciret ve iskân hareketini biz daima bir nümayişten ibaret bilmiş, geniş bir şekil ala bilecek muntazam bir aksyon telakki etmemiştik. Halı hazırda bu mes'elede maskelerini çıkarmış ve kartlerini açmış bulunan bolşevikler noktayi nazarımızı teyid ediyorlar.

Sorokinle Lomonosofun „burjua milliyetçilerini“ ittiham ettikleri suçlardan en mühimi toprak — su islahatı denilen mes'eleye alakadır. „Burjua milliyetçileri“ dağlardaki toprak azlığını, oradaki ahalinin fazla kısmını düzlere köçürmek suretile halletmek mümkün olacağı kanaatındadırlar. Samurski broşurlerinden birinde dağlara, fatihlerin maglubları doldurduğu „taş çuval“ adını vermiştir. Şunu da kaydetmek lâzımdır, ki dağlarda her köylünün malik bulunduğu arazi hektarın onda, hatta yüz de birini teşkil eder. Ona göre Korkmazofla Samurski gibi kalın kafalıların bile yegâne çare olarak düzlere umumî ve geniş muhacireti görmeleri gayri tabiî değildir. Lakin opportunist oldukları için, seslerinin bir şeyler ifade ettiği bolşevizmin ilk yıllarında fikirlerinde israr edemediler. Bunun neticesinde, gerek onlar, gerekse Şimalî Kafkasyanın başka „muhtariyetlerinde“ olan arkadaşları dağlık mıntakadan, ahalinin ehemmiyetsiz bir mıkdarını göçüre bildiler, ki bu da toprak mes'elesinde hiç bir degişiklik yaratmadı.[10])

Bugün ise bu kadarı da çok görünüyor. Sorokin diyor, ki:

Onlar „b u r j u a m i l l i y e t ç i l e r i n i d e o l o g i S a m u r s k i n i n d a ğ l a r ı d a ğ l ı l a r i ç i n „t a ş ç u v a l“ t e l a k k i e d e n k a n a t l i c ü m l e s i n d e n“ h a r e k e t ediyorlar. Sorokin ile Lomonosof ise iddia ediyorlar, ki dağlarda kâfi kadar toprak vardır ve toprak islahatı „kolçomakların“ sürülüb emlâklarının ise „yoksullara“ verilmesinden ibaret olmalıdır. Ve bu sürgünler de yakındaki düzlere değil, „Sovyetler birliğinin uzak köşelerine“ icra edilmelidir. Bu suretle, dağlardaki toprak hisselerinin hiçliğini nazari itibare alacak olursak şu neticeye gelib dururuz, k „yoksullara“ nisbeten yaşaya bilecek kadar toprak vere bilmek için hiç olmazsa ahalinin $^4/_5$ kısmını „kolçomak“ adlandırıb sürmek icab edecektir.

Sovyet hükûmetinin Şimalî Kafkasyada yakın günlere kadar propaganda şiarını teşkil eden „toprak islahati“ nın son merhalesi işte bundan ibarettir.

Sorokinin, Lomonosofun ve başkalarının çıkışından sonra fırka aktivinin kabul ettiği karar yalnız Mehmed Dalgatı ve Mehmedbekofu değil Dagıstanda mevcud olmıyan „faşist-milliyetçi“ Korkmazof dahi dahil olmak üzre, Samurski, Taho-Godi, İ. Aliyef, S. Gabiyef ve başkalarını da resmen „halk düşmanı“ ilân etmiştir.[11])

Bu listeye, „eski gvardiyanın, daha iş başında bulunan ve vaktile muhtelif yollarla: ilk önce Dagıstan sosyalist grupu içinde, ondan sonra „Müdafaa şurası“ ile birlikte ve nihayet gerek Dagıstanda, gerekse onun haricinde mes'ul mevkiler işgal etmekle (Said Gabiyef) bolşevizmin zaferini temin etmiş olan bütün mümessilleri dahil edilmiştir.

Şimdi Çeçeno-İnguşetiyda ceryan eden hadiselere geçelim. Burada da işe „Pravda“ da çıkan bir yazı ile başlanmıştı.[12])

Fark yalnız, ifşa edilen mahellî komünist ve sovyet müesseseleri rehberlerinin (Gorçhanof, Vahayef, Okuyef ve Kazaliyef) „eski gvardiyaya mensub olmamasında idi. Malum olduğu üzre Çeçenistandaki „eski gvardiya“ (İrdis Ziyazikof, Arsanukayef ve başkaları) daha kaç yıl bundan evvel likvide edilmişlerdir. Yaş itibarile en büyükleri Gorçhanof da dahil olmak üzre Çeçeno-İnguşetiyada „ifşa“ edilenler“ sosyalist kuruluşunda“ nisbeten yeni adamlardı. Onların mukadderatı da ifşa edilen Dagıstan komünistlerinin mukadderatının aynidir: ilk önce umum Sovyetler komünist fırkasının ölke komitesi bürosu tarafından, sonra Grozni (Suyuç-Kala) fırka aktivi tarafından tekdir en son, fırkadan ihraç ve, çok ihtimal, tevkif ve belki idam... Bunların üzerinde tafsilatile durmağa imkânımız yoktur. Fakat, bununla birlikte, „Pravda“nın yazısından sonra „Grozn. Raboçi“ gibi rusca“ cumhuriyet organında“ görülen ihbar (donos) denizi üzerinde bir az duracağız. Şayani dikkattır, ki ifşa edilenler hep „burjua milliyetçileri“ ve fıkraları yazanlar da hep rusca soy adı taşıyorlardı.[13])

Meselâ, sovyet adaletinin bekçisi, cumhuriyet müddeiumumisi Mehdiyef böyle ifşa edilmiştir. İhbar muharri G. Tihonof onu „G o r ç h a n o f u n, V a h a y e f i n v e O k u y e f i n a d a m ı“ ve „b u r j u a m i l l i y e t ç i“ adlandırmaktadır. Mehdiyefi, yerli milletlere mensub komünistlerin sui istimallerini ihmal, rusları her vasıta ile takib etmekle ittiham ediyorlar. Tihonofa göre „a l ç a k M e h d i y e t, k e n d i a d a m l a r ı n ı h i m a y e e d i y o r d u“. Mehdiyefe verilen burdaki unvan onun çoktan işten atılmış olduğunu isbat eder, gerçi bu hususta hiç bir yerde açık söylenmiyor ve daha Eylûlda o müddei umumî bulunuyordu.

---

[10]) Serbest toprak denilen kısımlarda sovyet hükûmeti sovhozlar teşkil etmiş, ayni zamanda çar hükûmetinin kolonya siyasetini tatbik ederek bu yerlere rus köçürüyor.

[11]) „Dag. Pravda“ 5-X-1937.

[12]) „Ş. K.“nın geçen sayısındaki haberler kısmına bakılsın.

[13]) „Donos“ ların muharrirleri: R. İvanof (bir kaç fıkra), İvanof-Yanus, İ. Slavin, Garni ve İ. Ilski ortaklar (bir kaç yazı), Vassung, G. Tihonof, A. Antipof v. s.

Bundan sonra Al. Çerepovski adında birinin Çeçeno-İnguşetiya ince san'atlarını idare edenler aleyhindeki yazıcısı da manalıdır.[14])

Çerepovski iddia ediyor, ki: „Çeçeno-İnguşetiyanın, şekilce millî, mahiyetce sosyalistik san'atının inkişafına burjua milliyetçiler mâni olmuşlardır". Onun yazdığına göre „burjua milliyetçileri millî tiyatro sahnesinde kontrrevolusyon eserler oynıyormuşlar; var kuvvetlerile „cumhuriyette yüksek musiki kültürünün inkişafına" mâni oluyorlarmış ve bu da „millî orkestroya avrupaî aletler salınmasına" mâni olmakla kendisini göstermiştir. (ihtimal, ki balalaykayı bırakmamışlar, çünkü Çeçeno-İnguşetiyada ancak simli orkestro vardır). Bundan başka, iki yıl bundan evvel Suyunc-Kaladaki rus dram tiyatrosu terki faaliyet etmiştir. Bu hususta Çerepovski yazıyor, ki:

„Elbette böyle bir tiyatro burjua-milliyetçi sürüsünün hoşuna gitmezdi. Burjua milliyetçileri, ziyan ettigini bahane ederek tiyatroyu kapattılar". Nihayet, „Gorçhanof ve onun kurt sürüsü" Sleptsevska stanitsasının „kazak korunu, maddeten teminden imtina etmiştir.

Yazısının sonunda Çerepovski diyor, ki: „Güzel san'atlar cephesindeki ziyançılığa son koymak zamanı gelmiştir. Ziyançılar şiddetli cezaya çarpmalıdırlar. Güzel san'atlarımızın (?) inkişafına mâni olan düşman engellerini (yâni tam millî müsikinin son bakiyesini — D.) kaldırmak ve maskeleşmiş halk düşmanlarile onların elaltılarını yuvalarından çıkarıb atmak lâzımdır".

Bir çok yazılarda Nazran nahiyesi rehberlerinden Mehmed ve İsrail Haniyef kardeşler[15]); Açhoy-Marta nahiye icraiyesi reisi „pristav ve büyük tüccar oglu, Nojayet Ahmed mollanın eniştenesi" Nalayef; Satodaki mahallî sanayi idaresi müdürü „eski Çeçenistanda büyük tüccarlardan biri" ve „burjua milliyetçişi Okuyefin akrabası" Musayef İşa; Şato polis müdüru Hasayef Cebrail, Şato ticaret şubesi müdürü Musayef Abubekir (İsanın kardeşi) ve bir çok başkaları dahi „ifşa edilmektedir".

Bilhassa Çeçenistan devlet neşriyat idaresi müdürü Arsanukayef Halid ile ilmî — araştırma enstitüsü müdürü Arsanof Said üzerinde durmak icabeder.

Bunlardan birincisi bir kaç yıl evvel ölen icraiye komitesi reisi Arsanukayefin ve Uzum-Hacının sabik „büyük veziri" „knyaz Dışninski" — İnaluk Arsanukayefin kardeşidir. İkincisi hakkında ise „Grozn. Raboçi" (23-IX-1937) böyle yazıyor:

„Anketlere göre o eski-yurt batrakının (ücretle çalışan yoksul köylü) oğludur. Bununla birlikte o Çar devrinde lise ve Petrogradda yüksek mekteb ikmal edebilmiştir. Tarih, çar satraplarının batrak çocuklarına mekteb kapılarını geniş surette açtıklarına dair böyle bir misal bilmiyor".

Ve sonra:

„Arsanof, 1911 den 1914-e kadar ve 1917 — 18 ncı yıllarda, iki defa Almanyada bulunmuştur. Orada o anarşist fırkasında bulunmuş. SSSR de o Moskva, Leningrad, Bakû, Odesa, Grozni, Uzak-Şark, Arktika (kutubi Şimalî) gibi hususî ehemmiyeti haiz yerlerde çalışmıştır. Biz, ilmî — araştırma enstitüsü müdürü Arsanof Said-Bey maskesi altında düşman gizlenmiş olduğuna şüphe etmiyoruz".

Bu suretle yazı sahibleri (Gorni ve İlski) Arsanofu „Alman faşizminin casusu" sıfatında takdim etmeğe çalışıyorlar. Bununla yan-yana gerek Arsanofu, gerekse Arsanukayefi „burjua milliyetçilikle" ittiham ediyorlar. Onlar kendilerini „ictimaî menşe itibarile yabancı adamlardan"[16]) ibaret memurlarla bürümüş ve „açık milliyetçi mahiyette materyallar" neşrediyormuşlar ve ilh... veilh... Bu „halk düşmanları" sayesinde tabedilmiş ve yayılmış bulunan 19 adda siyasî edebiyat, 17 mevzuda 17 mekteb kitabi ve 3 adda bedîî eser toplatılmış ve bir çok kitablar da toplatılacaktır.

Arsanukayef Halidin tercümei halinden bahsederken „Grozn. Raboçi" gazetesi onun kardeşi İnaluk Arsanukayefi hatırlıyarak diyor, ki:

„Çeçeno-İnguşetiya halkının celladı—knyaz Dişninski, başka adı: Uzum-Hacının kontrrevolusyon emirliginin büyük veziri" olan bu adam „bilâhere bu düşman kurşuna dizilmiştir".[17])

Bu son cümle çeka kahramanlarının vahşetlerinden birini dahi ifşa ediyor ve Çecenistanda ağızdan ağıza „İnaluk Arsanukayefi çeka öldürdü" diye yayılan şayiayi teyid etmektedir. Mes'ele bundan ibarettir, ki bolşevik istilâsından sonra Arsanukayef bir müddet dağlarda gizlendi, sonra ise „affolunub" Suyunc—Kala'da yaşıyordu. Bir müddet sonra, gece eve dönerken, oturduğu evin yakınında „mechul adamlar" tarafından öldürüldü. Elbette, katiller bulunmadan kaldı. Şimdi „Grozn. Raboçi" de „ifşaat yazan" Arsanukayef artık bu katillerin adresini gizletmeğe lüzum görmiyor ve açık olarak diyor, ki Arsanukayef „kurşuna dizildi". Bundan anlaşılıyor, ki Şimalî Kafkasyadaki çekistler kendilerini çok kuvvetli hissediyorlar ve yalnız son günlerin umumî idamlarını değil, eski „günahlarını" dahi maskelemeye ihtiyaç hissetmiyorlar.

Şimdi de Şimalî Osetiya sovet sosyalist cum-

---

[14]) Grozn. Raboçi 9-X-1937.

[15]) Mehmed Haniyef hakkında deniliyor, ki: „Haniyef miralay rütbesinde Uzum-Hacı hükûmetinin baş erkâni harbiyesinde bulunmuştur, sonra da ticaret nazırı olmuştur". O ayni zamanda „İnguş vilayet komitesi kâtıbı Ziyazikofun yakın arkadaşi idi". („Grozn Raboçi" 15-IX—1937).

[16]) Bu adamlar hakkında „Grozn. Raboçi" 16-IX—1937 tarihli sayısında (yazan İ Slavin) yazıyor, ki: „İstihsal şubesi müdürü ve neşriyat (devlet neşriatı—D) reisi muavini olarak ifşa edilmiş halk düşmanı Şahgireyef çalışıyordu. Edebiyat kısmını halk düşmanı Ediyef idare ediyordu, meş'ul müdür muavini halk düşmanı Bektemirof idi, derslikler (mekteb kitabları) müellifleri sabık molla Ahmed Nojayef, büyük bir tüccar oğlu Matsiyet Ahmed, sabik polislerden Yandarof Halid, sabik, alverçi Zakariyef Cemal: neşriyatin istihsal kısmı müdürü Hacıyef Said Ahmed—kontrrevolusioner oğlu".

[17]) „Grozn. Raboçı" 16-IX—1937.

huriyetindeki hadiselere geçelim. Dagıstanda olduğu gibi burda da, osetin mütevverlerinin bolşevizmlik yapan „kermenistlerinden" ibaret „eski gvardiya" tamamile imha edilmiştir.

„Sosyalistiçeskaya Osetiya" (1-X-1937) gezetesinden aldığımız aşağıki satırlar bu imhanin şekli hakkında bir fikir uyada bilir:

„Takoyef Daukuy ve Dzandar, Osetin milletinin hayatî menfaatlerini satmış olan Simon Takayefin yakın akrabalarından. Burjua — miliyetçileri olan Togoyef Danel, Velbayef Dzandar, Kornayef Mussa ve Arsagof Gorga ile birlikte onlar, fırka bileti arkasında gizlenib, kontrrevolusyon burjua — miliyetçiliği yapıyorlardı ve cumhuriyetin rehber teşkilatlarında sonsuz ihtilaflar ve kontrrevolusyon gruplar yaratıyorardı."

Ve sonra:

„Rehberleri Simon Takoyefin talimatile cumhuriyetin iktisadiyatile kültürünü dağıtmak için onlar cinayetkârane işler görmüşlerdir, fırkaya sadık millî kadronun artmasına mâni olmuşlar, kendilerini fırkaya düşman ve karanlık geçmişli burjua milliyetçileri gibi unsurlardan ibaret yakın ve akrabalarile ihate etmişlerdir."

Bu fıkrada „eski gvardiya" ya mensub olanlardan son zamana kadar sovyet apparatında rol oynamakta devam edenlerin hepsinin ismi kaydedilmiştir.

Dikkate değer, ki Şimalî Osetiyadaki „eski gvardiya" içerisinde dahi muhtelif gruplar arasında „kontrrevolusyon gruplaşma" devam etmiştir. Bu hususta dahi az — çok malumatımız vardır. İlk önce maruf „kermenist" olan Sahan Girey Mansurof, diğer maruf „kermenist" Simon Takoyefi, Samurski Korkmazofu gönderdiği gibi, Moskvaya göndermek suretile ortadan kaldırdı. Sonra Mansurofun kendisini de „ortadan kaldırdılar." Geçen yıl Kazbek Butayef, Gino Barakof, Şamil Abayef ve başkaları „ortadan kaldırılmışlar" idi. Şimdi ise, gördügümüz gibi, „moskviç" S. Takoyef de dahil olmak üzre, bütün „galibler" ve „maglublar", osetin milletinin hayatı menfaatlerini satan burjua milliyetçileri ilan edilmişlerdir. Bu hakikat güsteriyor, ki yerli komünistler, bütün ihtilaflara ragmen. bir mes'elede ortakdırlar: hepsi sovyet hükûmeti hakkında sukutu hayale uğramışlardır ve millî mıntakalerde Moskvanın nüfuzunu kırmağa çalışiyorlar.

Şimalî Osetiyadaki imha malum metodla icra edilmektedir: ilk önce „İzvestiya„da yazı (28-IX-1937) sonra fırka bürosunda ve, bu buronun kararını çokyumuşak telakki eden Orconikidze (Terk—Kale) fırka aktivlerinin toplantısı ve nihayet vilayet komitesi bürosunun kararı.[1]) Neticede aşağıdaki adamlar „halk düşmanı" ilan edilib fırkadan atılmışlardır: icariye komitesi reisı Togoyef Danel, sıhhat idaresi müdürü Elbayef Dzandar, amele sındakaleri reisi Takoyef Daukuy, Yollar idaresi müdürü Takoyef Dzandar, maliye şubesi müdürü E. Tsalikof, elektrofiikasyon Idaresi müdürü Karsanof Hataktsiko, maarif şubesi müdürü Ç. Horonof, ticaret şubesi müdürü A. Alacıkof, Terk-Kala komünal reisi reisi Dzogoyef Aliban, Kornayef Mussa, „Rastdzenad" gazetesi müdürü Galayef Stepan ve başkaları.[2])

Sovyet gazeteleri yazmasalar da, bu listeye girenlerden çoğu artık „izolire edilmışlerdir." Halk düşmanları" „hiyanet" işlerini devam ettirmek için nasıl serbest kala bilirler?!..

İcmalimizi bitirirken bir daha tekrar ediyoruz, ki son vıl esnasındaki hapisler va „temizlemeler" neticesinde Şimalî Kafkasya bolşevizminin „eski gvardiyasından" kalan bütün komünistler imha edilmiştir. Samurski, Mahmedbekof, Togoyef ve başkalarının tevkif edilmesile sovyet hakimiyetinin gelmesine şuurlu ve aktiv surette yardım etmiş olan Şimalî Kafkasya bolşevizminin son „veteranlari" sahneden çekilmiş oldular[3]) Onların hepsi, hakimiyetlerini tahkim ettikleri kuvvetlerin kurbanı olmakla çok haklı bir cezaya çarptılar. Lakin, bununla birlikte Şimalî Kafkasyadaki komünistlerin bütün üst tabakası—bütün cumhuriyet ve vilayetlerin, istisnasız olarak rehber kadrosu mütezarrir olmuştur. Büyükdevletçi rus bolşevişmi, asgerî bir derecede bile olsun kendisini gösteren millî ruh ile bir yerde yaşayamaz. Ona göre şimdiye kadar tahlil ettiğimiz ihtılaflar daima olacaktır ve rus bolşevizminin rus olmıyan milletler üzerinde hakimiyetinden ibaret olan başlıca sebeb meydandan kalkmadıkca bu ihtilaflar da devam edecektir.

---

[1]) Simalî Kafkasyanın fırka aktivleri her daim ruslardan ibarettir. Bu suretle onlar rus olmıyan komünist teşkilatlari uzerinde bir nevi kontroldurlar.'

[2]) „Sosyalist Osetiya" 18-X-1937.

[3]) Yalnız Kabarda—Balkar komünist teşkilatı birinci kâtibi Betal Kalmıkof istisna teşkil etmektedir. O Stalin rejiminin tezatleri içinde çok mahirane manevro yapıyor ve kendine tâbi komünistleri kendi selmaeti için mahirane bir surette kurban verebilir.

MECBURÎ BİR İZAH

Geçen sayımızda, Abhaziyada Stalin—Beria dil siyaseti hakkındaki yazımız, gürcü millî Merkezinin organı kardeş „Damoukidebeli Sakartvelo„nun beklemediğimiz bir replikini mucib oldu. Bu mecmuanın Son Teşrin sayısında aşağıdaki sözler yazılmıştır:

„Okuyucularımız, Şimalî Kafkasya dağlılarının organı „Şimalî Kafkasya" mecmuasının bâzı taktiksiz hareketini biliyorlar. Bir zamanlar her çıkan sayının kapağında, Gürcüstanın büyük bir kısmını Şimalî Kafkasya cumhuriyeti içerisine alan Kafkasya Konfederasyonu haritası dercederdi. Sonra, lazlar için kendi dillerinde ki-

tab tabedilğini memnuniyetsizlikle kayderdi, v. s. v. s. Şimdi de, Kafkasya milletlerinin birliğini müdafaa eden bu kardeş organ, abhaziyalılara latın alfabesi yerine gürcü alfabesi verilmiş olduğunu büyük bir felaket telakki ediyor. Ve bu hadisede de yukarıdan tahmil edilmiş bir hareket ve gürcü şövenizminin tezahürünü görüyor.

Abhaziya ile Gürcüstanı birbirinden ayırmanın mümkün olmıyacağını, sayğılı kardeşlerimizin anlamaları zaman artık gelmiştir. Onları, asırlardan beri devam eden tarihî—kültürel bağları birleşleştiriyor. Bu olmasa bile, sırf ilim bakımından gürcü alfabesi abhazcaya latın alfabesinden daha çok yakındır".

Bu repliki biz bir yanlışlık eseri telakki ederiz. Çünku biz hiç bir zaman „Damoukidebeli Sakartvelo" mecmuasının ve alelumum gürcülerin milîî duyğularını tahkir etmek fikrinde olmamıştık. Bununla beraber izahata ihtiyaç vardır. Buna da bizi icbar eden yalnız gürcü refikimizin asabî tonu değil, umumiyetle, bilhassa yukarıya aldığımız parçada gördügümüz kabilden ittihamlara nihayet vermek emelidir.

İlk önce, „D. S.„nin, nedense şimdi yazdığı, harita hakkında bir kaç söz. Bu haritanın yukarıdan sol köşesinde kaydedilmiş olan „efsane„nin ikinci satırında fransızca şu sözler yazılıdır: „limite méridionale de la zone habité par les circassiens". Bu yazı çok aydın ve okunaklıdır. Haritada gördügümüz gibi, bu sözlerden anlaşılıyor, ki abhaziyalılar ve cenubî osetinler çerkeslere, veya başka tabirle, şimalî kafkasyalılara, kafkasya dağlılarına, veyahud, „D. S." mecmuasının arzu ettiği gibi, „Şimalî Kafkasya daglılarına" mensubdurlar. Çünkü, onları Gürcüstanla" birleştiren tarihî—kültürel bağlar" ne kadar kuvvelti olsalar da, onlar hem kültür ve hem tarih bakımından (kaydediyoruz: devletî değil) en çok Şimalî Kafkasyadaki hemırklerile merbutturlar. Yalnız şu kadar söylemek kâfidir, ki abhazların ekseriyeti şimaldeki kardeşlerinin uğradıkları akibete uğtadı ve bugün uçüncü bir nesil halinde gurbette bulundukları halde babalarının yurduna dönmek ümidini terketmemişlerdir.

Bütün bunları „Gürcüstanın büyük bir kısmını Şimalî Kafkasya içerisine" almak şeklinde tefsir etmek doğrumudur?

Evet, biz kafkasyalı milletlerin birligi idesini samimyetle müdafaa ediyoruz ve bunu yalnız bizim değil, bütün Kafkasya istiklâlinin conditio sine qua non'u addetmekteyiz. Ona göre, Şimalî Kafkasya ile kafkasyalı komşu kardeş cumhuriyetler arasında bunun için dir, ki hiç bir erazi ihtilafi yoktur. Konfederatif Kafkasyada dahilî hudud ihtllaflarına yer yoktur. Fakat, „D. S.„nın yaptıgı gibi, bizde kan sesini temamile öldürmek de mümkün değildir... Sıra itibarile bize karşı vazolunan ikinci kabahat, 1935 de yazdığımız bolşevik „lazcılığına" aid fıkradır. Daha esaslı fikir edinmek için bu fıkrayı aynile aşağıya alıyoruz:

„12-VI-1935 tarihlı „Zarya Vostoka". Tiflisteki N. Y. Marr adına olan kafkasyaoloji enstitüsü yanında lazoloji şubesi açılacağını yazmaktadır. Ayni yazıdan öğreniyoruz, ki 1928 de (yâni: Türkiye yeni alfabeye geçmeğe başladığı zaman) sovyet âlımleri lazlar için (türk alfabesinden farklı) hususî bir alfabe yaratmışlardır ve yukarıda ismi geçen şube 1933—1934 ncı yıllarda laz dilinde bir çok mekteb kitabları neşretmiş ve laz ediblerinin eserlerini neşretmek için hazırlanmaktadır. (Banişi Mustafa, Lazurişi Musa, Abduluși Mehmed ve başkalarının eserlerini)

Daha cihan harbinden evvel, iş bulmak maksadile Karadeniz limanlarına düşen tek-tek muhacirler hesaba alınmazsa, demek olur, ki SSSR dahilinde ve Kafkasyada laz yoktur, sovyetlerin dostu olan Türkiyede ise lazlar türk milletinin ayrılmaz bir kısmı sayılmaktadır.

Böyle bir şerait içerisinde Sovyet hükûmetinin lazomaniliğının" sebebini bilmek çok meraklı olurdu. Sovyet — laz alfabesinde ve laz dilinde çıkan bu propaganda neşriyatı kimin içindir?!

Belki „yoldaş" Karahan buna cevab verir?!"

Sayğılı gürcü okuyucularımıza soruyoruz: bu yazıda gürcü millî haysiyetini tahkir eden nedir? Ve bu yazıda hakikatle muvafik olmiyan cihet neden ibarettir.

Fıkranın mânası çok aydındır. Bolşeviklerin laz alfabesi (başkasının değil, bolşeviklerin; çünkü, şimdilik Tifliste Sovyet hükûmeti oturuyor) yalnız sovyetlerin Türkiye aleyhinde bir intrigi gibi alına bilir. Biz de, kendisile bir çok dostluk muahedelerile bağlı bulunduğu bir memleket aleyhinde sovyet hükûmetinin bu intrigini kabartmak istedik.

Bizce, SSSRin milletlerarası vaz'iyetini sarsmak ve sovyet hükûmetinin dostluk hakkındaki teminatlerine inananların gözlerini açmak için her fırsattan istifade etmek lâzımdır. Bilhassa bu hususta, Kafkasya için en mühim antisovyet ve umumiyetle antirus faaliyet cephelerinden birini teşkil eden bu mes'elede bizi ittiham etmek doğru olamaz.

Nihayet üçüncü ittiham.

Aydın bir mes'eledir, ki Stalinin Şimalî Kafkasyada latın alfabesini rus alfabesile tebdil eylemesi, dil kuruluşu denilen sahade sistematik bir surette tatbik edilen ruslaştırma merhalelerinden birinin realize edilmesi demektir. Sovyet terminolojisini kullanırsak diye biliriz, ki bolşevik diktatoru bu mes'elede bir „büyük devletçi (rus) sövenisti" gibi hareket etmektedir. Çünkü daha yakın günlere kadar SSSR-deki bu gibi hareketlere verilen unvan bu idi.

Fakat anlamıyoruz, neden Beria ile birlikte ve bizdekine benzer bir gazete „kampanisi" nin iştirakile*), Abhaziyadaki latın alfabesini gürcü alfabesine çeviren Staline, gene sovyet istilahile, neden „yerli şövenist" diyemiyelim. Bir halde, ki o kendi kendisini inkâr ediyor: Şimalî Kafkasyada yerli dillere rus alfabesinin daha uyğun olduğunu isbat ettiği halde, dilin, ses itibarile, diğer Kafkasya

*) „Zar. Vost." nın 8 ve 9 İlk Teşrin sayilarına bakılsın.

dillerile ayni olduğu Abhaziyada ise gürcü alfabesini tercih etmektedir.

Biz gürcü alfabesinin aleyhinde değiliz ve bu alfabenin, normal latın alfabesine nisbeten Kafkasya dilleri için daha kolay olduğu hususunda bizi inandırmağa lüzum yoktur. Gürcü alfabesinin Kafkasya dillerinden birinin işine yaraması bunu isbat eden delillerden biridir*).

Fakat bu mes'elenin bugün Abhaziyadaki Stalin—Beria siyasetile hiç bir münasebeti yoktur—bolşevizmin gürcü millî menafiini temsil etmediği kadar münasebeti yoktur. Yazmadıklarımızı bize atfetmek doğru değildir.

Bu mes'elede bizim için ehemmiyeti olan „Stalinin yarattığı Sovyet hayati hakikiyesinin mantıkıdır", onu yazımızda da kaydetmiştik. Bu „mantık" ise diyor, ki „saf ilim bakımından", Sovyet tefsirine göre, „en muvafık alfabe" Şimalî Kafkasyada rus, Abhaziyada ise gürcü alfabesidir. Böyle „Lenin—Stalin millî siyasetinde" hiç te işler yolunda değildir. Kaydetmek istediğimiz de bu idi.

Bunu bir suç telakki ederek bizi taktiksizlikle ittiham etmek doğrumudur?!

Böylelikle, sayğılı refikimizin, Stalinle Beria avezine darılmağa karar vermiş olduğu kanaatı vücuda gelmezmi?

*) Bununla beraber XVIII nci asrın sonlarında gürcü alfabesi esası üzerine osetinler için bir alfabe yapan Yalguzidze, bir çok alametler ilavesine mecbur kalmıştı. Halbuki Abhaz dili ses itibarile osetinceden daha zengindir.

MATBUAT ARASINDA

Bir daha merkezî ve şarkî Avrupa devletleri blokuna dair

Çarnetski, Bammat'ın „Lehistan ve SSSR mahkûmu milletler" başlıklı mekalesine verdigimiz cevab (mecmuamızın 38—40 nomralı nushasına bakılsın) dolaysile, Varşova'da münteşir haftalık „Pşeglond Katolicki" mecmuasına yazdığı bir mekale ile, geçen sene aramızda münakaşa mevzuu olan mes'eleye (.Ş. K." № 33) bir daha avdet etmektedir. Sayğılı Çarnetski vaktile ilk mekalesinde şöyle demişti: „Lehistan her şeyden evvel kendi himayesi altında merkezî ve şarkî Avrupa devletlerinden mürekkep bir blok işini tahakkuk ettirmelidir. „Promete" milletleri ise kendi menafilerinin Lehistan menafii ile ortaklı olduğunu düşünerek kendi efkâri umumiyeleri, manevî hazırlıkları ve işleri ile bu mes'eleye yardımda bulunmalıdırlar. Lehistan bu emeline nail olursa, .Promete" milletleri, bu „merkezî ve şarkî Avrupa bloku„nun sıfatında kendi istiklâlleri için çok kuvvetli ve emin bir ziman elde etmiş olurlar".

Buna cevab olmak üzre, biz bu gibi arzuların tahakkukunu şüpheli gördügümüzü yazmış ve ilave olarak bu fikir tahakkuk ettiği takdirde bile buna karşı menfi bir pozisyon alacağımızı kaydetmiş ve sebeb olarak da şunları göstermiştik:

„Hatta en müsait şeraitte bile—çok uzun seneler geçtikten sonra tahakukunu imkân dahilinde tasavvur ettigimiz bu fikir tahakuk ederse, beynemilel münasabatta daha yeni bir kaç on sene için bir muvazene temin edecektir. Halbuki bizim dinamike ihtiyacımız vardir, bize derin beynemilel sarsıntılar, yeni bir 1914 ci yıl lâzımdır. Zira, ancak bu suretle dirki cezrî degişiklikler vücude gelebilir ve kurtuluşmuzu temine yarar".

Yazımızın sonunda da Çarnetski'nin düsünçesinın aksine olmak üzre şu yolu teklif etmiştik: ilk önce SSSR in çöküşü, sonra da şu ve ya bu terkibde merkezî ve şarkî Avrupa devletlerinin bloku.

Şimdi anlaşılıyorki, münakaşada tâ bidayetten sui tefehhüm varmış. Çünkü şimdi Çarnetski'nin yazısında, ileri sürdüğümüz bazi noktaların mevcud olduğunu görüyoruz. Meselâ, Çarnetski geçen seneki yazımızdan bazi parçalar alarak şöyle cevab veriyor:

„Buna ne denir? Aceba, „Şimalî Kafkasya" başmuharriri, bilhassa merkezî—şarkî Avrupa'da bir çok degişikliklere imkân verecek dinamikin çok yakında kendini gösterecegini sezmiyor mu? Hiç şüphesiz, şimdi biz, harbe on sene evvelisine nazaran daha yakın bulunuyoruzdur. İşte bu mülahaza ile dirki, merkezî—şarkî Avrupa bloku mes'elesi, gayri mütecanis devlet ve milletlerin taarrüzi—müdafiî bir ana düşüncesi olmak üzre, bugün aktualite kesbediyor. Bir müddet evvel kral Karol'un Lehistani ziyareti romen matbuatında bir sıra „Lehistan—Romanya—Ukraina" bloku projelerinin meydana çıkmasına sebebiyet verdi, leh matbuatı da Mareşal Pilsudski'nin „Romanya, Lehistan'in bir nevi devamıdır" fikrini muhtevi vecizesini tekrar hatırlamaktan çekinmedi. „Şimdi ise ksendz Hlinkin ziyaretine ve onun müracaatına şahit olmaktayiz. Soruyorum: her hangi bir muazzam devlet düşüncesi olmadan bütün bunları nasıl şekillendirmek mümkün ola bilir? Ancak, şarkî Avrupa devlet ve milletlerinin şu ve bu şekilde birlik haline gelmelerini temine yarıyan zihniyetdir ki Lehlilere de „Promete" mes'elesine yanaşmak için kuvvetli bir hareket noktasi temin edebilir."

Görüldüğü vechile, mekale sahibi bu yazısında propagandasını yaptığı blokun vücude gelişini ayni zamanda şarkî ve merkezî Avrupadaki devletlerin bugünkü vaziyet ve şeraitinde esaslı bir degişiklik olmadan, imkânsız bulmaktadır. Bu takdirde, fikrine temamen ortağız.

Fakat, asıl mes'ele şuki, bu işe kim başlıyacak, sabırsızlıkla bekledigimiz „dinamika" hangi taraftan gelecektir? Ve biz, her türlü "dinamiki" mi, yoksa kendimize en münasib olan „dinamiki" mi alkışlamalıyız?

Sayğılı Çarnetski, ku hususta şunları yazmaktadır:

„Faraza, şark mes'elesinde Almanya'nın yardımcı rolunu ele alalım. Prof. Smal-Stotski şöyle bir fikir beyan etmişti": „Promete" milletleri içerisinde doğan yardım ümidi işinde almanlar hesaba katılamaz, çünkü onlar bu güne kadar promete milletlerinin talebine

karşı vaziyetlerini belli etmemiş, şimdilik ancak komünist Moskva'sına karşı mücadele etmektedirler." Bu mes'elede Pariste çıkan „Prométhée" mecmuası ise başka türlü düşünmektedir. Dr. Mir Yakub'un mekalesinde („Expansion japonise" № 117, VIII-1937) Hitler Almanya'sının Rusya'ya karşı vaziyetini tahlil eden bâzi kayidler bulmaktayız. Bu mekale sahibine göre, Hitler, bu mes'elede Bismark siyasetini takıb etmektedir. Bu seyaset de, rus emperatorluğu ile teşriki mesai idesini katiyetle redederek, daima Rusya hesabına olmak üzre erazi ekspansiyonu arzusunu ileri sürmekten ibarettir. Mekale muharriri, Almanya Lehistan yaklaşmasını, işte bu görüşün bir mahsulu adederek, sunu ilave ediyor: Lehistan'la askerî ittifak olmadan Rusya üzerine yürüyüş imkân haricindedir." Muharrire göre Almanya, Ukraynayi işgal ve bu sayede Lehistanı ihate etmek işinin Lehistan'la sıkı teşriki mesai temin etmeden kabil olamıyacağını iyi biliyor. Nihayet, muharrir diyorki: „Almanya ekspansyonu (açılması) bugünkü şerait dahilinde, ancak iktisadî bir şekilde ola bilir". Mamafi bu işde, Almanya'nın ancak Sovyetler, yahud alelumum bayaz yahud kızıl her türlü Rusya'ya karşı harb etmek arzusunda olub olmadığına bakmıyarak Almanya ekspansyonu idesine karşı canlı bir sempati beslendiği sezilmektedir. Görüldüğü vechile, „Promete" mes'elesinde, münakaşaya muhtac daha bir çok cihetler vardır".

Bu kabil beyanata, bazi tashihler yapmak zarureti vardır. Muharrir, promete cephesine mensub muharrirlerin bugün şu ve ya bu suretle antısovyet pozisyon almış kuvvetlere karşı münasebetlerinde bazi farklar görüyorsa, çok yanılıyor. Sezilen bu noktayi nazar ihtilâfi ancak göze aid bulunmaktadır. Haddi zatında ise biz, mes'eleye ancak muhtelif taraftan yanaşıyor ve Çarnetski tarafından ileri sürülen ihtimalleri muhtelif taraftan görüyoruz. Bazen meseleye his noktasından yanaşılıyor. Hem bayaz ve hem de kızıl Rusya'yi bir felâket adeden bir cemiyetin, bizde, ancak kızıl Rusya'da bir felâket göre bir cemiyetten daha fazla bir sempatı ve itimat hissi doğuracağı pek açık ve tabiî bir şeydir. Mes'eleye Mir Yakub misalinde olduğu gibi tekniki—diyelim—yanaşmak ise hissi yanaşmaktan tam başkadır. Bu takdirde biz Rusya'ya „dinamik" yükliyecek ve onu açık bir harbe sürükliyecak her şeyi ayni derecede alkışla karşılıyoruz.

Cihan harbine girerken, harbeden taraflardan hiç birisi, Versal Kongrasından sonra vücude gelen tebeddülatı katiyen göze almış değildi. Buna rağmen, Marşal Pilsudski bizden daha az olmıyan bir sabirsızlıkla harbı beklemiş ve hiç düşünmeden merkezî devletler tarafına iltihak etmişti. Biz kafkasyalılar arasında ise lehistan devletçiliginin büyük kurucusunda o zaman mevcud olması muhtemel şüphelere bile yer yoktur. Çünkü, bizim ancak tek bir düşmanımız vardır—Rusya! Şunu da unutmamalıki, müstakbel harbın neticeleri samimî dostlarımızın, yani şarkî Avrupa mes'elesinin hall suretini promete cephesine mensub olanların emellerine muvafık bir tarzda düşünen dostlarımızın gösterecekleri yardım ile beraber mühim bir derecede bizim kendimizden, müteşekkil oluşumuzdan ve zafere olan irade ve imanımızdan asılıdır.

En sonda da şunu kaydedelim: saygılı muhatibimızin nazari dikkatını Adolf Bohemski'nin bir müddet evvel intişar etmiş şayanı dikkat kitabına celbederiz. Orada, endişe ettiği bir çok mes'elelere tam başka bir yanaşma tarzı bulacaktır.

Postnikof telâşta

Eski Moskva mektebine mensub, es-er geçinen münevverlerden ve bugün Praga'daki „Rus tarih arşivi„nde çalışan Postnikof nam birisinin muhacir rus mecmuası „Çağdaş kayitler" in son 1937 tarihli 64 ci nushasında bir mekalesi intişar etmiştir. Mekale „Muhacir istiklâlcıların neşriyatı" başlığını taşımaktadır Muhteviyatı ise mutat rus büyük devletçilık saçmalarından ibaret olmakla beraber karakteristik bir çok itirafları da ihtiva etmektedir.

Postnikof, „Rusya'daki seperatizm, yeni bir hadise degildir" dedikten ve bu tarifile rustan olmıyan milletlerin millî hareketini „elçabuklığı" ile „rusya'daki seperatizme" bağladıktan sonra şöyle devam ediyor:

„Fakat, bu seperatizm eskide ciddî bir karakteri haiz değildi. Sırf nazariyat ve prensip sahasına munhasır idi, Mesela: on dokuzuncu asrın ellinci yıllarında petraşevçilarda Sibirya'yi ayırmak fikri vardı, genc Potanin dahi müstakil bir Sibirya cumhuriyeti tahayyül ediyordu. Eski Ukrayna edebiyatında dahi seyrek te olsa seperatizm hakkında ayrı ayrı fikirler bulmak mümkündür. Buna rağmen seperatizm fikri Rusya'da yaşıyan milletlerin geniş münevver tabakasını ihate etmiş değildi. Rus emperatorluğunun sayısız milletleri arasında ancak lehler ve finler ayrılmak ve müstakil yaşamak hakkında olduklarını beyan etmişlerdi".

Bu suretle, sabik Rusya'daki milletler mes'elesinin yeni meydana çıkan mutahassisi, millî hareketin doğuş tarihini geçen asrın 50-ci yıllarında, petraşevçilerden itaberen başlıyan bir hareket gibi gösteriyor. Hatta İlovayski'ye göre, 50-ci yıllarda Kafkasya'nın kendi istiklâli için çarpıstığı ve emperatorluk hudutlarının Türküstan tarafına olmak üzre genişlemesi vak'asının o tarihlerde ancak yenice başladığı, rus muharririnin umurunda değildir. Dahası var: bu tarihten bir kaç on sene evvel dekabristler rustan olmıyan milletlerin merkezden kaçma hususunda gösterdikleri temayülün, yani muharrir tarafından „rusyadaki seperatizm" tasnifatına idhal edilen temayüllerin kuvvetini hesaba katarak federatif kuruluş fikrini redetmiş ve zararlı bulmuşlardı.

Muharrir, millî hareketlerin degerini küçültmege çalışmakla beraber, ne de olsa bu hareketin kuvvetini itiraf etmek mecburiyetinde kalmıştır.

Postnikof bu hususta diyorki:

„Mübalağa yapmadan deye bilirizki, Rusya'daki milletlerarası münasebati mes'elesi bugün en ağır ve kesgin bir mes'ele halini almıştır. 1917 ihtilâli arazi mes'elesini hall şiari altında geçmişti.Rusya'nın yakın gelecegi ise milletler mes'elesi şiarı altında geçecektir".

Pek doğru olarak çıkarılan netice gösteriyorki, rusların eski „şapkamızla tepeleriz" lafı, muharririn akli selimini henüz temamen körlatmamıştır.

Bunlardan sonra gene de büyük devletçilik hulyaları başlıyor. Muharrire göre, „Sovyet Rusya dahilinde bu hususta (ayni millî mes'eleler hususunda) ye-

ni devlet ve milletlerası inkışafı zihniyeti, daha henüz teblellür etmaktedır". Muhaciretle ise „her şey açık ve söz götürmez bir şekilde" ve „seperatizm nazariyesi kat'i ve hiç bir müsamaha tanımıyorsa da „her şey yerindedir" denemez. Muharrir eski rus adeti üzere burada da her şeyden evvel „hiyleker ingiliz" ve „seperatistlere büyük maddî ve manevî yardım gösteren" muhtelif „hâmiler" aramaktadır.

Muharrir, „muhacerette ayrı ayrı millî grupların sayı ile nisbetsiz" bulduğu „mühaciret neşriyatının" bolluğunu da bu yardımla izah etmektedir. Muharrire göre, „hariçteki rus neşriyatının bolluğu izah edilebilir, bu bolluğa hayret etmemelidir, çünkü, hariçte milyondan fazla rus yaşamaktadır". Postnikof, muhacirette Ukrayna ve ermeni neşriyatının mevcudiyetini de bu çokluk sebebile „izah etmekte„dir. Fakat, muharrırın bir türlü kafası almiyor: „nasıl olurda" parmakla sayıla bilecek küçük bir Kafkasya dağlı grupu dokuz yıldırki pahalıya mal olan bir mecmua neşrini devam ettire biliyor?" İşte burada yaşa dolmuş, fakat tecrübeden akıllanmamış muharrir, milletler mes'elesindeki bilgisinin asıl degerini ortaya koymaktadır. Peki, ey milletler mes'elesinin yaşa dolmuş mutahassisi; 1864 de emsali görülmemiş hir tazyik ve mezalim altında ana yurdunu terke mecbur kalmış Şimalî Kafkasya'nın milyonu bulan muhaciretini nerde sakladınız? Diger milletlerin neşriyata sahib oluşu dahi muharrir için ayni derecede „anlaşılmaz„dır.

Postnikof, bütün şüphelerini ortaya koyduktan sonra, ayrı ayrı neşriyatı birer birer sayarak her birisi hakkında umumî bir fikir vermege çalışıyor. İtiraf etmel ki, bu hususta—„Yana Millî Yul„u „Vanya milli Vul", „Yaş Türkestan„ı „Vah Turkestan" şeklinde kaydetmesine rağmen—daha fazla bir malumata sahib olduğu gözükmektedir. Muharrir yazısının bir kaç yerinde bâzi tahrifde bulunmak suretile bizim mecmuadan da parçalar zikretmektedir.

Meselâ, muharrir bize şu cümleyi atfediyor: „rus kültürünün ortak beşerî bir degeri haiz oluşu, münakaşa götürür bir mes'eledir". Söylemek mecburiyetindeyiz ki, bizce bu mes'elede münakaşa götürür bir cihet yoktur — mes'ele aydındır. Biz şöyle yazmıştık: „rus kültürünün ortak beşerî degeri nisbîdir". Meselâ, Postnikof için bu kültür büyük bir kıymeti haiz ola bilir, bize gelince, bizim için bu varid olamaz, çünkü bu kültür bizim için bir inhilâl ve millî tereddî menbai olmuş ve bügün de bu sıfatını muhafaza etmektedir. Bu hususta münakaşa yersizdir!

Mekale şu suretle bitmektedir:

„Normal devletî hayat, her hangi bir patlama ve ayrılma işine pek az müsaid bulunmaktadır (ilave edelim: bilhassa Yejov'un idaresi „arası kesilmeden" faaliyette bulunduğu bir zamanda) Ancak, çok mudil devlet vucudu haricî harb ve yahut dahilî vatandaş harbi neticesinde sıtma eseri gösterdiği andadırki ayrı ayrı parçalarından mahrum kala bilir. Haricî düşmanlardan yardım görünce bu iş bilhassa vuku bulmakta gecikmez. İşte, bu noktadandırki, muhtelif seperatist rus neşriyatını gözden geçirmegi lüzumlu görüyoruz. Bu neşriyatın senelerden beri mevcud oluşu keyfiyeti kendi başına dikkati çeken ve tetkike deger bir mes'eledir. Bu neşriyatı tetkik ederken, şu kanaat hüsule geliyor: ilk nazarda karışık, tesadüfî, siyasî kapris ve beklenilmiyen şeylerle dolu gibi gözüken bu hareketlerde, bir küll halinde alındığı taktirde takriben 1928-ci yıldan itibaren hususî bir israr ve mühim bir meblag sarfile hayata tatbik edilen muayyen bir plan mevcuddur".

Postnikof'un bu fikrine artık muvafakat etmiye bilmeyiz. Endişesi yerindedir. Evet, şimdi biz daha fazla tecrübe sahibiyiz ve son dövüşe ciddî surette hazırlanıyoruz.

Ruslaştırmayı medh

„Kafkas" mecmuasının rus kültürüne karşı hususî bir „teveccüh" besledigi ve bu kültüru digerlerine tercih ederek buna kafkasya milletlerinin hayatında müstesna bir rol ayırdığı hepimizce malûmdur. Ayni suretle, mecmua muharrirleri için rus çarının „Emperator Hazretleri" (muhakkak büyük harfle), ihtilâldan evelki rus ordusu da — kafkasya'nın gerek çar ve gerekse ordusile şimdiki sovyet çarı ve şimdiki rus ordusundan daha zayif olmıyan bir sıra kanlı hatırat zincirile bağlı bulunduğuna ragmen — „Emperatorluk Ordusu" (gene büyük harflerle) olduğu da meçhulumuz degildir. Nihayet, „Kafkaz" mecmuasının temsil ettiği „müstakil millî fikir" e has orijinal bir hususiyeti de bilmez degiliz. Bu hususiyet de millî istiklâl mücadelesi mes'elesini ancak bugünkü rus rejimine munhasır kılmaktan ibarettir. Bütün bunlar belli olub bir birine mantıkî bağlarla bağlanmış bulunuyor.

Bütün bunları bilmekle beraber, „Kafkaz"ın İlk Teşrin nushasında itiraf edelim ki hiç te beklemedigimiz ve ihtimal veremedigimiz bir yazı okuduk.

„Kafkaz"ın bu nushasında, mecmuanın velud muharrirlerinden ve yazılarında bilhassa Kafkasya'nın „Kafkazlılığını" kabartmağa çalışan prof. Zöhrab Avalişvili, dağlıların ruslaştırılmasını açıkca propaganda eden bir yazı yazmıştır.

Profesor, bu yazısını „Kafkas"ın Eylûl nushasında derc edilmiş ve Azad Bey nam (nami müstear) birisinin imzasını taşıyan mekale — ki ismi geçen mecmuada, bolşeviklerin gayri rus dilleri ruslaştırmak hususunda bütün teferrüatile düşünülerek sistematik surette yapılan işleri ve sarf ettikleri büyük gayreti bir parça da olsa anlıyaraktan yazılmış bir mekaledir — üzerine yazmıştır.

Profesor Avalişvili bu yazısında, Azad Bey'in mekalesini okuduktan sonra okurlarda hasil ola bilecek endişe ve korkuyu izale etmege çalışıyor. Dahası var: profesora göre, bu kabil bir endişe ve korku temamen esassız ve yersizdir, sovyetlerin Şimalî Kafkasya'da tatbik ettikleri dil siyaseti temamen müsbet bir hadisedir.

Z. Avalişvili getirdiği mübhem delillerle Loyd-Corca ve bugünkü ruslaştırma siyasetine „ilmî" esaslar vermis „yeni dil ilmi" müessisi Mar, dan başlıyarak, „yeni dil ilmi"nin taraftarlarınca hoş görülmiyen „hind-avrupaçılık" nazariyesinin ileri gelen simalerinden Meye'ye kadar muhtelif lisaniyat otoritelerine istinat etmektedir.

Şimalî Kafkasya'nın müşterek devlet dili mes'elesi, ayni zamanda bizde ve alelumium S. S. S. R. de tatbik edilen sovyet dil siyasetinin mahiyet ve gayeleri, mutaaddit defaler mecmuamız sayfalarında bahis

mevzuu olduğundan burada bir daha tekrar ve Z. Avalişvilinin delillerine karşı kendi delillerimizi zikr edecek degiliz. Yalnız şu kadar söyliyelimki, Avalişvilinin profesorca delilleri bir çok hususlarda sovyet ruslaştırmaçılarının delillerine benzemektedir. Varılan netice arasında dahi benzeyiş yok degildir. Z. Avalişvili, mekalesinin son kısmında diyorki:

„Her şeyi gül pembe görmeye değil, mücadeleye hazırlanmak lâzımdır. Ve bediî, hayatî örf ve adata muvafık olan şeyden mahzuz olmak ve onu yaşamaga değil, maksada muvafık olan, müteşekil ve asrî olan şeyin muzaffer olmasını temine gayret etmelidir. Dil de dahil olmak üzre her şeyde bu gayeye doğru gitmelidir".

Yani, diger tabirle — (her „bediî, hayatî ve örf ve adata muvafık olan şeye perestiş eden) „burjua milliyetçiligi kahrolsun „ve" Oktobr dili „yaşasın"...

Bir noktayi iyice anlıyamıyoruz: Z. Avalişvili neden Azad Bey tarafından kaydedilen bir sıra vak'aler içerisinden ancak Şimalî Kafkasya'ya aid olanları üzerinde durmuştur? Halbuki, o yazıda temiz „Kafkasyalılık" yapan bir adam için, Şimalî Kafkasya'dan daha az bir ehemmiyeti olmıyan Azerbaycan'dan da bahs olunuyordu.

Profesorun, Şimalî Kafkasya dil mes'elesi ne iki yıl evvelisi tam başka bir noktayi nazarla yanaştığını hatırlayınca şimdiki vaziyetinin mübhemiyeti nazarımızda daha fazla artıyor. Profesor, ayni „Kafkaz" mecmuasının 1935 yılına aid 9—10 nomralı nushasında şöyle diyordu.

„Dağlıların, kendi aralarında ortak bir dil ve cenub komşularile temas vasıtası olmak üzre cenubî Kafkasya türklerinin edebî dilini benimsedikleri dahi görülmektedir. Mamafi, bu, alelumun türk dillerinin sabit olmuş ekspansyon kabiliyetine rağmen, dağlı halkının „türkleştirilmesini" ifade etmez. Türkceyi benimseme neticesinde vaktile Azerbaycan'da eski ehemmiyetini kayb eden farisî dili gibi (Nizamî ve Hakanî'nin ülkesinde farisiceye edebî bir merakın uyanması ihtimal haricinde değildir) dağlarda, bilhassa arab dili ehemmiyetini kaybetmiş olacaktır. Bütün Kafkasya'daki dillerin mes'elesi ise — ayrı bir mevzudur, bu hakta ayrıca bahis açmak gerektır. Bu işte yeni şey az değildir".

İşte, görüldügü vechile, prof. Avalişvili vadini yerine yetirmiştir. Fakat nasıl? 1935 — de kaydettigi vaziyetten 180 derece ric'at etmek suretile...

Bu ric'ati biz ancak bir şeyle izah ediyoruz. O da şudur: „Kafkazçılar" in şefi, anlaşılan profesorun şüphesini izale ederek „dağlıların şarkî Kafkasya türkleri dilini benimsemelerinin" (kumukcanın) „türkleşme" demek olmadığına ve bu işin kendi kendini muhafaza için yapılan bir tedbir ve Şimalî Kafkasya'da karışık dil mes'elesini hall için en muvafik bir şekil olduğuna kani etmeğe muvaffak olamamıştır.

Барасби Байтуган

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Нуждаемся ли мы в разработанной программе наших стремлений — в том, что в сумме творит идеологию определенной политической группы, — или же можем ограничиться пропагандой и популяризацией лишь основной цели, которую преследуем: национальной независимости Северного Кавказа, не предрешая ее будущих форм?

Вопрос этот был затронут в № 41 ж. „С. К." нашим сотоварищем г. Коста. Ответ его был следующий:

„Нося привившееся название партии (каковое понятие возлагает вообще известную обязанность выявить свою политически-социальную программу), национально-освободительная группа организуется не вокруг партийно-политических доктрин, а собирается под национальным знаменем во имя таких лозунгов, которые должны гармонировать с целями и порывами, вытекающими из национальной идеи: — неподкупный патриотизм, безусловная и открытая непримиримость к врагам своего народа, рыцарство без страха и упрека, преданность своему народу-узнику, величие духа, чистая вера в торжество правого дела и беспримерный стоицизм."

И немного ниже:

„Народная партия горцев Кавказа, будучи национально-освободительной организацией, отнюдь не является политической фракцией, замкнувшейся в рамках каких либо узко-политических или социальных программных установок и тем самым огородившейся раз навсегда от иных групп своих сородичей как на чужбине, так и на родине. Партия наша преследует единую и главную цель: освобождение порабощенной Родины из под власти гнусных и жестоких захватчиков, в лице красно-русских оккупантов, дабы начать жить независимой государственной жизнью в тесной семье свободных кавказских народов."

На всем этом, несмотря на категорический характер данного автором определения, следует остановиться более подробно, ибо вопрос, в силу своего значения для дальнейших судеб нашей освободительной работы, требует в конце концов более детального рассмотрения.

Наше положение, однако, затрудняет в данном случае то, что категоричность автора не соответствует ясности высказываемых им мыслей. Так например, мы считаем, что перечисленные г. Коста моральные свойства, которые определяются им, как „вытекающие из национальной идеи", не могут быть монополизированы только представителями „национально - освободительных групп." Они, ведь, обязывают членов всякого национального сообщества, не взирая на то, живет ли оно независимой жизнью или же находится в неволе, если, конечно, не рассматривать эти свойства в аспекте космополитических идей московской фабрикации. Всякая национальная идея должна „гармонировать" и с неподкупным патриотизмом, и с безусловной и открытой непримиримостью к врагам своего народа, и с „ры-

царством без страха и упрека", и с преданностью своему народу (преданным надо быть не только народу-узнику) и т. д. Таким образом, мы несколько затрудняемся определить, в какой мере, по мнению г. Коста, „название партии" возлагает на „национально-освободительную группу" „известную обязанность выявить свою политически-социальную программу." Мы можем лишь предполагать, исходя из слов автора: „партия наша преследует единую и главную цель: освобождение порабощенной Родины", что возможности эти весьма ограничены. И мы не особенно ошибемся, если сделаем отсюда вывод, что г. Коста отрицает необходимость для нас разработанной программы будущего устройства независимого Северного Кавказа — программы, которая бы охватывала возможно полнее важнейшие отрасли национальной жизни.

Но можно ли согласиться с такой тезой, можно ли признать ненужность для нас тех норм, которые творят в совокупности „политически-социальную программу" всякой национально освободительной группы? Нам кажется, нет.

Ни одно современное национально-освободительное движение не могло обойтись без этих норм. Польские патриоты перед последним, третьим, разделом Польши были в значительной степени проникнуты политическими и социальными идеями современной им французской революции. Под этими же лозунгами прошла „весна народов" в XIX столетии. Пилсудский, не будучи в сущности сам социалистом, большую часть своего пути к свободе шествовал под социалистическими знаменами. Ирландское национальное движение вдохновлялось не только голым лозунгом о независимости, но, между прочим, и лозунгом борьбы против английских и англизированных лэнд-лордов, захвативших большую часть удобных земель Ирландии. Наконец, и Хитлер, который по существу также вел национально-освободительную борьбу, располагал, уже задолго до прихода к власти, широко-разработанной программой политических и социальных реформ.

Но и у нас, на Северном Кавказе, мы видим нечто подобное. Во времена Имамов, в период наиболее интенсивной борьбы за свободу, и у нас основной лозунг борьбы (сохранение независимости) сопутствовался определенной и точно-разработанной социально-политической программой. Таковой программой был Шариат, нормирующий как общественную, так и частную жизнь.

Мы не думаем, чтобы все это вызывалось доктринерством или узким фанатизмом тех или иных руководителей. Главную роль играла здесь, несомненно, необходимость точного определения своих идеологических позиций. Ибо там, где успех движения зависит от отношения широких масс, где единственной мерой принуждения может быть добрая воля этих последних, где, наконец, в большинстве случаев противник оперирует реальными, осязательными формами пропаганды (фаворизация одной части угнетаемого народа в ущерб другой, различные „премии" за „благонадежность" или „спокойствие" и т. д.) — необходимо, по нашему, возможно рельефнее, возможно убедительнее представить преимущества независимой жизни, преимущества не только материального, но и духовного порядка. Наряду с абстрактной идеей независимости (абстрактной, если ее представлять только как таковую, без всяких пояснений), необходимо определить и то, какова будет эта независимость. Хотя бы уже потому, чтобы пропаганде врага противопоставить свою пропаганду.

Этот момент, момент противодействия вражеской пропаганде, приобретает особенное значение в наших условиях, в условиях борьбы против большевистской России. Москва сейчас — это не просто империализм, но и организационный центр динамической идеологии, которая стремится — не без успеха, заметим — распространиться на все человечество. А идеологии, какова бы ни была ее сущность, необходимо противопоставить идеологию же. Тем более в условиях, когда противник располагает небывало высокой техникой пропаганды. Начетчикам коммунизма, разрешающим готовыми формулами все сомнения человеческого бытия, нужно противопоставить в равной мере всеоб'емлющую формулировку своих стремлений.

На это можно возразить, что массам, на собственном опыте испытывающим практику большевизма, теория большевизма не может быть опасна. Но такое возражение едва ли справедливо. Нельзя забывать, что большевизм праздновал на днях свое двадцатилетие. За этот период успело возмужать новое поколение молодежи. Большинство из нее даже в воспоминаниях глубокого детства не сохранили образа иной жизни, кроме той, которую они видят перед собой в данное время. Молодежи этой и той, которая подрастает, предстоит, по нашим расчетам, выдержать главную тяжесть непосредственной борьбы за свободу. Но будет ли, вопрощаем, в состоянии наша молодежь, усиленно питаемая ядом вражеской пропаганды, выполнить надлежащим образом свой долг, если мы, имеющие возможность свободно и спокойно обсуждать любые проблемы нашего национального бытия, не позаботимся о том, чтобы возможно яснее и возможно полнее представить истины этого бытия? Повторяем еще раз, нельзя недооценивать силы и полноты большевистской пропаганды. И если наша контр-пропаганда не может, по понятным причинам, располагать мощным в равной мере аппаратом, то во всяком случае она должна быть не менее полной, должна охватывать и выяснять все сомнения, которые могут возникнуть в среде, коя мыслит или же может в будущем мыслить национальными категориями.

Нельзя не учитывать и того, что большевизм способствовал в высокой мере развитию в массах политической активности и чувства политического критицизма. И это не только в СССР. Ведь, в сущности, возникновение т. н. фашистских движений в значительной степени связано с динамикой большевизма. Фашизм и национал-социализм во всех их модификациях — это антитеза большевизма, реакция против большевистского космополитизма и анациональных идей.*) И массовый характер всех этих

*) Мы учитываем формальный, пропагандный характер советского интернационализма, прикрывающего великодержавно-русскую сущность большевистского режима, особенно явную в последние годы; но это не меняет сути дела, т. к. в Европе это понимание далеко еще не всеобще.

движений является следствием активизации масс предшествовавшей пропагандой большевизма, которая втянула их в т. н. политику, научила критически относиться к тем или иным окружающим их явлениям. Более того, массы познали сладость власти, как равно, добавим, познали в условиях подсоветской жизни и всю тяжесть абсолютной неволи. Сейчас они хотят сами править, а не быть лишь управляемыми иными — незначительным меньшинством, узурпировавшим власть.

Но править они хотят посредством идей, которые предстают перед ними в качестве эманации национального духа. А отсюда, необходимо уловить этот дух, отнюдь не впадая в дешевую или же злостную демагогию, а всегда исходя из того, что, говоря словами г. Коста, „пригодно исключительно для мощи государства и соответствует историческим традициям страны". Заслуги Муссолини и Хитлера заключаются в том, что они, не выходя из рамок национальных интересов, восприняли здоровые инстинкты масс, облекли их в стройную систему политических лозунгов и разработали стратегию и тактику борьбы, приведшие движения к победе. Высоких национальных целей нельзя достичь путем пробуждения и поощрения всяческих эгоизмов: провинциальных, классовых, сословных, личных и т. д. Но их нельзя достичь и путем одного лишь подчеркивания нашей воли жить независимой жизнью. Идеалом современного национализма является не только независимость (политическая, экономическая и т. д.), но и социальная справедливость в пределах самой нации. С этим и мы должны итти в массы. Но кто этого не понимает, кто в национальной идее ищет каких то иных целей — с тем нам не по дороге.

„Непредрешенчество", откладывание всех „проклятых" вопросов у некоторых до учредительного собрания, у других до земского собора и т. д. — было одним из наиболее слабых мест белого движения в России. Благодаря этому, могут нам возразить, белый лагерь достиг полной консолидации — от Чернова до Маркова II. Но результаты такой „консолидации" были более чем печальны. Ибо в то время, как Баткин произносил в Ростове на/Д. патетическую речь на тему „земля и воля", в это время в Воронеж, скажем, в'езжал новый губернатор со свитой, а в окрестные села отправлялись карательные отряды для всеобщей порки крестьян. Не думаю, что нам следует повторять опыт такой „консолидации", оттолкнувшей от белого движения народные массы, не исключая и тех, кому большевизм не мог дать ничего. Не следует повторять тем более, что белое движение и у нас оставило кой-какие следы и отнюдь не добрую память.

„Непредрешенчество" носит в себе еще и иную опасность, которую также продемонстрировало нам белое движение. Возьмем, хотя бы, движение Деникина. Когда т. н. демократические круги увидели губернаторские порки, то на черноморском побережьи и в иных местах появились эс-эрские отряды „зеленых", которые не хуже красных громили белые войска. Таким образом белая „коалиция" распалась, не достигнув „единственной цели", освобождения страны от большевиков, и начала борьбу между собой.

Нам кажется, и такой возможности необходимо избегнуть, устранив заранее все моменты, которые могли бы вызвать подобные конфликты. И тут перед нами опять появляется необходимость установления ясной и точной идеологической программы. Но, повторяем, эта программа, будучи в достаточной мере всеоб'емлющей и государственно-творческой, должна удовлетворять решающее большинство нации.

И только в таком случае никакие конфликты в пределах нации не могут быть опасны, так как неразумное меньшинство будет всегда майоризировано национально-сознательным большинством.

Таким образом, не надо бояться „политики" в национально-освободительной борьбе, и тем более не надо ее бояться в эмиграции, где ничто не препятствует той лабораторной по существу работе, в результате коей устанавливаются национальные правды. Но, добавим, для сути дела безразлично, будут ли эти правды реализироваться под фирмой партии или же национальные активисты предпочтут об'единиться под каким либо иным названием: союза-ли, общества-ли и т. п. Терминология в данном случае не играет роли. Важна суть, а не слова. Необходима спаянная группа, знающая точно, к чему она стремится. К национальной независимости нужно итти теми самыми путями, которыми пришли к ней иные народы. Новых путей мы не выдумаем. Мы можем лишь, наблюдая в непосредственной близости работу иных народов, генеральную переоценку ценностей, производимую сейчас на Западе в общечеловеческом масштабе, содействовать модернизации этих путей и у нас, способствовать восприятию чужого опыта нашими национально-освободительными силами.

Итак, не будем бояться в своей борьбе точной формулировки как политических, так и социальных правд.

Магомет Чукуа

ЕЩЕ О СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ

В декабрьском номере ж. „Кавказ“ имеется передовица, которую нельзя обойти молчанием. Статья подписана главным редактором г. Гайдаром Бамматом и касается границ будущего независимого Кавказа как на юге, так и на севере. Тема, как видим, актуальная и поэтому тем более требующая к себе серьезного и вдумчивого отношения.

По мнению автора, южные границы Кавказа ненарушимы только потому, что кавказский территориальный максимализм не будет в состоянии собственными силами реализировать свои стремления на юге и должен будет в этом случае искать чужой помощи, которую в состоянии оказать только Россия. Ограничивая свои доказательства такого рода „исключительно практическими соображениями”, автор ставит знак равенства между проблемой границ на юге и проблемой северных границ независимого Кавказа.

Автор рекомендует себе в качестве сверх-реалиста в политике. Этот именно „реализм” и приводит его к заключению, что кавказские „претензии” на севере в равной мере безнадежны, как и претензии на юге.

„Границы расселения черкесов, — пишет он — как известно, доходили до линии Маныча и Кумы. Еще в пятидесятых годах прошлого столетия — все черноморское побережье Северного Кавказа, Кубанская область и значительная часть Ставропольской губернии были густо заселены нашими соотечественниками... Нам было бы очень приятно их вернуть... Но наши претензии на эти земли, где осталась, увы, лишь незначительная часть нашего населения, сведены сегодня к минимуму”.

„Реалистически” настроенного редактора не в состоянии, по собственному его признанию, растрогать „горькие упреки ...потомков эмигрантов 1864, 1877 и последующих годов” и прочие эмоционального порядка „мелочи”, не исключая и „священной земли, на которой покоится прах родителей.” К чему все это „реальным политикам” даже тогда, когда и для них не составляет тайны, что понятия, заключаемые ими слишком уж часто в иронизирующие кавычки, были всегда и везде источником высоких моральных вдохновений...

Что же предлагает нам взамен наших „иллюзий” г. Баммат? Во имя чего он призывает нас, как он говорит, „к самоограничениям и жертвам”?

Оказывается, не более и не менее, как во имя того „полюбовного соглашения”, опыт которого был „благополучно проделан Делегацией Республики Сев. Кавказа и Кубанской Делегацией в Париже.” Таким образом, и в этом случае эгоцентризм г. Баммата, одного из авторов парижского „соглашения”, предлагает нам фикцию превратить в национальную реликвию.

На жертву, даже самую тяжелую, можно пойти, если нет иного выхода и если она имеет за собой известное оправдание—достаточно убедительный минимум реальных предпосылок. Но нельзя, жонглируя словами, рисуясь „изысканностью” стиля своих писаний, призывать к жертвам во имя фикции, к жертвам, которые никоим образом нельзя будет вознаградить, нельзя будет вернуть.

Вопрос северных границ рассматривался на страницах нашего журнала неоднократно. И хотя мы не столь „реалистичны”, как г. Баммат, хотя мы не чуждаемся в своих стремлениях волнующих эмоций, мы все, все же, в таких случаях всегда стремились оперировать реальными фактами, подкреплять свои выводы точными данными. По этому же пути мы постараемся следовать и в настоящем случае, возражая против бамматовской профанации проблемы наших северных границ.

Итак, действительно ли „наши претензии сведены сегодня к минимуму”?

Сначала несколько статистических данных. Перед мировой войной казаки в б. Кубанской области составляли 42% населения. В б. Терской области казаков было менее 20%. В б.б. Ставропольской и Черноморской губерниях казаков вообще не было, за исключением нескольких оказаченных, а затем снова расказаченных крестьянских сел.*) Таким образом, большинство русского населения на Северном Кавказе составляли т. н. иногородние, к казачеству относящиеся более чем „прохладно”. По левому берегу Кубани, на запад от Лабы, где колонизация стала возможна лишь после 1864 года, казаки так—таки не успели обжиться. Станицы здесь маленькие, захудалые, неоднократно переносились с места на место или же вообще ликвидировались, так как непривычные к горам и лесам колонисты терпели на новых местах всевозможные бедствия. Поэтому в этой части русский элемент, в том числе и казачий, представлен наиболее слабо. Гораздо сильнее его позиции на восток от Лабы, между этой последней и Кубанью, где местность более удобна для жительства и где колонизация была начата на два десятка лет раньше. Здесь сосредоточена главная масса казаков и иногородних, поселенных по левому берегу Кубани. Причем, как всюду в б. Куб. обл., иногородние и в этой массе составляют большинство.

Кроме русских, все левобережье Кубани, включая и б. Черноморскую губернию, заселяют армяне, греки, немцы и другие народы. В б. Черноморской губ. армяно-греческие табаководы, записанные даже при переписи 1926 г. в преобладающей части в качестве турецких и греческих поданных, творят основную массу населения. Значительное количество армян и греков живет и в б. Майкопском отделе. До большевиков гор. Майкоп (около 40000 жителей), как и большинство т. н. заштатных городов на Северном Кавказе (Армавир, Св. Крест, Моздок, Киз-

*) Между прочим, и большинство кубанских и терских станиц заселены б. крестьянами в первой и в начале второй половины XIX столетия.

ляр и т. д.), был по существу армянским городом.*) А если мы к горожан добавим сельчан табаководов, то увидим, что и в б. Майкопском отделе армян и греков будет во всяком случае не меньше казаков.**)

И вот, среди этой именно разноплеменной и разношерстной массы живут горцы, „претензии“ которых г. Бамматом „сведены сегодня к минимуму.“ Горцев здесь не меньше, чем казаков. Ничто, ни один из известных фактов не говорит о том, что казачьи домогательства будут поддержаны здесь христианским большинством в том случае, если эти домогательства будут направлены к созданию самостоятельного казачьего государства. А затем, в тылу у горцев—Кавказ. В тылу же у казаков—иногороднее большинство и соперничество России и Украины.

Это лишь конспективное изложение реальных фактов, многие из коих были уже освещены в прошлом на страницах нашего журнала более подробно. И если мы учтем все эти факты, то чьи в конце концов возможности „сведены сегодня к минимуму: исконных ли хозяев „спорных земель“ или же казаков, которые едва ли составляют в настоящее время в пределах б. Куб. области более 30% населения?!

Но в проблеме наших северных границ главную роль играют не количественные соотношения, не статистика и не колонны цифр, а нечто более важное, решающее. Мы имеем в виду силу и напряжение казачьего сепаратизма, его действительную, а не показную сущность.

Что такое казачий сепаратизм в прошлом? Это—реакция против большевистской „уравниловки“ и прямое следствие старых раздоров между казаками и иногородними. Уже в 1897 г. казак Л. Я. Апостолов, в своем „Географическом очерке Кубанской области“, писал:

„Положение иногородних (в Куб. области—М. Ч.) довольно неопределенное: с одной стороны, они необходимы для казаков; они оживляют промышленность и торговлю края; без них казаки, отвлекаемые военной службой (военную службу, как известно, несли и иногородние—М. Ч.), не в состоянии были бы обработать свои земли, с другой стороны, казаки чувствуют себя стесненными громадной массой иногородних, которые, не имея ни пяди собственной земли, живут все таки весьма недурно. Отсюда—резкий антагонизм между казаками и иногородними, выражающийся иногда в стеснительных мероприятиях против последних, но это нисколько не останавливает наплыва иногородних, которых год от году становится все больше и больше, так что население области быстро возрастает, как это видно из следующих данных, показывающих наплыв иногородних за последнее время:

	Прибыло на жительство иногородних лиц	Переселившихся из области иногородних лиц	Оставшихся в области иногородних лиц
1888	79717	62186	+ 17531
1889	81628	57569	+ 24059
1890	120325	59461	+ 60864
1891	144709	97949	+ 46760
1892	112774	67498	+ 45276
1894	96396	68421	+ 27975
1895	72263	63372	+ 8891

Иногороднее население возрастает быстрее казачьего. Из прибывающих в область иногородних зачисляется в казачье сословие только самая незначительная часть (массовое „оказачивание“ крестьян практиковалось во время и вскоре после кавказской войны—М. Ч.). Вообще вопрос об иногородних составляет самый острый и неопределенный вопрос в области.“

Так, повторяем, писал Л. Я. Апостолов в 1897 году. Но проблема иногородних не потеряла своей остроты и ко времени революции, став, как мы отметили, одной из причин „казачьей Вандеи“.

И если Кулабухов был казнен, а „благополучно проделанный опыт“ г. Бамматом в Париже оказался фикцией, то об'яснение этому надо искать только в том, что казачий сепаратизм в недавнем прошлом был явлением коньюктуральным, но не органическим. И об этом в свое время достаточно подробно говорилось на страницах нашего журнала. Поэтому сейчас мы ограничимся лишь некоторыми обстоятельствами, сопутствовавшими казни Кулабухова, как наиболее характерными для тогдашних настроений среди кубанского казачества.

Во первых, сейчас-же после получения известия о подписании т. н. „договора дружбы“, кубанское краевое правительство выслало Деникину телеграмму, в которой было, между прочим, сказано следующее:

„Кубанский войсковой атаман и кубанское краевое правительство категорически заявляет, что краевое правительство никаких договоров с Меджлисом горских народов не заключало и никого на заключение таких договоров не уполномачивало. Лица, перечисленные в телеграмме главнокомандующего: Быч, Намитоков, Савицкий и Кулабухов были делегированы кубанской краевой радой, а первые два и кубанским краевым правительством. Правительство послало своих делегатов как представителей в состав российской делегации в Париже в помощь Сазонову, а также для защиты интересов Кубани перед мирной конференцией и для информации. Если названные лица действительно подписали от имени краевого правительства договор с Меджлисом горских народов, о чем краевому правительству по сие время официально неизвестно, то вопрос о превышении названными лицами данных им полномочий подлежит суждению краевого правительства и существо договора суждению кубанской Краевой рады, на рассмотрении которой в данный момент вносится... Сыны Кубани не запятнали себя изменой, а принесли и несут наибольшие жертвы своею кровью и достоянием для воссоздания России“.

---

*) Едва-ли изменился и сейчас характер этих городов, т. к. на Северный Кавказ нахлынула после революции значительная волна армян-беженцев. В Псыхуабе, например, на всем пространстве от бывших границ города и до Лермонтовского раз'езда образовался новый пригород, чисто армянский.

**) На территории б. Майк. отдела большевиками образовано три „национальных“ района: Армянский, Греческий и Горячеключевский (армяно-греческий).

Таково было эхо, которым ответило кубанское войсковое правительство на „благополучно проделанный опыт”, дающий казачеству все преимущества в „споре“ о территорию Западной Адыгеи, ибо договор означал фактический отказ Меджлиса от этой территории. Но аналогичны были и настроения Рады. Характерное свидетельство этим настроениям дает генерал Филимонов, бывший тогда войсковым атаманом (это он подписал цитированное выше обращение к Деникину), в своей статье „Разгром Кубанской рады“ в 5-ой книге „Архива русской революции”. Вот как он описывает памятное драматическое заседание Рады:

„Об этом ультиматуме (о выдаче „самостийников” — М. Ч.) я доложил в заседании рады на словах, потом прочел письмо (ген. Покровского с вышеозначенным содержанием — М. Ч.). Выход из создавшегося положения я видел в немедленной посылке делегации от рады к Деникину.

В раскаленной атмосфере выступил после моего доклада с речью Иван Макаренко.

Здесь нужно сказать, что Макаренко и его единомышленники пришли, повидимому, к выводу, что настало время действовать в открытую и действовать решительно. Макаренко приказал своим „гайдамакам” (отряду для охраны рады, составленному из уклонившихся от фронта казаков Таманского и Екатеринодарского отделов)*) окружить здание рады (Екатеринодарский зимний городской театр), поставил сотню гайдамаков за кулисами и часовых у всех входов и выходов. Решено было, не более и не менее, как захватить власть и арестовать атамана.

Выступив на эстраду, Макаренко заявил:

— Атаман, повидимому, рекомендует нам—подчиниться такому решению; из этого совета видно, что атамана у нас нет. Поэтому я предлагаю передать власть президиуму краевой рады...

На мои протесты о том, что я такого заявления не делал и на мои требования дать мне слово, Макаренко заявил:

— Я не могу предоставить вам слово, как атаману, потому что у нас атамана нет. Это видно из того, что ген. Покровский обращается к атаману, не как к атаману, а как к „милостивому государю” (этими словами начиналось вышеупоминаемое письмо-ультиматум — М. Ч.).

Члены рады реагировали на все это совершенно неожиданным для Ивана Макаренки образом. В зале послышались возгласы:

— У нас есть атаман... Нужно сменить председателя...

В хаотической, бурной обстановке было предложено поставить вопрос о доверии атаману и председателю краевой рады. Был об'явлен перерыв, после которого Иван Макаренко вышел и покаянным голосом заявил, что он сознает свою ошибку и что, считая дальнейшее пребывание на посту председателя для себя невозможным, просит отпустить его на свободу.

Рада ответила на эти покаянные речи гробовым молчанием. И когда был поставлен вопрос о доверии атаману, рада большинством всех против одного вотировала мне свое доверие. На этом заседание закончилось”.

Этой вотировкой Рада не только всецело подтвердила цитированные нами положения письма Филимонова к Деникину, но и подписала смертной приговор Кулабухову. Только после такого поведения Рады, военно-полевой суд при кубанской казачьей бригаде полк. Буряка, специально вызванной на случай сопротивления Рады с фронта, вынес Кулабуховv смертный приговор.

Вот эту то историю г. Баммат и называет „благополучно проделанным опытом”. Для нас же, признаться, все это является опытом, который никоим образом не следует повторять!

Филимонов репрезентировал в данном случае „классическую” формулу казачьего сепаратизма: „здраствуй царь в кременной Москве, а мы, казаки, на тихом Дону”. В такой сепаратизм и мы верим. Но это не то, что нам надо и с чем можно заключать какие бы то ни было „договоры дружбы”. Между прочим, таким „сепаратистом” являлся и б. донской атаман ген. Краснов, от'явленный и убежденный русский монархист. Вот как он рисует свое политическое „credo”:

„Спасет Россию сама Россия. Спасут Россию ее казаки! Добровольческая армия и вольные отряды Донских, Кубанских, Терских, Оренбургских, Сибирских, Уральских и Астраханских казаков спасут Россию.

И тогда́ снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего Атамана бело-сине-красный русский — флаг единой и неделимой России.

И тогда кончен будет страшный крестный путь казачества и добровольческой армии, путь к свободе России и православного Тихого Дона”.

Эти слова сказаны были Красновым на заседании круга 16 августа 1918 года, т. е. тогда, когда Дон формально был более всего „самостиен” и когда бывший атаман пользовался наибольшей популярностью среди казаков.

— Где же тут самостийность?! — восклицает Краснов, приведя цитированные слова.*) И действительно, самостийности тут нет, как говорится, ни на грош.

Нельзя, называя себя реальным политиком, не учитывать всех этих моментов. Нельзя не учитывать того, что казачий сепаратизм реально никогда не шел дальше той формулы, которая нами уже приводилась: „здраствуй царь в кременной Москве, а мы, казаки, на тихом Дону“.

Настоящее, непримиримое самостийничество зародилось среди казачества только в эмиграции. Зародилось, нужно признать, в уродливой форме. Казаки-самостийники стремятся закрепить за собой все те господствующие позиции и преимущества,

*) В „Архиве р. р.” напечатано „Темхинского и Екатеринодарского отделов”. Всем интересующимся историей казачьего сепаратизма советуем обратить сугубое внимание на происхождение „гайдамаков”, на их принадлежность к уроженцам Таманского и Екатеринодарского отделов—двух наиболее украинских отделов б. Куб. области. Это не случайное совпадение!

*) П. Н. Краснов — „Всевеликое Войско Донское”, „Архив русской революций“ кн. 5-ая.

которые даны были казачеству русским империализмом за счет завоеванных народов. Вопреки здравому смыслу, они собираются создавать государство, „Казакию", на территории, где казаков не более 10%. Их не смущает и то, что на путях такого „интегрального" самостийничества они входят в конфликт со всеми своими соседями, которые также стремятся освободиться от России. И в этом—трагедия казачьего сепаратизма, трагедия потому, что иных путей для него нет. На иных путях казачьих сепаратистов „заклюют казаки", как выразился недавно один из вольно-казачьих журналов.

Но и этот безрассудный максимализм не импонирует казачьей массе. Многочисленные группировки „вольных казаков" об'единяют лишь незначительную часть казачества в эмиграции.

Характерно отношение к вольно-казачьему движению кругов, сближенных к т. н. атаманам. Эти круги почти совершенно не борятся против вольноказачьего движения, несмотря на то, что последнее яростно нападает на представителей казачьего традиционализма, репрезентируемого атаманами. Расшифровка этой, казалось бы, парадоксальной картины не представляет затруднений. Вольно-казачье движение не представляет для атаманов большой опасности. В этом их убеждает не только судьба Кулабухова, но и десятилетняя практика вольно-казачьего движения. Но зато самостийнический максимализм вольных казаков облегчает позиции атаманов по отношению слишком рьяных российских централистов. Последних они могут всегда пугать возможностью усиления крайних самостийников, если Москва будет слишком неуступчивой и не признает казачеству самого широкого самоуправления.

И мы уверены, что, если казачество после господства большевиков будет представлять из себя некую силу, достаточно вескую, то всякое русское правительство, которое неминуемо станет лицом к лицу с национальными движениями, грозящими России распадом, признает казакам в полном об'еме все те права, которые наиболее точно выражены в формуле о царе в Москве и казаках на „тихом" Дону.

Этого именно момента ждут и т. н. атаманы, уверенные в том, что он лишит почвы и положит предел всякой вольно-казачьей агитации.

Но сегоднешняя советская действительность готовит одно обстоятельство, которое может свести на нет все рассчеты атаманов. Мы имеем в виду новое, „советское", казачество, созидаемое Сталиным. Как известно, оно включает в себя все русское население Северного Кавказа и северного Предкавказья: как иногородних, так и остатки казаков. Это новое казачество может остаться совершенно равнодушным к давнему казачьему традиционализму и стать только тем, к чему готовит его Сталин: послушным и нетребовательным орудием в руках русского империализма в борьбе с кавказской „ирредентой".

Над всем этим советуем подумать не только нашему „реалисту", но и тем всем, кто на чаепитиях выражает уверенность, что рядом с кавкасскими полками кавкасскую свободу будут защищать и казачьи полки.

Мы все говорим, что Кавказ не в силах бороться на „два фронта". Так будем же тогда готовиться с достаточной рассудительностью к борьбе на одном фронте, не разоружая себя морально несбыточными иллюзиями, ибо иллюзии приводят часто не только к разочарованиям, но и к поражению.

Север наиболее уязвимое место Кавказа. Поэтому на севере независимый Кавказ должен иметь наиболее обороноспособные границы. И к уяснению этого мы особо призываем тех из наших компатриотов, для которых ни священные могилы предков, ни недоля миллиона братьев, томящихся на чужбине, не являются достаточным стимулом для избрания правильного пути, действительно ведущего к свободе.

В борьбе за свободу, Кавказ должен надеяться прежде всего на свои собственные силы, следуя в своих стремлениях требованиям разумного максимализма. От всяких же иллюзий необходимо освободиться как можно скорее и как можно полнее.

Догуж

Руссификация алфавита в Дагестане и „аттестация" учителей

В сентябрьском номере нашего журнала мы имели случай цитировать резолюцию майской конференции дагестанской парторганизации*), 9-ый пункт которой, посвященный переводу алфавита с латинской на русскую основу, был приведен нами полностью. Пункт этот гласит:

„Поручить дагобкому обсудить вопрос о переводе алфавита с латинского на русский."

И это все. Ни типичного для всех советских решений „энтузиазма", ни непременного в подобных случаях славословия Сталину—эта часть резолюции не содержит. Обращает внимание и довольно двусмысленный характер самого постановления. Конференция поручает обкому всего лишь „обсудить" возможность перевода алфавита, не давая никаких точных директив. Вывод отсюда один: перспектива реформы алфавита в Дагестане не улыбается даже местным коммунистам.

Однако, советских руссификаторов это не смутило. 1 октября 1937 г. президиум ВЦИК вынес следующее постановление:

„Президиум ВЦИК, рассмотрев ходатайство трудящихся Дагестанской АССР о переводе письмен-

*) См. статью „О чем говорилось на партконференциях".

ности дагестанских народов с латинизированного алфавита на русский, постановил:

Разрешить перевод письменности дагестанских народов, за исключением тюркского, с латинизированного на русский алфавит."

„Ордж. правда" (24-XI-1937), откуда мы берем текст постановления, добавляет от себя:

„По подготовке к переводу письменности дагестанских народов на русский алфавит при президиуме дагестанского ЦИК организована правительственная комиссия".

Таким образом, весьма неопределенное и сомнительной ценности „ходатайство трудящихся" претворилось в определенный и официальный руссификаторский акт.

Для непосвященных в тайники советской этнической терминологии, постановление ВЦИК требует некоторых пояснений. „Тюрками" назывались в СССР еще недавно азербайджанцы. И постановление, освобождая от руссификации „тюркский" алфавит, имеет в виду лишь несколько тысяч азербайджанцев, проживающих в Дербенте, родным языком которых есть азербайджано-тюркский диалект. Алфавиты же турецких наречий Дагестана (кумыкского и ногайского) должны будут подвергнуться руссификации, наравне с иными алфавитами и подобно тому, как руссифицирован недавно алфавит балкаро-карачаевцев. Следует добавить еще, что в самом Азербайджане термин „тюрки" и „тюркский" отменен советской властью несколько лет тому назад и заменен термином „азербайджанцы", „азербайджанский" и т. п.

В „Даг. правде" от 23-XII-1937 г., в связи с реформой, помещена статья В. Козлова, заместителя наркомпроса ДАССР, исполняющего в комиссариате просвещения роль чекистского надзора. Козлов пытается оправдать реформу, доказать ее практическую целесообразность. Она-де, убеждает советский борзописец, отнюдь не преследует цели руссификации, а имеет в виду только пользу „народов Дагестана."

Интересны доводы, которыми оперирует Козлов.

„Это мероприятие — пишет он — имеет огромнейшее значение для дальнейшего культурно-политического роста народов Дагестана. Введение нового алфавита приведет к новому, еще большему росту культуры и грамотности среди населения, даст возможность широким массам страны гор легче изучать язык Ленина-Сталина, ближе приобщиться к великой русской культуре."

И далее:

„Буржуазные националисты, враги народа — самурские, мамедбековы, далгаты и их приспешники, долгое время орудовавшие в Дагестане, особенно много повредили в органах народного образования, языкового строительства и т. д. Здесь, как известно, они сосредоточили значительные свои „кадры." Об этом говорят данные, еще далеко незаконченной, аттестации учительства. Из 3191 человека, прошедших аттестацию, допущено к учительской работе 2010. Причем из этого числа многие учителя нуждаются в серьезной подготовке, без которой им невозможно будет продолжать работу в школе.

Буржуазные националисты создали „тупик" в наших национальных школах. Дети, проучившись в национальной школе 5—6 лет, лишены были возможности продолжать свою учебу, так как враги народа фактически изгнали русский язык из национальной школы. В результате, продолжать свое образование в средних и высших учебных заведениях, из-за незнания русского языка, многие не могли.

Этим вредительским актом буржуазные националисты стремились отгородить народы Дагестана от Советского союза. Они стремились сузить, из-за недостатка грамотных национальных кадров, размах хозяйственного и культурного строительства в Дагестане. Враги запутывали языковый вопрос, стремясь навязать народам Дагестана тюркский язык.

Последствия вредительства в народном образовании и в культурном строительстве в Дагестане еще целиком не ликвидированы. И чем быстрее они будут ликвидированы, тем еще успешнее пойдет социалистическое строительство Дагестана."

В этой „ликвидации последствий вредительства" большая роль предназначается новому руссифицированному алфавиту.

„В этом деле — продолжает Козлов — крупнейшую роль должно сыграть введение нового алфавита. Во-первых, оно в огромной степени облегчит овладение грамотой и русским языком. Существующие национальные алфавиты с их многочисленными надстрочными знаками усваиваются крайне трудно. Навыки быстрого чтения, из-за этих особенностей алфавита, приобретались лишь в результате 5—6-летнего обучения. Новый же алфавит, значительно упрощенный, обеспечивает более быстрое овладение грамотой. С педагогической точки зрения введение нового алфавита безусловно вполне оправдано.

Еще более это оправдано с точки зрения облегчения учащимся, да и всем трудящимся Дагестана, изучения русского языка. Введени русского алфавита безусловно послужит огромным толчком для усвоения широкими массами Дагестана русского языка. С другой стороны, значительно облегчается изучение русскими дагестанских языков.

Наконец, надо сказать об издательской базе. До сих пор наши школы страдали от отсутствия учебников и другой литературы на языках народов Дагестана. Издание учебников затруднялось слабостью полиграфической базы, т. к. для каждого языка надо было иметь особые шрифты и т. д. С введением русского алфавита создаются благоприятные условия для создания мощной полиграфической базы и следовательно — быстрого издания учебников и другой литературы на родных языках народов Дагестана".

Далее Козлов „успокаивает".

„Было бы громадной ошибкой считать, — пишет он — что с введением русского алфавита повсеместно вводится русский язык. Подобные разговоры могут исходить только от врагов. Обучение в начальных школах остается на родных языках народов ДАССР. Партия большевиков свято выполняет заветы Ленина, который сказал: «Ни одной привиллегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству!»."

В заключении же следует:

„Оставшееся охвостье буржуазных национали-

стов встретят введение нового алфавита яростным сопротивлением. Они попытаются повести вражескую агитацию против этого важнейшего мероприятия партии и правительства. Задача всей нашей общественности заключается в том, чтобы разоблачать вражеских агитаторов, раз'яснять всему населению огромные преимущества русского алфавита".

Мы умышленно перепечатали почти целиком этот чекистский документ наглой подтасовки фактов, лжи и явных обрусительных тенденций. Читатель наглядно может убедиться, насколько далеко отошла советская власть от деклараций и фразеологии первых времен большевизма.

В том же самом Дагестане, осенью 1920 года, когда в горах против красного нашествия боролись отряды Саида Шамиля и Нажмутдина из Гоцо, сегоднешний московский диктатор, чье имя „присвоено" „великому русскому языку", занимавший тогда при Ленине скромный пост „спеца" по национальным вопросам, говорил от имени советского пр ва „трудящимся Дагестана" следующие слова:

„Дагестан должен управляться согласно своим условиям, быту, обычаям и проч.

Нам сообщают, что среди дагестанского народа шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения дошло также, что враги советской власти распространяют слухи, что советская власть запрещает шариат.

Я здесь от имени Российской социалистической федеративной советской республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны и ложны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев.

Советское правительство считает шариат таким же вполне правомочным обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию.

Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены."*)

Таким языком в 1920 году говорил тот, кто сейчас является наиболее безжалостным врагом всевозможных „уклонов" и припоминает неугодным себе лицам не только их старые „грехи", но и „грехи" предшествующих поколений.

Правда, с того времени многое изменилось. Сейчас уже нет „дагестанского народа", а существуют „народы Дагестана." Никто сейчас не осмелится заикнуться о праве народов „управляться на основании своих законов и обычаев." Теперь всех обязывают единые нормы „самой демократической в мире сталинской конституции". Более того, в Дагестане почти никого не осталось из тех, кто режиссировал в 1920 г. выступление будущего „отца советского народа." Все они, так или иначе, „ликвидированы". Но, зато, на фоне сегоднешней действительности тем более разительно выступает несоответствие между словами Сталина в 1920 году и „доводами" Козлова, реализирующего в Дагестане „установки" того же самого Сталина в 1937 году.

Козлов, подобно иным советским руссификаторам,*) не силится даже быть оригинальным. Он почти полностью повторяет аргументацию православных миссионеров царских времен, разукрасив ее лишь обычной советской фразеологией. Доказательства его не выдерживают никакой критики.

Наиболее дико звучит утверждение о том, что при латинизированном алфавите „навыки быстрого чтения... приобретались лишь в результате 5—6-летнего обучения." Когда-то этот довод выдвигался и против арабского алфавита. Но даже во времена арабского алфавита „навыки быстрого чтения" приобретались в гораздо более короткие сроки, чем 5—6 лет. А сейчас Козлов старается убедить, что такой именно срок необходим для обучения беглому чтению при латинизированном алфавите. Но, ведь, надстрочные и подстрочные знаки имели и все миссионерские руссифицированные алфавиты, неоднократно создаваемые для языков Северного Кавказа. Не будет избавлен от них и руссифицированный советский алфавит. В чем же заключаются в таком случае преимущества „нового" алфавита?!

Издание учебников затруднялось, говорит далее Козлов, слабостью полиграфической базы, т. к. „для каждого языка надо было иметь особые шрифты." Но и здесь можно было найти простой и рациональный выход: унифицировать алфавиты, а не создавать ежегодно все новые и новые алфавиты не только для отдельных языков, но и наречий и поднаречий.

В одном прав Козлов: „введение русского алфавита безусловно послужит огромным толчком для усвоения широкими массами Дагестана русского языка", ибо с введением нового алфавита усилятся в дагестанских школах и позиции русского языка, а ненавистный для руссификаторов „тюркский язык" будет совсем изгнан из школы. Этого Козлов и не скрывает, говоря, что чем „быстрее будут ликвидированы последствия вредительства" (латинизированный алфавит и „тюркизация"), тем „успешнее пойдет социалистическое строительство в Дагестане"—т. е. тем быстрее будет проводится руссификация, ибо на „окраинах" эта последняя является синонимом „социалистического строительства."

В начале своей статьи Козлов пишет:

„Сейчас идет подготовка к переводу на русский алфавит. С начала будущего учебного года в национальных школах Дагестана занятия начнутся на новом алфавите".

Несомненно, с этим сроком находится в связи и упоминаемая Козловым „аттестация" учителей в Дагестане, которая проводится с начала т. году и жертвой которой стало уже свыше тысячи учителей.

Более подробно говорится о ней в „Даг. пр." от 9-XII-1937 года.

„На днях—пишет газета—СНК ДАССР заслушал доклад нкпроса ДАССР о ходе работы по аттестации учителей.

Совнарком отметил, что ликвидация последствий

---

*) Из речи Сталина в Темир-Хан-Шуре 13 ноября 1920 г.; бакинский „Коммунист", 24 ноября 1920 г., № 171.

*) См. нашу заметку о „реформе" алфавита в Кабардино-Балкарии в № 34 ж. „С. К."

вредительства в области народного образования проходит неудовлетворительно. Работа школ еще не укреплена и установленные партией и правительством сроки проведения аттестации учителей находятся под угрозой срыва (напомним, что из 3191 уже проверенных учителей 1181 человек недопущены к преподаванию — Д.).

В Казбековском, Ачикулакском, Карабудахкентском и Каясулинском районах аттестация учителей не проводилась совсем. В ряде мест она проведена лишь частично. И только в 16 районах и 2 городах республики аттестация закончена. Однако, и по этим 16 районам далеко не все материалы аттестационных комиссий рассмотрены и утверждены наркомпросом.

В результате враждебной деятельности со стороны бывшего руководства наркомпроса ДАССР, ряд районных отделов народного образования оказался засоренным классово-чуждыми элементами. Не случайно, что и во главе некоторых аттестационных комиссий стояли враги народа — буржуазные националисты (Махмудов, Вагабов, Кебедов и другие). Уже после того, как аттестация была проведена, в ряде районов было разоблачено и изгнано с учительской работы немало людей, незаслуживающих политического доверия".

Вся суть дела аттестации учителей заключается в этом именно „политическом доверии." Руссификаторы хотят иметь гарантию в том, что их усилия не будут напрасны. А для этого необходимо, чтобы в школах были учителя, „заслуживающие политического доверия".

Аттестация должна быть закончена к 1 августа 1938 года, т. е. ко времени окончательного перехода на руссифицированный алфавит.

Для большей уверенности в успехе обрусительной акции —

„Решено просить СНК РСФСР, об открытич при педагогических училищах Дагестана одногодичных курсов на 600 человек для подготовки учителей начальных школ."

Так, изо дня в день, „великий Сталин" старается осуществить то, чего не удалось осуществить ни царям, ни белым генералам: „единую и неделимую Россию." Будем надеяться, что события опередят рассчеты „отца советского народа" и не позволят восторжествовать московскому варварству над древними культурами угнетаемых народов.

СИМОН МДИВАНИ

13 декабря т. г. в Париже скончался Симон Мдивани. Покойный принадлежал к числу виднейших грузинских политических деятелей и был одним из лидеров партии социалистов-федералистов.

Родился Симон Мдивани в гор. Хони 20 октября 1876 года. Происходя из высококультурной семьи, свято хранящей национальные традиции, он получил тщательное воспитание. Среднее образование получено было им в Кутаисе, в местной классической гимназии. Затем он поступил на естественный факультет одесского университета. По окончанию университета покойный остался в Одессе, где получил место химика при городском самоуправлении.

Уже на гимназической скамье Симон Мдивани проявлял свой пламенный патриотизм, принимая деятельное участие в нелегальной политической жизни тогдашней Грузии. В университете он был популярнейшим студенческим трибуном, многократно руководя бурными сходками и антиправительственными демонстрациями. Естественно поэтому, что с жизнью скромного чиновника вдали от родины он не мог примириться. Его пылкое и благородное сердце ставило перед ним иные жизненные задания.

Maruf gürcü siyasîlerinden Simon Midivani 1937-nin 13 İlk Kânun'unda vefat etmiştir.

Вскоре покойный оставил Одессу и вернулся в родную Грузию. Здесь он со всей присущей ему энергией отдался политической жизни. Он был одним из организаторов партии социалистов-федералистов. В 1905 — 6 г.г., когда Грузия и весь Кавказ озарены были пожаром кровавых восстаний, мы видим его в первых рядах патриотов. С наступлением реакции он принимает место в правлении одного из грузинских банков в Батуме, продолжая вести нелегальную работу и сотрудничая во всех легальных грузинских общественных организациях.

В первые дни революции 1917 г. он оставляет службу в банке и снова целиком отдается политической ра-

боте. В образованном вскоре Национальном Совете он играет виднейшую роль, представляя свою партию. Затем входит в Закавкасский Сейм, а в 1919 г., когда было созвано Учредительное Собрание Грузии, избирается в нем на пост вице-председателя.

В парламенте ему не пришлось долго работать. Учитывая блестящие дипломатические способности Симона Мдивани, правительство Грузии назначает его послом сначала в Армению, а затем в Анкару, при правительстве борющейся за свою независимость Турции. Покойный был первым дипломатическим представителем иностранного государства при национальном правительстве Турции. Вскоре он был избран старейшиной дипломатического корпуса, занимая этот пост вплоть до оккупации Грузии большевистской Россией.

В эмиграции покойный по прежнему играл выдающуюся роль в грузинской и кавказской среде. Он был членом Грузинского Национального Центра, членом Комитета Независимости Кавказа и Центрального Правления общества „Прометей." Много труда он положил и при реализации Пакта Кавказской Конфедерации.

Личная обаятельность всюду и всегда вызывала к нему общую любовь и уважение. В лице Симона Мдивани Грузия и Кавказ потеряли горячего патриота и неутомимого борца за национальные идеалы. Да будет ему легка чужая земля! К.

А. Кундух

Характер архаизмов иронского языка*)

В ряде статей, на страницах сего же журнала, нами была высказана мысль о том, что иронский язык является наиболее архаическим остатком праязыка арийской расы, ныне неправильно называемой „индоевропейскою", или „индогерманскою" расою. Также была выражена и мысль о том, что несмотря на почти полутора вековую давность научного предположения об „иранском" происхождении осетин (иронов), они не являются выходцами из Ирана, а суть настоящими, так сказать, „борейцами", ибо все их прошлое разыгрывалось, как выясняется, в северной части Европейско-Азиатского материка.

Но такой резкий поворот „с юга на север", в вопросе прошлого иронов, является несколько неожиданным, и поэтому неизбежно столкновение нового мнения со старыми взглядами, опиравшимися на шаблонной научной традиции — „все с Востока". Однако, из этого столкновения новый взгляд может выйти лишь окрепшим, ибо современное состояние „индоевропеистики" не может удовлетворить науку, не располагая точными данными для ответа на вопрос: существовала-ли, действительно, арийская раса, или была лишь фикцией, как утверждает Н. Я. Марр? Но этот вопрос сводится, как известно, к вопросу же о существовании (или нет) „пра-языка" арийской расы, искатели коего в течение целого века метались между санскритом и литовским языком, как равно и „языком Авесты" и иными остатками древне-иранского языка, тщетно пытаясь найти необходимое доказательство. Но, увы, неверно взятое направление не могло дать иных результатов, кроме полученных, что и раскрыло путь всяким толкам о „фикциях".

В предыдущей статье (см. №№ 32 и 33 ж. „Сев. Кавказ") мы привели ряд корней важного лингвистическо-аналитического значения, могущих доказать, что язык арийской расы вовсе не был некоею лишь спорадическою фазою в развитии того „всеобщего языка человечества", о котором твердят „диалектическо-материалистические" рецепты академика Марра, а был самостоятельно сформировавшимся и развившимся, в течение последнего ледникового периода, языком „белой" расы. Различные части массы человечества были изолированы друг от друга в своих „расовых очагах", именно благодаря лишь „изолирующим" условиям этого периода. Словом, спор о расах в данном случае можно выразить в следующей конкретной формуле: „расы", — в своем основном значении, — являются продуктом ледникового периода. Не было рас до наступления ледникового периода, как равно не повстало никакой расы и после ледникового периода, когда уже существовавшие расы стали распадаться, путем смешения образуя иногда так называемые „гибридные расы", но чаще всего продуктом распада рас были н а р о д ы. Следовательно, нет расы германской, славянской, иранской и т. д., а была лишь раса арийская. Ныне же все эти народы являются потомками одной и той же расы — их общего предка, сохранив свою расовую чистоту в той лишь мере, в какой степени они сохранили в себе антропологические, лингвистические и т. п. признаки основной арийской расы.

Повторять здесь, вкратце, уже сказанное нами в предыдущей статье, заставила необходимость более точного изложения способа суждения, вернее причин, побуждающих нас судить так, в вопросе о расах, тем более, что, как известно, в среде ученых царит значительное расхождение в мнениях о расах: число рас, определяемых ими, колеблется от трех основных (белой, желтой и черной) до... шестидесяти! Из этого можно заключить, насколько разнообразны их взгляды на сущность понятия „раса". В последние 10—15 лет к этому хаосу суждений прибавился еще один научно-теоретический взгляд, это — мнение академика Марра, отрицающего существование рас и признающего только один беспрерывный цикл — течение жизни человеческого океана, волны которого беспрерывно же переваливаются друг через друга, смешиваются, затем опять образуют новые волны и т. д.. Но Ахиллесовой пятой этого нового марро-марксистского

*) Настоящая статья не является ответом на статью г. Барасби Байтугана в № 34 нашего журнала („В арийском тумане"), так как была написана и получена редакцией прежде, чем г. Кундух мог ознакомиться с упомянутой статьей. — Р-ция.

учения о „всеобщем языке человечества" является тот факт, что в нем не приняты во внимание, быть может умышленно, такие географическо-климатические перевороты, как явление ледниковых периодов (главным образом последний из них), воздействие которых на доисторическую жизнь человечества и проявилось, благодаря изолирующим условиям, в образовании рас из отдельных масс этого человеческого океана.

Известно, что, наряду с антропологией, лингвистика занимает главное место в спорном вопросе о расах. Если одними антропологическими данными не удалось до сих пор доказать неоспоримость факта существования, в прошлом, арийской расы, то потому только, что лингвистические свидетельства не поддержали в достаточной мере антропологию в ее утверждениях, плохо освещая путь, ведущий по наиболее архаическим следам к основному источнику пра-языка арийской расы.

Проводимая нами, на страницах сего же журнала, мысль сводится к тому, именно, что язык иронов сохранил в себе значительный, по об'ему и удельному весу, материал, могущий убедить науку в том, что пра-язык арийцев действительно существовал, ибо наиболее архаический его остаток, иронский язык, сохранил в себе способность быть критерием не только во взаимоотношениях всей семьи арийских языков, но и быть доказательством, так сказать, самородного происхождения корней арийского словаря, свидетельствующего о том, что к моменту разделения человечества на несколько изолированных друг от друга (ледниковый период) масс, еще не существовало общего языка всего населения нашего материка даже в виде первичных корней, ибо, судя по всему, языки человечества последнего межледникового (теплого) периода не вышли еще из стадии незакономерных первичных звуков, не находившихся еще под контролем мышления, а рождавшихся главным образом под влиянием внешних воздействий (на внезапный толчок в наше тело реагируем криком или иным звуком без всякого, почти, контроля нашей мысли). Даже понятия о таких чрезвычайно важных явлениях или предметах, как „Небо" и „Земля", приобрели себе специальное название очевидно лишь после концентрации отдельных масс человечества в их расовых очагах, не говоря уже о названиях или понятиях, определяющих отдельные предметы, окружавшие обыденную жизнь — они также начали облекаться в свои постоянные „расовые" формы уже после того, как вынужденные к тесному общению в пределах своего расового очага и находившиеся еще в состоянии расовой аморфности, в целях взаимного понимания (эта необходимость не ощущалась так остро в межледниковую эпоху, когда человечество не имело еще принуждения к тесному общению), массы эти почувствовали потребность создания способа единообразной передачи мысли. Таким образом, мы видим, что основной причиной образования рас со всеми их атрибутами был ледниковый период, климатические условия которого и создали не только физическую, но и духовную сущность арийской расы. В теснейшей зависимости от климата зародилась и развилась та материальная культура арийцев, которая послужила базою их дальнейших исторических судеб, ибо эта культура, вернее ее уровень, диктовала или управляла жизнью расы до такой степени, что и формы и законы языка создавались под известным ее влиянием. И в этом случае можно согласиться даже с академиком Марром, в том смысле, что „производственный" момент действительно играет роль в развитии и формировании языка, но с тою существенною поправкою, что, в свою очередь, это производство предметов материальной культуры вовсе не возникало самопроизвольно, а самым категорическим образом диктовалось „свыше" — климатом же и географическими условиями ледникового периода. Ныне те же силы влияют на „производственный момент" — любой страны, любого экономического и социального уклада, подчиняя себе, прямо или косвенно, даже политические перспективы государств, народов, стран. И, конечно, судьба языков также связана с окружающими воздействующими причинами.

* * *

Ниже, для большего раз'яснения вопроса о роли и месте иронского языка в семье не только иранских, но и вообще арийских языков, мы приведем еще ряд корней, ограничиваясь, за неимением места, сравнением простейших основных форм, не углубляясь в анализ и не приводя всех многочисленных родственных аналогов.

1. Все производные существительного „знание" и глагола „знать" в языках славянских, иранских (древних—мертвых и живых—„новых") и в самом иронском—родственны между собою как по семантике, так и морфологии и фонетике. Если же встречаем такие незначительные изменения, как образование фарсского „d a n" из прототипа „z a n", то здесь имеем лишь частичное изменение не существенного характера, ибо в поэзии Ирана еще и до сих пор сохранилась старая форма, как напр., у Омара Хайама: Z a n p i š-k e k u z e-h a-i-k o n e n d ä z g e l-y m a — „Знай (прежде), что кувшины делают из глины (т. е. материи — А. К.) нашей". Словом, все формы и значения от сущ. „знание" и гл. „знать" во всех упомянутых арийских языках имеют своим первоисточником сохранившееся в иронском языке Z o n d — „ум". Естественно, что все связанное со „знанием" исходит именно из „ума", т. е. из первоосновы — „Z o n d".

2. Все производные от сущ. „бытие" и глаг. „быть" во всех вышеупомянутых языках имеют своим первоисточником иронское „u d" — „душа". Естественно, что и само понятие „бытие" не могло образоваться без наличия понятия „душа". Из u d— „душа" в иронском (и вообще в пра-арийском языке) образовался и глагол u n — „быть", как равно и сущ. u n — „бытие". Более точная форма „u(d)yn" не сохранилась, благодаря своей неблагозвучности, но зато тот же корень „u d" в своем чистом виде мы встречаем в иных формах того же глагола: b u d — „был", u d y s t y — „были" и т. д.

Иранские формы: b u d — „был", b u d ä n d— „были", b u d ä n — „быть" и ин., являются лишь дальнейшими изменениями тех же иронских (древне—арийских) основных форм, ибо нормально иронские архаизмы — „u" и „u a", в фарсском приобретают

более литературный вид — „bu", — „ba" — и т. д., как, напр., ирон. ud — „был" перешло в иранское „bud", ирон. uad „ветер", в „bad" (иранское) и т. д.. В свою очередь и славянские формы „бытие", „быть" и др. также родственны иронским и иранским формам же, что очевидно и без всякого анализа. Дальнейшие пояснения о роли иронского ud — „душа" становятся излишними.

3. Термин „язык" в упомянутых выше языках сохранил свою всестороннюю родственную связь. Кроме того он встречается и в германском sága— „сказание", ságen — „говорить", в иранском soxän — „речь", „слово", как равно и в иронском zæhyn — „сказать" и иных прозводных. В иронском (осет.) языке термин „язык" существует в форме „ævzag", включая в себя как физический (анат.) свой смысл, так и значение отвлеченного существительного. Сказанное покажется неясным, если не упомянем об одном из архаических законов иронского языка (в литературных арийских языках эти архаизмы уже вымерли, или находятся в стадии вымерания). Это—приставочные частицы „æv" — у „æf" — перед корнями, начинающимися с „z", „ž" и „š", как равно и „æx", — перед корнями, начинающимися с „s" и „š", как напр.: æv-zag — „язык" æv-zær — „плохой", æf-sæst, или æf-šæšt—„сытый"; æf-šaryn — „набивать", „давить" (ср. с фарсским fešar — „давление"); æx-šæv — „ночь" (ср. с иранским šab — „ночь", более древняя форма которого была „šav"); æx-šyr — „молоко" (ср. с иранским šir — „молоко"); æx-šyrf — „серп" (ср. со славянскими формами „серпа", однородно-родственными с иронским корнем — „šyrf", отмечая лишь нормальный переход иронского „р" в „f", (т. е. „п" в „ф"), и т. д.. Эти же самые архаизмы встречаются еще, отчасти, в памирско-иранских наречиях, но и там вытесняются фарсизмами. В древне-иранских языках они также играли заметную роль, но наука зафиксировала их главным образом в виде комплексов „xš", „kxš" и т. п. весьма неблагозвучных сочетаниях, виною чему является, быть может, недостаточно точный и ясный перевод клинописей и иных текстов.

Словом, основою термина „язык" (иронское „æv-zag", польское „ję-zyk", чешское „ja-zyk", русское „я-зык", в которых частицы „ję",- „ja-", и „я"- являются лишь пережиточными формами иронской (древне-арийской) частицы „æv" —), является древне-арийский корень „zag", в славянских языках принявший форму „—zyk", но кроме наиболее чистой иронской формы и основного значения (æv-zag — „язык", как орган) он сохранил свою чистоту и в германских „sága" и „ságen". Такое ближайшее родство, по чистоте форм, между иронскими и германскими формами об'ясняется тем, что ироны (осетины) и германцы отделились друг от друга в более древнюю историческую эпоху, когда, судя по всему, корень „zag" у всех арийцев имел еще одну и ту же форму. Славянское - „zyk" образовалось позднее (из той же формы „zag").

Будет кстати, если в связи со сказанным приведем одну справку из интересной статьи известного российского ираниста проф. А. А. Фреймана — „Название Черного моря в домусульманской Персии" (см. „Записки Коллегии востоковедов" т. V). Для ясности приводим целиком заключительную часть его статьи:

..."При опыте чтения данного слова, исходя из предположения, что оно иранское, не лишним будет вспомнить, что в областях к северу от Черного моря обитали иранцы, которые не могли не дать ему своего названия. Естественно также предположить, что это название было дано по одному из наиболее поражавших воображение человека свойств моря, напр., от видимой окраски (ср. Черное, Белое Красное, „синее" море). Древне-иранское (ав.) axšaena — „темноцветный", продолжающие свое бытование в персидском xašin — „темносиний", „синеватый", осетинском (дигорском) axsin — „темносерый", как нельзя лучше выражало бы окраску того моря, которое мы называем Черным, и предположение, что это именно определение послужило для древних черноморских иранцев названием Черного моря, является вполне возможным.

M. Wasmer в своих исследованиях*) высказал весьма убедительную мысль, что встречающееся у греческих писателей**) название Черного моря Πόντος Ἄξεινος, переименованное впоследствии в Εὔξεινος, является названием, воспринятым греками от иранских насельников северных берегов Черного моря, Σκυθικὸς Πόντος (у Феокрита), что термин Ἄξεινος отражает др.-иранское axšaena.

Если это так, если греческие источники действительно сохранили нам древне-иранское название Черного моря: axšaena, — то мы вправе посмотреть, не является-ли то название Черного моря, которое сохранил нам документ на среднеперсидском языке... (следует пехлевийская транскрипция этого слова—А. К.) отражением этого слова на почве среднеперсидского языка. Это слово в среднеперсидском языке звучало axšen, xašen (axšaena > axšen > xašen > н.-пер. xašin). В самом деле, стоит только соединить в начертании... (опять та же транскрипция слова—А. К.) третий знак со следующим за ним и мы получаем nyšx (читается справа на лево—А. К.), т. е. xšyn — обычное начертание интересующего нас слова в среднеперсидском языке, — засвидетельствованное и здесь в издании Wostergaard'а.

Таким образом, блестящая мысль Wasmer'а получает свое подтверждение на среднеперсидском документе. Третье соленное море, которое pa Hrom — „в Руме", носило в сасанидскую эпоху название xašen".

Нельзя согласиться с тем, что приводимый проф. Фрейманом термин является иранским, по происхождению. Это предположение рождается из ошибочного, опять таки, мнения, (см. нашу предыдущ. статью в ж. „Сев. К.") о иранском происхождении „иранских же насельников северных берегов Черного моря". В действительности мы имеем дело с древне-арийским (или что то же — иронским) термином „æxšin", сохранившим всю свою простоту

---

*) Die Iranier in Südrussland (= Untersuchungen über ältesten Wohnsitze der Slaven, I) Lpz. 1923, u Acta Universiti Dorpatensis, S. B. T. I. № 3.

**) У Пиндара, Эврипида, Страбона.

и правильность в иронском языке вообще (а не только в дигорском его наречии), ибо др.-иранское „axšaena“, „axšen“ и др. его дальнейшие формы выводятся отсюда (из „æxšin“), принимая, с течением времени, все более и более извращенную форму, как это видим по приводимой проф. Фрейманом цепи трансформаций.

По мере сокращения некогда миллионных масс ироно-алано-сарматов до численности в несколько десятков тысяч человек (как это имело место еще в начале прошлого столетия), сильно оскудел и словарь их языка, благодаря чему ныне, напр., все оттенки зеленого и синего цвета означаются одним и тем же термином — „chæx“, означающим, в основном своем значении, „зеленый“ цвет. В древности было иначе, ибо для синего цвета существовал свой специальный термин — тот самый „æxšin“, или „æxsin“, о котором идет речь. Как известно, до сих пор у иронов дикий голубь называется „æxšin“, или „æxšin-æg“ именно благодаря своей красиво переливающейся синими оттенками окраске вокруг шеи, да и вообще весь цвет голубя (дикого) подходит под эту окраску: его называли æxšinæg—„синий“, ибо трудно было подвести голубя под категорию chæx — „зеленый“, как это случилось со многими иными предметами. Но отбрасывая мало благозвучную архаическую частицу „æx“,— остается основа „sin“, тот самый корень, который сохранился даже в русском „синий“, не говоря о его роли во всех иранских формах термина „æxšin“. Что термин „æxšin (æg)“ по отношению к дикому голубю играет роль именно прилагательного названия („синий) подтверждается еще и тем фактом, что в качестве существительного к голубю в иронском языке вообще применяется его настоящее название — „bælon“.

Конечно, живя по берегам „Эвксинского“ (ныне в России называемого „Черным“) моря, алано-сарматы (ироны) не могли его называть иначе, как только его натуральным, по цвету, названием æxšin — „синий“, у перенявших его греков транскрипцировавшемся в виде Εὔξεινος.

Отсюда же и явствует, что, во первых, древние иранцы сами принесли этот термин æxšin > axšaena в Иран с севера, а во вторых, что греки восприняли его не у „иранцев“, а у северян — алано-сарматов, древних насельников Причерноморья.

4. Славянские формы термина „крик“ (польское „krzyk“, чешское „křik“, русское „крик“), как равно и иранское qär(r)iden — „реветь“, „отчаянно кричать“, а также и qäriu (qäriw) — „рев“, „отчяан. крик“,— также однородно-родственны с иронским qær — „крик“, сохранившим, опять-таки, архаизм первоначальной формы. Но и иронское „qær“ не является основным источником — таковым является иронское же qur — „горло“. Так как „крик“ вырывается из горла, то и естественно, что „qur“ произвело „qær“ (крик). Но и само „qur“ (горло) не зародилось, как термин, самопроизвольно, а от звука, издаваемого при глотании жидкостей: „qurt-qurt kænyn“ — буквально значит „издавать звук глотаемой воды“ (конечно, в значительно более грубой форме, чем это соблюдается по правилам „хорошего тона“). Отсюда же и qurt— „глоток“. Так как звук „qurt-qurt“ производится известною частью тела, то, естественно, что эта часть тела отсюда же и получила название qur, т. е. „орган, производящий звук qurt“. С ним же связано и иронское qur-qur — „ворчание“, как равно и фарсское qur-qur, также означающее „ворчание“ (qur-qur mikonäd — „ворчит“).

Это же qur — „горло” мы встречаем в незначительно изменных формах в польском „gardło“, чешском „hrtań“ и русском „горло“. Фарсское gelu — „горло“ также связано с тем же корнем. Наконец, иронское „qælæs“, польское „głos“, чешское „hlas“ и русское „голос“ не только родственны между собою, но и берут свое начало из того же первоисточника — корня „qur“.

5. В предыдущей статье (см №№ 32—33 ж. „Сев. К.“) мы упомянули о роли терминов „небо“ и „земля“, т. е. их пра-арийских названий, сохранившихся в языке иронов. Было бы, однако, ошибочно пройти и мимо термина, обозначавшего, судя по всему, тогда (как и ныне еще у иронов) третий из главных (после неба—солнца—и земли) элементов, без которых не могла бы жить природа; это—вода.

„Дон“ — это есть общее название для рек и вообще воды на языке иронов. Этот термин сохранился в названиях многих рек, по берегам которых в древности, главным образом в эпоху Сармато-аланского государства (первые века до и после Р. Хр.), жили алано-сарматы (ироны): рр. Дон, Дон-ец, Д(о)нестр, Д(о)непр, У-дон (древнее название р. Кумы), Дон-ау (немецкое название Дуная) и т. д. Тот же корень встречается еще и в названиях Сев. и Западной Двины (Дон > Двина), как равно и в названии реки Чен-дон (или Чел-дон), протекающей в Якутской области. Сохранился он также и в названии протекающей в гористой части Нань-Жаня значительной речки Дан-хэ [в этих местах в древности сталкивались между собою „белая“ и „желтая“ расы, что видно еще и по иронскому же наименованию пустыни Гоби („гоби“ — по иронски значит „немая“), имеющей однако еще и свое „желтое“ (в смысле расового языка) наименование же — „Шамо“. Есть еще много иных данных, подтверждающих древние моменты пребывания здесь арийцев, но об этом поговорим в иной раз]. На Кавказе же почти каждая река на бывшей территории ассо-аланов (иронов) сопровождалась этим названием, к которому обыкновенно пристегивалось и прилагательное название (Urs — „белая“, Sau — „черная“, Arra — „бешенная“ и т. д.).

Древние арийцы, пришедшие в Индию, принесли и сюда это же название, встречаемое в научной литературе в форме „Tana“, „Dana“, „Duna“ и т. д., но в живых „иранских“ языках его уже трудно встретить, но все же сохранилось оно еще в белуджском tunnäg — „жажда“ (иронское doj-ni — „жажда“, также образовалось из древнейшей своей формы „donæg“ по закону, о котором речь будет итти в следующем пункте).

В славянских языках об утопленнике еще и в наши дни говорят, что он не „уводил(ся)“, как бы должно было быть от „воды“, а говорят — „у-тон-ул“, „тон-уть“. Это доказывает, что в

древнейшие времена и у них вода называлась обще-арийским „Дон“ или что то же — „Тон“.

Почти всюду, куда проникли первые волны арийской расы после ее распада в начале нашей теплой эпохи, они принесли с собою этот же корень названия воды — „Don“:

А. Река „Tana“ в Скандинавии (на границе Лапландии и Финмаркена), впадающая в „Tana-fiord“ сохранила его и до сих пор. Не лишне будет добавить, что в Швеции одно из крупнейших озер также сохранило свое древнейшее, чисто иронское название „Stur“, т. е. „Большое“, „Великое“. Это же „Stur“ мы встречаем и в „Sturkyrka“, названии кафедрального собора Стокгольма. Вспомним также и о норвежском „as“, или „aas“, означающем „высоту“, „вершину (горы)“ и сравним его с иронским „as“, или „aas“, также означающим „величину“, или высоту же (напр., в uj-as, — „такой-то высоты, величины“, xoxy-as, или xoxy-i-as — „высотою с гору“). Возможно, что термин „Stur“ встречается в Скандинавии и во многих иных случаях.

В. В Великобритании сохранили это название две следующие реки: первая, это — река „Don“ в шотландском графстве Абардин. Вторая же, это — река „Don“ в английском графстве Иорк, впадающая в реку же Уз.

С. В Ирландии один из заливов также называется „Donnegal“. Заливы Ирландии, отчасти Англии, сохранили также и термин „fiord“ или „ford“ (о чем мы говорили раньше, в предыд. статье), родственный скандинавскому „fiord“ — у (как равно и иронскому „furd“). Как пример можно привести „Milford“, залив у южного берега Уэльса. Само название Лондона также наталкивается на невольный вопрос: каково его отношение к тому же термину „Don“?..

D. Во Франции, в наименовании р. „Dordogne“, мы встречаем тот же корень, наряду с другим иронским же корнем „Dor“ (собственно Dur — „камень“, в иронском). „Dordogne“ возможно и означало „каменистая река“.

Е. Но, как ни странно, тот же корень мы встречаем даже... в Африке! Здесь имеем „Tana“, или „Dana“ — река впадающая в залив Унгала (в восточной части Африки). Но эта река обладает еще и другими, „местными“ названиями: „Mania“ и „Gurumura“, из чего можно заключить, что „Tana (Dana)“, — это лишь „наслоение“ на чисто африканские названия этой реки.

Известное абиссинское озеро „Тана“ (или „Цана“) также включает в свое название тот же термин. Но называется еще и „Дембея“.

Танганвика, Танганика, Танганайка — озеро в Экваториальной Африке имеет в своей основе (названия) тот же самый корень „Тан“, хотя опять таки располагает рядом иных названий — Бахари, Цива, Мзага, Кимана.

Но какое можно высказать предположение о том, кто и когда принес это древне-арийское название реки, воды? Аланы-ли вместе с вандалами, основавшие, в V в. по Р. Хр., в Африке могущественное государство, но затем уничтоженные в войнах, остатки коих по всей вероятности все же успели сыграть роль „белых богов“ среди местных туземцев, — или еще раньше сюди могли проникнуть какие-либо массы арийцев? Во всяком случае наличие „белых“ элементов в Африке не является для науки секретом, но в этой области нужны еще дальнейшие изыскания.

Из приведенных выше примеров можно все же заключить, что древнейшим обще-арийским термином для воды—реки служил корень „Don“, сохранившийся и до сих пор еще в своей девственной чистоте в языке иронов.

6. Наряду с приведенными выше примерами древних, глубоких связей между иронским и остальными арийскими языками, можно столкнуться, однако, и с видимым отсутствием связи между ними, напр., в столь важном вопросе, как термин и значение „человек“. Здесь перед нами несколько странный факт: по иронски „человек“ называется adæjmag, а „люди“ — adæm. С одной стороны, связь здесь восходит к библейскому праотцу человечества Адаму, с другой же — с ним находится в несомненном родстве и название „человека“ в тюркских языках — adam. Однако, мы не займемся сейчас анализом взаимоотношений библейского Адама, иронского adæm-adæjmag и тюркского adam, т. к. это завело бы нас в область спора не только между „яфетидологиею“ Н. Я. Марра и „индоевропеистикою“, но и в спорные же отношения с недавно народившейся в Турции „Теориею солнечного языка“ („Güneš-dil teorisi“), обладающей, наряду с значительною эластичностью техники доказательств, и чрезмерною же простотою ее.

Но отказ от анализа термина „Адам“ не значит, что вопрос о древнейшем арийском „человеке“ останется без внимания: вне зависимости от того, был-ли у древних арийцев „человек“ — „адам“, или нет, сохранилось ясное доказательство, что в иронском (и вообще пра-арийском) языке существовал специальный термин для „человека“, это — gom! Правда, термин этот встречается сейчас лишь в сложном виде: næl-gojmag — „самец-человек“ и syl-gojmag — „самка - человек“. Næl — самец (по иронски), syl — самка. „Gojmag“ же происходит от gom — „человек“ и если приобретает форму go(j)m-ag, то лишь по тому закону иронской грамматики, по которому иронские же don > dojniag, adæm > adæjmag, kom (ущелье) > kojmag, xædzar > xædzajrag и т. д.

Словом, мы видим, что древнейшими формами иронских syl-gojmag — „самка-человек“ и næl-gojmag — „самец-человек“, были „syl-gom“ и „næl-gom“. Но др.-иронское gom — „человек“ вне всякого сомнения родственно и тождественно латинскому „homo“, или что то же, французскому „l'homme“, из чего следует заключить, что термин „gom“ некогда вообще служил обще-арийским названием „человека“. Этот же термин сохранился еще и в сложном иронском caš-gom — „лицо“ (человека).

7. В статье „Сатана или Sætanæ“ (см. №№ 32, 33 „С. Кав.“) было упомянуто о возможном происхождении адыгейцев из древнего, до-арийского, Ирана, но при этом нами была пропущена следующая справка:

В адыгейском языке существует термин mäz — „лес". Но в Иране, как известно, провинция Mazandaran представляет из себя страну, наиболее богатую не только вообще буйной растительностью, но главным образом густым, девственным лесом, отчего эта страна и выделяется так резко на фоне остальных, выжженных солнцем и лишенных растительности, пространств Ирана.

Провинция эта находится на Каспийском побережьи, у моря древних обитателей этой страны, „кас-п-ов". Почему же название этой части Ирана не могло произойти от наиболее яркого ее отличительного признака — богатейших и девственных лесов? Иранское Mazandaran в переводее означает „богатое maz-ами", „имеющее maz-ы", иными словами „страна maz-ов". Это вполне соответствует природе этого края, покрытой девственными лесами.

Нам, как было уже сказано, известно, что адыгейцы называют лес „mäz", но чтобы, в самом деле, значило это „maz" в самом Иране?

При попытках справиться у местного (иранского) населения — что, мол, значит это „Maz" вошедшее в термин „Mazandaran", они обыкновенно отвечают, что „это кажется „гора", „высота", а поэтому Mazandaran — это „местность богатая горами, высотами", мол. Но как мы знаем, „гористых" и „высоких" местностей в Иране весьма много и кроме Mazandarana (который к тому же располагает и красивейшими долинами — равниною побережья моря), но все эти гористые и высокие местности называются обычным для всего Ирана „Кухистаном". Правда, и в „авестийском языке" сохранился термин maz в смысле „расти", „большой", „великий", но как можно доказать, что и древние иранцы не восприняли его из „Maz-andarana, тем более, что по самой природе термина „maz" можно заключить, что он не был общеарийским, а иранцы столкнулись с ним, возможно, только по прибытии в Иран и здесь именно познакомились со „страною леса", „страною растительности", каковою действительно является Mazandaran.

Во всяком случае и этот термин заслуживает внимания при изысканиях в области взаимоотношений адыгейцев (kas-ов кавказских) и кас-сиев, кас-ситов, кас-пов древнего Ирана.

* * *

Подобного (приведенным терминам) материала язык иронов заключает в себе весьма много, но ограничимся сказанным, ясно иллюстрирующим характер архаизмов этого языка.

Полковник ген. шт. Хурш

АХУЛЬГО

(Продолжение)

Намерения неприятеля нанести решительный удар Имаму Шамилю в северном Дагестане не могли быть приведены в исполнение ни в 1837, ни в 1838 г.г. благодаря предвидению Имама.

Шамиль прекрасно ориентировался в планах русского главного командования и учитывал серьезность положения. Поэтому он решил предупредить акцию врага, оттянуть его силы в ином направлении на более или менее длительное время, и этим дать себе возможность осуществить, хотя бы частично, намеченные реформы. С этой целью он организовал энергичную демонстрацию в южном Дагестане, которая весьма обеспокоила русское командование.

Полк. Милютин, описывая военные действия 1839 года в северном Дагестане, говорит об этом следующим образом:

«*Правительство следило за возрастающим могуществом Шамиля; но к несчастию, стечение разных обстоятельств несколько лет сряду не позволило обратить против него достаточные силы для какого либо предприятия решительного. Возмущение в Кубинской провинции в 1837 году, продолжавшееся еще и в следующий год в верхних ее магалах; волнение в Табасарани и Каракайтахе, то есть в соседстве с Дербентом.*

По этой же причине предположенная в 1838 году решительная экспедиция против Шамиля — не состоялась. Генерал-лейтенант Фези, шедший в Аварию для истребления убежища Шамиля Ахульго (которое в то время еще не было так укреплено, как в следующем году), должен был опять спешить в южный Дагестан».

В «Очерках положения военных дел на Кавказе в 1838 — 42 г.г.» («Кавк. сборник», том II) читаем по этому поводу:

«*Так как время года дозволяло еще предпринять наступательные действия и отряд генерал-майора Крюкова мог уже быть присоединен к войскам в северном Дагестане, то предполагалось сделать отрядом генерал-лейтенанта Фези движение в землю гумбетовцев и, в случае возможности, овладеть убежищем Шамиля — скалою Ахульго — тогда еще не столь укрепленным, как в последствии. Но предприятие это не могло быть исполнено в 1838 году, — неожиданное и смелое вторжение лезгин с верховьев Самура в Шекинскую провинцию заставило направить отряд генерал-лейтенанта Фези в Кубу*».

В действительности же события в южном Дагестане отнюдь не носили такого случайного характера, как это следует из свидетельства цитируемых нами русских авторов. Они находились в тесной связи с событиями на главном театре войны и носили на себе печать единой воли Имама.

В 1837 году Шамиль решил усилить деятельность партизанских отрядов в южном Дагестане. Главным исполнителем этого плана был назначен

самурский наиб Ага-Бек Ретульский. Вместе с этим в Табасарань, Кайтаг, Самур, в ханстве: Кюринское, Нухинское и Шекинское были высланы опытные агитаторы, которые развили энергичную пропаганду против господства русских.

Решительные действия партизан и пропаганда возымели свое действие. Неприятель не на шутку был встревожен и стал стягивать со всех сторон в угрожаемые места войска.

Отряд Ага-Бека Ретульского, состоящий первоначально из 300 человек, увеличился к концу года до 2500 человек, кои разместились в наиважнейших пунктах Кайтаго-Табасарани, подходя под самый Дербент и проникая и в ханство Нухинское. Базой частей наиба Ага-Бека был аул Ахты.

В 1838 году, в августе, в то время как ген. Фези двигался на Ахульго, Ага-Бек Ретульский смелым рейдом во главе 1000 чел. конницы занял гор. Нуху. Не ограничиваясь этим, он выслал 200 чел. в Шекинское ханство, на помощь действовавшему там Искендер-Беку.

В результате блистательных операций наших партизан в южном Дагестане, последовала, как мы уже отметили, концентрация здесь русских сил. Сюда, между прочим, форсированным маршем спешил и ген. Фези, оставив в покое Ахульго.

Приближение отряда ген. Фези и отряда полк. Безобразова (последний в составе 6 рот пехоты, 2 дивизионов драгун, 6 пол. орудий и 1500 чел. милиции элисуйского султана Даниэль-Бека), заставило Ага-Бека, после кровавого боя, оставить гор. Нуху и отойти в предгорья, прикрывая Ахты.

Но организовывая диверсию в южном Дагестане, Имам не забыл и Чечню, и Кумыкскую плоскость. Здесь действовали два партизанских отряда наиба Ташав-Хаджи и наиба Бады-Муллы. Каждый из них состоял из постянного кадра численностью около 200 чел., которые в случае надобности усиливались ополчением из ближайших аулов. Отряд Ташав-Хаджи должен был наблюдать за крепостью Внезапной, имея штаб-квартиру в ауле Саясань. Отряд же Бады-Муллы наблюдал за крепостью Грозный (Суюндж-Кала), имея местом постоянного пребывания аул Шали.

Эти два отряда проявляли также максимум активности. Они не только выполняли непосредственно на них возложенную задачу, но и проникали часто в тыл вражеской линии, а также в Шамхальские владения.

*

* *

Итак, главную операцию русское командование принуждено было отложить до 1839 года Задачи и план этой операции описываются в «Истории русской армии» следующим образом:

«*Чтобы нанести более решительный удар Шамилю в пункте его пребывания, весною 1839 года было предположено отправить в Андию для овладения укрепленным аулом Ахульго два отряда:*

1—Чеченский отряд: 9 баталионов, 22 орудия, рота сапер, 5 сотен казаков и свыше 3-х тысяч милиции, под начальством генерал-ад'ютанта Граббе, командующего войсками Кавказской линии, который должен действовать со стороны Чечни от крепости Внезапной.

2—Дагестанский отряд: 11 баталионов, 22 орудия, рота сапер, 2 сотни казаков и 1000 человек милиции, собранный у укрепления Хазри, под начальством корпусного командира генерала Головина, предназначался для действия на Самуре».

В «Очерках положения военных дел на Кавказе 1838—1842 г.г.» мы имеем еще более точное описание предназначения обоих отрядов.

Чеченский отряд, по уничтожению Ахульго, «*должен утвердиться, на первый случай, хотя в одном пункте на Андийском Койсу, дабы, владея обоими берегами сей реки, открыть возможность сообщения Аварии с землею салатавцев и удержать через то в страхе Гумбет и Андию*».

Дагестанский же отряд, по утверждению на Самуре, должен «*учредить по течению его укрепленную линию и открыть ближайшее сообщение между верховьями сей реки и элисуйскими владениями, подчинив таким образом навсегда вольные самурские общества и положив непреоборимую преграду распространению беспорядков из Дагестана в мусульманские наши провинции*».

Как видим, неприятель решил взять Дагестан в стальные клещи заградительных укреплений, действуя для этого одновременно с двух сторон. Боевые части и технические средства стягивались при этом почти со всего Кавказа, и отряды были снабжены всем необходимым для длительной кампании.

В дальнейшем изложение главное внимание будет нами уделяться Чеченскому отряду, так как он именно должен был провести интересующую нас операцию против аула Ахульго. Говоря об этом отряде, полк. Милютин замечает:

«*В распоряжении генерал-лейтенанта Граббе даны были все военные средства не только кавказской линии, но и северного Дагестана, который временно был подчинен ему во всем, что касается до военных действий. Главными складочными и опорными пунктами были, с одной стороны, крепости Грозная и Внезапная, с другой—Темир-Хан-Шура. Артилерийских снарядов заготовлено по два комплета для легких орудий и по три для горных, количество это впоследствии оказалось недостаточным, а ружейных патронов до $1^1/_2$ миллиона, в том числе 160 тысяч в крепости Внезапной и 500 тысяч в Темир-Хан-Шуре. Инженерный инструмент везли на 30 арбах из Владикавказского округа, под прикрытием одного из баталионов Кабардинского егерского полка, следовавших оттуда же в состав Чеченского отряда*».

С Кавказской линии, как пишет далее Милютин, взято было в отряд 6 баталионов, 6 сотен казаков (2 конных и 4 пеших), 8 легких и 4 горных орудия и 500 человек конных волонтеров; из войск северного Дагестана — 4 баталиона, 2 легких и 4 горных орудия и до $3^1/_2$ тысяч конной и пешей милиции. Из Тифлиса прибыла в отряд рота сапер. Численный состав баталиона перед выступлением в поход равнялся (в среднем) 716 чел. нижн. чинов и 17 офицеров в строю, а на довольствии около 800 чел. нижн. чинов.

Таким образом, согласно Милютина, Чеченский отряд состоял из 10 баталионов, а не 9, как это сказано в цитированных нами данных из «Истории русской армии». Что-же касается артиллерии, то во время осады Ахульго число орудий достигло 31, хотя и число баталионов увеличилось до 13. Но об этом будет сказано более подробно в своем месте.

*
* *

И эти приготовления были своевременно учтены Имамом. Более того, он безошибочно предугадал намерения врага и избранные им пути следования.

Остаток зимы и начало весны Имам провел в лихорадочных приготовлениях, дабы должным образом встретить предстоящее наступление неприятеля. В феврале месяце он послал в Чечню только что сформированный хамси (полк) регулярной кавалерии с двумя наибами—Сурхаем из Кало и Али-Беком из Хунзаха. Хамси этот должен был усилить части ичкеринского наиба Ташав-Хаджи. За это же время два раза созываемо было ополчение, при помощи которого разгромлена была аварская милиция под командой Хаджи-Мурата, осмелившаяся напасть на аул Тлох. Но наказание не ограничилось этим. Шамиль приказал разорить два наиболее виновных аула, Бетль и Ахкент, население коих было переселено в Ихали. Попытка же наказать Унцукуль не имела успеха. Несколько позднее, в непосредственной близости от укр. Зыраны, занятого русским гарнизоном, был разорен аул Ирганай, покорный неприятелю, а население его выселено в Анди.

Все эти меры имели самые благотворные последствия. Они способствовали установлению правопорядка и твердой власти, усиливая авторитет Шамиля. Описывая этот, предшествовавший осаде Ахульго, период, Милютин констатирует:

«Нигде не было достаточных средств для противодействия дерзким предприятиям Шамиля. Милиции Тарковская, Мехтулинская и Аварская уже не смели одни вступить с ним в дело».

В начале мая, когда намерения неприятеля обозначились со всей ясностью, Имам Шамиль установил следующий план операции:

1—С главными силами последовательно обороняться по пути следования неприятеля: под аулом Буртунай, на перевале Суук-Булак и под аулом Аргуань (аул этот был укрепляем с февраля).

2—Наиб Ташав-Хаджи, оставаясь по-началу в районе аула Саясань, должен затем, по мере продвижения неприятеля, энергично действовать во фланг и в тылу его.

3—Самурскому наибу Ага-Беку Ретульскому, действуя оборонительно, отходить к Аджи-Ахурской теснине, которую по мере сил защищать, а дальше поступать согласно обстановке.

Решения эти были ясны и просты и вполне соответствовали обстановке. Полк. Милютин пишет о них так:

«Узнав о сборе Чеченского отряда, Ташав-Хаджи начал снова собирать многочисленное скопище, не только из ичкеров; он звал к себе сообщников из Аргунского ущелья. Зная, что Чеченский отряд назначен для действий в Дагестане, и догадываясь, что он направится через Салатау и Гумбет, Шамиль приготовлялся к обороне на этом пути, укреплял Аргуань, разрушил спуск с крутой горы Суук-Булак, на границе Салатау и Гумбета, и, наконец, по призыву салатавского селения Буртуная, обещал прибыть с партиею своею, чтобы встретить русских еще в Салатавской земле. Между тем Ташав-Хаджи, оставаясь с фланга операционной линии Чеченского отряда, намеревался действовать ему в тыл: дав войскам нашим углубиться в горы, он мог броситься на Кумыкскую плоскость и на линию. Надобно согласиться, что неприятель довольно искуссно составил свой план действия».

*
* *

Положение сторон к 8 мая представлялось следующим образом:

I. У неприятеля —

1—Ядро экспедиционного отряда — в составе 6 бат. пехоты, роты сапер, 403 чел. пеших и 235 ч. конных казаков, 6 легких и 4 горных орудий, 500 чел. конных волонтеров и 53 чел. конвойной команды, при 900 голов вьючных лошадей — расположилось лагерем при крепости Внезапной.

2—В Темир-Хан-Шуре: 3 баталиона пехоты, 6 легких и 8 горных орудий, милиции Шамхальской — 1000 чел. пеших и 316 конных, Мехтулинской — 807 чел. пеших и 210 конных.

3—В укреплении Зыраны: 1 баталион пехоты.

4—В крепости Хунзах: Аварской милиции — 747 чел. пеших и 250 чел. конных.

II. Наши части были расположены —

1—В районе аула Саясань под командой Ташав-Хаджи находилось 500 чел. конных и 450 чел. пеших Ичкеринского ополчения и 1 миат (сотня) регулярной пехоты. Выдвинутый от этой группы конный пост в 100 всадников был расположен в ауле Мискит.

2—В районе Буртунай—Дылим—Костала под командой койсубулинского наиба Сурхая располагались 300 чел. Салатавского и 200 чел. Каратинского пеших ополчений, а также 1 хамси (полк) регулярной кавалерии. При этом, ополчение находилось в Буртунае, а регулярная кавалерия под командой Али-Бека в аулах Дылим и Костала, выдвинув заставу в 50 чел. на перевал Гебек-Кала, что в 6 верстах от крепости Внезапной. Группа эта должна была наблюдать за неприятелем, а в случае надобности защищать аул Буртунай.

3—В районе Аргуань—Тлярата—Кодары под начальством самого Имама росположены были главные силы:

а—в укрепленном ауле Аргуань находился тилетлинский наиб Ахвердиль-Магома с 1 хамси (баталионом) регулярной пехоты и 250 чел. Багулялького пешего ополчения;

б—правое крыло составляли 450 чел. Ингалинского пешего ополчения и 200 чел. конных Гумбе-

товского и Цутинского ополчений, под командой Бабал-Магомета Ингалинского;

в—на левом крыле, в районе высот около аула Тлярата, находился андийский наиб Лабазан с 400 чел. пеших и 200 чел. конных Андийского и Куядинского ополчений;

г—перевал Суук-Булак занимался одним миат регулярной пехоты и 150 чел. Салатавского пешего ополчения, под командой Муртазали Магомета Оратинского;

д—наконец, в двух верстах к югу от Аргуани находился общий резерв, под командой Омар-Хаджи Согратлинского, в составе 2 миат регулярной пехоты, 2 миат муртазеков и 100 чел. Тилетлинского пешего ополчения.

Вся эта группа должна была оборонять подступы и сам аул Аргуань.

Таким образом, Имам Шамиль имел в начале операции 1000 чел. пехоты и 600 чел. кавалерии регулярных войск и 2250 чел. пехоты и 900 чел. кавалерии ополченских частей. А в общей сложности—3250 чел. пехоты и 1500 чел. кавалерии. Сюда же следует добавить 200 чел. регулярной пехоты в самом Ахульго.

Нужно заметить, что к 8 мая Куядинское, Андийское, Цунтинское и Багуляльское ополчения еще отсутствовали и прибыли в район военных действий только 19 мая.

*
* *

Неприятель изменил первоначальный план действия, так как Ташав-Хаджи занимал угрожающее для него положение. Ген. Граббе учел это положение и потому решил нанести Ташав-Хаджи решительный удар всеми имеющимися под рукой силами и только после того двинуться на Ахульго. У Милютина говорится об этом так:

«В самом деле, мы не имели-бы никаких средств отразить покушение Ташав - Хаджи, еслиб Чеченский отряд углубился в горы Дагестана, оставив такого сильного противника в тылу своем. Вот почему генерал Граббе счел необходимым обратиться в Чечню и нанести сперва поражение Ташав-Хаджи, чтобы потом уже безопасно двинуться через Салатау и Гумбет против Шамиля».

Такое решение русского командующего было некоторым образом на руку Имаму Шамилю. Как никак, обращение главных сил Чеченского отряда против Ташав-Хаджи должно было задержать неприятеля на известное время, что, в свою очередь, позволило бы закончить концентрацию наших сил. В действительности так и случилось, ибо Имам использовал временную задержку в продвижении русского отряда.

Из лагеря под Внезапной неприятель выступил в ночь на 10 мая. На рассвете 10 мая передовой отряд полк. Лабинцева в составе 2-х баталионов и 2 горных орудий атаковал укрепленный пост на хуторе Ахмет-Тала при ауле Мискит, который занимался 30 чел. пеших бойцов. Ташав-Хаджи с главными силами находился в это время в ауле Саясань. Пост, обороняемый малочисленным гарнизоном, был занят русскими и предан огню.

Однако, этим эпизодом дело под аулом Мискит не было закончено. Вот что пишет об этом полк. Милютин:

«Между тем, по первым выстрелам в лесу, начали сбегаться к урочищу Ахмег Тала окрестные вооруженные жители (это была подоспевшая помощь в количестве 200 чел. из группы Ташав-Хаджи—Х.). *Неприятель, скрывшись за своими завалами, постепенно усиливался. Передовой отряд полк. Лабинцева расположен был на открытой поляне, на самом близком ружейном выстреле от опушки, занятой неприятелем. По обыкновению своему, они одушевляли себя, громко распевая стихи из Корана, а по временам фанатики выбегали кучками из лесу, с шашками в руках бросались на стрелков наших с такою быстротою, что резервы не всегда успевали поддержать их».*

Дело начинало принимать настолько серьезный оборот, что неприятель вынужден был ввести в дело главные силы. Милютин по этому поводу пишет:

«Чтобы выбить неприятеля из его позиций, генерал Граббе двинулся главными силами для атаки с фронта, а между тем всю кавалерию послал вправо, в обход леса. Обе колонны должны были выйти на Билансу».

К вечеру неприятель занял оставленный жителями аул Билансу, где и расположился биваком. Аул и ближайшие хутора были преданы огню. На следующий день, соблюдая все меры осторожности, он двинулся далее. Русский командующий был так напуган, что боевое охранение в этом движении было фактически сведено к охране его особы. Вот как описывается у Милютина марш русских войск:

«Течение Яман-су так мелко и извилисто, что главная колонна (всего 1 баталион и ген. Граббе —Х.) *с артиллериею и обозами шла по самому руслу, беспрестанно переходя с одного берега на другой. Боковые колонны, каждая в два баталиона с двумя горными орудиями, двигались по тропинкам нагорного берега, для прикрытия главной колонны с флангов».*

К 7 часам вечера, не встречая сопротивления в пути, неприятель достиг аула Рогонкаж и расположился там на ночлег. Аул был оставлен жителями, как и все другие аулы, встречаемые в пути. Все аулы, в том числе и Рагонкаж, преданы были неприятелем огню.

Заняв Рагонкаж, русские войска приблизились к аулу Саясань на расстоянии 8 верст. На другой день ген. Граббе решил атаковать Саясань. Для этого он выделил 2 баталиона кабардинского полка, 2 роты куринского, 2 горных орудия и милицию, назначив начальником этого отряда полк. Лабинцева. Сам же с главными силами предпочел остаться у аула Рагонкаж, ибо, как пишет Милютин, исходил из того, что *«необходимо было удержать позицию у Рагонкаж, для обеспечения отступления от Саясани».*

Бой под аулом Саясань описывается полк. Милютиным так:

«Горцы не защищали селения, а засели в са-

Карта военных операций под Ахульго в 1839 году. Взята из книги полк. Милютина. Белой линией обозначено местоположение Ахульго.

мое укрепление, частию-же расположились по лесистым высотам позади его. После небольшой перестрелки, войска наши заняли балку перед селением; здесь полк. Лабинцев оставил один баталион и одно орудие; две роты направил влево, для занятия высот,—а сам с остальным баталионом, орудием и милициею прошел через аул, и после непродолжительной перестрелки, бросился с двумя ротами на штурм завалов, защищавших подступы к укреплению. Егеря должны были пробираться почти по одиночке, под меткими выстрелами горцев; но между тем, посланные влево роты куринского полка уже заняли лесистые высоты и сбили с них толпы горцев. Тогда неприятель, не выждав штурма, искал спасения бегством. Укрепление было совершенно разрушено, а самое селение сожжено».

В действительности же обстановка боя и сопутствовавшие ей обстоятельства были несколько иные. «*Толпы горцев*», о которых вспоминает Милютин, реально не существовали. Ичкеринское ополчение, составляющее преобладающую часть сил Ташав-Хаджи, разошлось по домам, не дождавшись появления противника под Саясань. Ичкеринцы должны были спасать свои семьи, а также имущество, которое еще уцелело после сожжения их аулов войсками ген. Граббе. Таким образом, отряд Ташав-Хаджи был значительно ослаблен уже перед боем. Это обстоятельство было главной причиной поражения. При Ташав-Хаджи оставалось всего около 200 бойцов. С этими силами он оборонял, как мог, и укрепление и расположенные позади высоты. В глазах же неприятеля, оперирующего в своих реляциях о противнике десятками тысяч живых бойцов и тысячами трупов, горсточка защитников Саясань превратилась в «толпы».

Однако, Ташав-Хаджи и после оставления Саясань был все еще опасен для противника. Собрав остатки своих сил в один кулак, он обрушился на левое крыло врага. Маневр этот заставил Лабинцева начать поспешное отступление на Рагонкаж. У Милютина эта фаза боя описана так:

«Однакож перестрелка горячо продолжалась на левых лесистых высотах. В 8 часов вечера полковник Лабинцев приказал войскам начать отступление. Заметив это, неприятель, по своему обыкновению, начал сам действовать смелее и бросился на арриергард, пока отряд втягивался в дефиле. Преследование горцев прекратилось только по выходе отряда из лесу».

Этим закончились наступательные действия Чеченского отряда против группы Ташав - Хаджи. Отряд снимается в ночь на 14 мая с бивака при Рагонкаж и двигается обратно к крепости Внезапной. Этот отход скорее напоминал бегство. Вот что пишет о нем Милютин:

«Чтобы скрыть от неприятеля по крайней мере начало отступления, приказано было отряду сняться с позиции ночью, с соблюдением совершенной тишины. Это было исполнено весьма удачно: обозы и потом весь отряд спокойно спустились от Рагонкаж к руслу реки Яман-су, и горцы заметили это тогда только, когда солнце было уже высоко и войска в порядке двигались по трем назначенным путям. Несмотря на то, неприятель стремительно бросился вслед за арриергардом и в тоже время начал обходить его с правого фланга».

Эта и последующие акции преследования, продолжавшегося до самого вечера того-же дня, были произведены Ташав-Хаджи при содействии подоспевших подкреплений в лице андийского кадия Галбаца с 250 чел. ополчения.

Отдельные моменты боя описываются у Милютина так:

«Жаркая перестрелка завязалась в боковых цепях и в арриергарде. Арриергарду приходилось часто выдерживать отчаянные нападения фанатиков, которые с иступлением бросались в шашки, несмотря на картечный огонь орудий».

И еще:

«Левая колонна полковника Пулло выдержала последний отчаянный натиск горцев: только удачный картечный выстрел отразил их в то мгновение, когда они были уже шагах в пятнадцати от орудий».

На этой атаке преследование закончилось, ибо русский отряд подходил уже к Внезапной.

Операция против Ташав-Хаджи рассматривается русскими историками, как полное поражение этого наиба и уничтожение «*его банды*». Однако, уже сам факт преследования «разбитым» наибом отходящего отряда ген. Граббе не согласуется с утверждениями русских историков. Несомненно лишь, что неприятель разорил и сжег 11 ичкеринских аулов, в результате чего количественный состав войск Ташав-Хаджи значительно уменьшился, так как большинство ичкеринцев разошлись по аулам для восстановления своих разоренных очагов. Но моральный дух бойцов не был поколеблен, в чем мы убедимся в дальнейшем.

*
* *

К Ахульго неприятель мог подойти двумя путями: 1) со стороны Темир-Хан-Шуры через Аварию и Койсубу и 2) со стороны Внезапной через Салатау и Гумбет.

Первый путь — короток и легок. Между Темир-Хан-Шурой и Аварией существовало постоянное и относительно безопасное сообщение через укрепления Бурундук-Кале, Зыраны и Цатаных; по этому пути постоянно ходили неприятельские транспорты и войска в Хунзах. У укрепления Цатаных от этого пути отделяется удобная дорога вправо на Бетлетскую гору, у подошвы которой лежат Ашильты и Ахульго. От Цатаныха до Ахульго не более 15 верст; местность здесь открыта и, кроме нескольких крутых спусков и под'емов, особых затруднений для движения не представляет.

Второй путь, со стороны Внезапной, и более длинен, а главное, более затруднителен во всех отношениях. В Салатау дорога идет через лесистый хребет Гебек-Кала на аулы Инчхе и Хубар. От Хубара дорога постепенно поднимается по отлогой плоскости Дюз-Тау и через аул Гертме подходит к перевалу Суук Булак. От Суук Булака идет через аул Аргуань каменистый, обрывистый и безлесный

спуск, оканчивающийся у русла Андийского Койсу. После переправы через реку от аула Чиркат необходимо подняться на возвышенности левого берега и тогда только можно выйти к аулу Ашильта. Длина всего пути около 80 верст. Весь он пролегал через земли обществ, которые не признавали русского владычества.

Однако, несмотря на все эти неудобства, ген. Граббе остановил свой выбор на втором пути. Причины, побудившие его это сделать, излагаются Милютиным следующим образом:

«*Взятие Ахульго могло быть только последним, конечным ударом владычеству Шамиля; но чтобы достигнуть этой окончательной победы — необходимо было, так сказать, подготовить поражение горцам везде, где только можна было встретить их скопища. Как бы ни были, по всем вероятиям, кровопролитны эти встречи, как бы ни дорого обошлись они нашими войсками, — только подобными успехами можно было произвести нравственное влияние на умы горцев, поколебать доверие их к силе и непобедимости Шамиля и тем разрушить основание его могущества в горах. Лишившись содействия обществ дагестанских левой стороны Андийского Койсу, Шамиль не мог бы держаться в Ахульго*».

И далее:

«*При том нанесение поражения неприятелю именно в Салатау и Гумбете имело бы и результаты непосредственные: безопасность и спокойствие на линии, на Кумыкской плоскости и в Шамхальстве Тарковском совершенно зависят от покорности этих ближайших племен дагестанских*».

Все эти рассуждения не лишены логики, но все дело в том, что они в действительности не имели места. Ген. Граббе отнюдь не выбрал этот путь по каким то высшим соображениям, им предвиденным. Его заставил избрать этот путь Имам Шамиль, подошедший своими передовыми частями под самую крепость Внезапную. Генералу Граббе не надо было отыскивать живых сил противника с целью их уничтожения, проделывая при этом 80 верст тяжкого пути. Противник сам выходил ему на встречу, не думая скрываться. И если бы русский генерал избрал первый, более удобный и более короткий, путь, то случилось бы, как раз, то чего, по словам Милютина, он хотел избегнуть: войска Шамиля угрожали бы в этом случае и линии, и Кумыкской плоскости, и Шамхальству, и даже Темир-Хан-Шуре. Имам заставил ген. Граббе пойти по той дороге, которая давала нашим войскам большие преимущества.

*
* *

16 мая, т. е. на второй день после возвращения Граббе в крепость Внезапную, Шамиль прибыл в Буртунай, имея при себе 2 миата муртазеков из общего резерва. В тот же день Имам принял делегацию черкеевцев, во главе со старшиной Джамалом, которая дала присягу в том, что русские войска не будет ею пропущены через аул без боя. Как черкеевцы выполнили свое обещание, будет описано в своем месте.

Затем Имам имел беседу с койсубулинским наибом Сурхаем, который доложил ему об отданных им распоряжениях. Сурхай приказал кавалерии Али-Бека (регулярный полк), усиленной 100 чел. Салатавского пешего ополчения, занять горную линию Гуне—Гертме (пехота в Гертме) и выдвинуть посты на хребет Гебек-Кала и в аул Инчхе. Каратинское же и оставшаяся часть Салатавского ополчений должны были занять возвышенную плоскость перед балкой Теренгул, находящуюся в $1^1/_2$ верстах к с.-в. от аула Буртунай. Распоряжения эти были одобрены Шамилем.

Таким образом, сопротивление неприятелю предполагалось оказать на двух позициях, причем отход с первой можно было прикрыть со второй ружейным огнем. Общая численность наших сил, долженствующих дать первый отпор противнику под Буртунаем, доходила до 1000 человек. Все рассказы русских официальных историков о «многотысячных толпах и бандах», основанные на военных реляциях, не отвечают правде. И здесь, как везде и всегда, неприятель основывался на принципе: «*пиши как можно больше, благо некому их считать*». Даже мирное население аулов не могло ввести неприятеля в заблуждение относительно численности наших войск, так как все жители аулов были заблаговременно эвакуированы в безопасные места.

Сведения Имама о противнике были таковы: главные силы, около 8000 чел. с артиллерией, готовятся к выступлению из лагеря под крепостью Внезапной; в Темир-Хан-Шуре готовится к выступлению вспомогательный отряд, приблизительно около 3000 чел. пехоты с артиллерией, как равно около 3000 же человек Шамхальской и Мехтулинской милиции;отряд этот вероятно будет двигаться к Миатлинской переправе. Кроме этого, наши лазутчики доносили и об огромных транспортах боевых и продовольственных припасов, которые подвозились в Темир-Хан-Шуру из крепости Бурной (на берегу Каспийского моря).

Отношение жителей Кумыкской плоскости, Шамхальства и Мехтули к Имаму было сочувственное. От открытого выступления по стороне национальных сил удерживала их жестокость врага, «*не оставляющего ни живой души и камня на камне*». От всех аулов русские взяли аманатов (заложников), которые в случае враждебных выступлений немедленно расстреливались или, в лучшем случае, высылались в Сибирь, на каторжные работы, а взамен их брались новые заложники.

В такой обстановке ждал Имам Шамиль начала боевых действий со стороны врага, который во много раз превосходил имеющиеся у него силы.

*
* *

К 20 мая в русском лагере были закончены все приготовления. О своем противнике ген. Граббе имел весьма неопределенные сведения. Милютин по этому случаю пишет:

«О неприятеле не было сведений положительных; лазутчики об'явили, что неприятельский караул находился на горе Буюк Баш, не далее 6 верст от Внезапной, на границе Салатау; что Шамиль продолжает возмущать это общество; но что один только аул Буртунай открыто вооружился и призывает к себе самого Шамиля; прочие-же салатавские селения находятся в нерешительности, боясь русского отряда. Чиркей с прежним коварством присылал уверения в своей преданности к русским».

21 мая Чеченский отряд выступил из крепости Внезапной, прошел через лесистый хребет, отделяющий Салатау от земли кумыков, отбрасывая со своего пути около 100 чел. нашей конницы, и расположился лагерем между аулами Инчхе и Костала. 22 мая сюда же прибыли из Темир-Хан-Шуры 2 баталиона пехоты с 2-мя горными и 2-мя легкими орудиями. Прибытие 3-го баталиона ожидалось к вечеру 24 мая.

Таким образом, к вечеру 22 мая в лагере при ауле Инчхе были сосредоточены 8 баталионов пехоты, рота сапер, 17 орудий, две сотни конных казаков, 4 сотни пешей и около 2 сотен конной милиции. Общее количество всей этой массы доходило, по свидетельству Милютина, до 7800 человек.

23 мая русский отряд, сделав около 5 верст, перенес свой бивак за аул Хубар. Здесь от немногих оставшихся в ауле жителей противник опять тщетно старался получить более или менее точные сведения о наших войсках. Об этом у Милютина читаем:

«Они (т. е. жители аула Хубар — Х.) *уверяли, что не будут действовать против русских; однакож о Шамиле не давали никаких положительных известий. Были даже слухи будто бы он сам в Чиркате, а на помощь Буртунаю прислал только небольшую партию. Тоже самое говорил и прибывший в отряд черкеевский старшина Джамал, которого коварство открылось впоследствии».*

На следующий день, 24 мая, отряд выступил на Гертме. В авангарде следовала горская милиция и конные казаки. Надо было проходить по открытой и ровной плоскости, по обеим сторонам которой были глубокие и лесистые балки. С правой стороны находилась балка Теренгул, о которой мы вспоминали выше, а за ней аул Буртунай. Утро было, как это часто случается на Кавказе, особенно в горах, весьма туманное.

Казаки, заметив у края этой балки нескольких конных горцев, бросились в их сторону, надеясь захватить пленных. Но приблизившись к балке, они были встречены метким ружейным огнем. Одновременно со стороны аула Гуни около 300 человек нашей кавалерии бросились в атаку на неприятельский авангард. Авангард смешался, казаки и милиция обратились в бегство. Случилось это потому, что русское командование совершенно не обеспечило свой правый фланг, не приняв здесь никаких мер предосторожности: не выслав походных застав, дозоров и т. п.

Положение восстановили главные силы. 2 головных баталиона, поддерживаемые огнем 4 орудий, заставили нашу кавалерию отойти опять к балке и заняли высоты у ее окраины. Вскоре после этого эпизода, туман рассеялся и русским войскам, по словам Милютина, представилась следующая картина:

«Тогда войска, занявшие высоты, внезапно увидели перед собой многочисленного неприятеля (?!—Х.). Толпы горцев, пеших и конных, со множеством белых значков, занимали возвышенную плоскость за балкою Теренгул. Частые выстрелы из самой балки показывали, что она также занята была неприятелем.

Тут только открылось, что сам Шамиль, с партией от 3 до 4 тысяч человек (?!—Х.), пришел на помощь Буртунаю. Расположившись за балкою Теренгул, он занял фланговую позицию, из которой мог угрожать тылу русского отряда, еслиб последний продолжал движение прямо на Суук Булак».

Ген. Граббе вынужден был остановиться и атаковать наши позиции. Развернув 6 баталионов пехоты и выдвинув на позицию всю свою артиллерию, он тремя колоннами — полк Лабинцева, ген. Галафеева и полк. Пулло — двинулся в атаку.

У Идрис - Хаджи в записках этот момент боя описан так:

«Русские, атаковавшие наши позиции под Буртунаем, два раза были опрокидываемы смелым ударом в шашки храброго койсубулинского наиба Сурхая во главе 100 удальцов. Сильный артиллерийский огонь и войска Пулу (полк. Пулло — Х.) *помогли неверным овладеть нашими позициями. После этого Сурхай отошел со своими в аул Буртунай, который защищал до самого вечера».*

В «Истории русской армии и флота» (т. 6-ой) о бое под Буртунаем имеется лишь короткая заметка:

«При аулах Буртунай и Алмак Чеченский отряд встретил упорное сопротивление передовой толпы Шамиля силою до 4000 человек».

В действительности же, как мы видели, здесь действовали части наиба Сурхая в составе около 1000 человек. К вечеру 24 мая Буртунай был занят, а Сурхай отошел на Суук Булак и далее на Аргуань.

В тот же день со стороны Миатлинской переправы к ген. Граббе подошел 3-й баталион Апшеронского полка, и после этого, по словам Милютина:

«Отряд уже состоял из 9 баталионов, роты сапер, 17 орудий, 4 сотен конных и такого числа пеших казаков; всего силою 8288 человек нижних чинов; генералов, штаб и обер-офицеров 225».

25 мая Граббе выступил из Буртуная, направляясь через перевал Суук Булак к укрепленному аулу Аргуань.

Перевал был защищаем Муртазали Магометом Оратинским, в распоряжении которого находились 250 человек (миат регулярной пехоты и 150 чел. Салатавского пешего ополчения). Благодаря Муртазали Магомету неприятель прошел 10 верст, отделяющие его от перевала, лишь в двое суток. Разрушив, елико возможно, спуск к Аргуани, 27 мая с 200 чел. Муртазали Магомет отошел в бок, к аулу Артлуг; 50 же человек были им оставлены, для наблюдения, в направлении движения неприятеля. Сделано было это им по инструкции Имама, кото-

рый предписывал, пропустив главные силы неприятеля на Аргуань, занять снова перевал и совместно с приближающимся из Ичкерии Ташав-Хаджи (с 300 чел.) отрезать неприятелю путь отступления, беспокоя вместе с этим с надлежащей энергией его тыл.

Неприятель же, пройдя перевал, начал исправлять дорогу к Аргуани и устроил на своем пути укрепленный лагерь, названный им укреплением Удачным. Оставив в этом лагере тяжести и обоз под прикрытием баталиона пехоты и 5 орудий, ген. Граббе 30 мая подошел с главными силами к Аргуани.

*
* *

Аргуань, главный аул Гумбетовского общества, расположен у подошвы горы Суук Булак при спуске к реке Андийское Койсу. Находясь на стратегической линии, он, вместе с горным массивом Суук Булак, прикрывал доступ в нагорные общества Дагестана как со стороны крепости Внезапной, так и со стороны Темир - Хан - Шуры. Неудивительно поэтому, что Шамиль избрал его в качестве одного из опорных пунктов, укрепив аул соответствующим образом (построив две оборонительные башни, снабдив окраинные сакли бойницами и проходами, а подступы к аулу завалами и т. д.) и приспособив для уличных боев.

Дислокация наших сил под Аргуанью была такова: гарнизон аула — 750 чел.; на высотах в районе Кудари — 450 пеш. и 200 кон.; на высотах у Тлярата — 400 пеш. и 200 кон.; общий резерв— 500 пеш. и 400 конных. Всего—2900 человек. В русских же реляциях это количество превратилось не более и не менее как в... 16000 (шестнадцать тысяч!!!) человек. Одним словом, — «*благо некому их считать*»...

Подойдя к аулу, ген. Граббе сделал ряд распоряжений.

Батарея из 4-х полевых, 4-х горных орудий и конгревых ракет поставлена была на возвышенной площадке, находящейся в расстоянии хорошего ружейного выстрела от аула, слева от главной дороги. Батарея прикрывалась баталионом пехоты и спешенными казаками.

Один баталион должен был отвлекать внимание наших стрелков, демонстрируя с фронта, т. е. по главной дороге, на север от аула.

Направо от дороги должна была действовать колонна полк. Лабинцева в составе 2 баталионов с двумя горными орудиями и милицией.

Налево была выделена колонна полк. Пулло из двух баталионов.

Вправо был выслан еще один баталион, который должен был поддерживать связь между главными силами и колонной полк. Лабинцева, коей предстояло делать большой обход.

Колонны полк. Лабинцева и полк. Пулло должны были сами себе отыскивать тропинки по крутым горам и балкам.

Обоз (легкие вьюки и артиллерийский парк) находился на дороге вне досягаемости ружейного выстрела из аула, имея в прикрытии баталион пехоты.

В 5 час. вечера батареи неприятеля открыли сильный огонь и войска пошли на штурм. Штурм был отбит гарнизоном, при помощи полевых войск, с большим уроном. Колонна Пулло должна была поспешно отойти к исходным позициям. Казаки и милиция, вышедшие на дорогу из Чиркаты, были атакованы конным ополчением Бабал Магомета и рассеяны. В «Очерках положения военных дел на Кавказе 1838 — 1842 г. г.» пишется об атаке русских войск, что она «*была неудачна и стоила нам многих людей*». Автор не без язвительности добавляет: «*В реляции ген. Граббе покушение это названо только рекогносцировкой*».

Временный успех в этот день имела лишь одна из атакующих колонн — 4-ый бат. Апшеронского полка, тот баталион, который должен был поддерживать связь с колонной Лабинцева. Ему удалось занять одну из сакель аула, защищаемую 20 человеками. Но храбрые андийцы, под личным начальством наиба Лабазана, выбили русских из аула и заставили их отойти к исходному пункту.

Наступившая ночь прошла в перестрелке и беспрестанных налетах на русский бивак.

«*В продолжении ночи* — пишет Милютин — *неприятель не дал нашим войскам спокойно отдохнуть и приготовиться к предстоящему отважному предприятию. Несколько раз андийцы спускались с гор и бросались в шашки на цепь оставленного против них охранения. С другой стороны, показались шайки с тылу отряда на самой дороге из Даныха: перестрелка завязалась в арриергарде, прикрывавшем вагенбург*».

Эти «шайки» были частями Муртазали Магомета Оратинского и Ташав - Хаджи, которые выполняли порученное им Имамом задание.

Ген. Граббе оказался в весьма затруднительном положении. В «Очерках пол. военных д. на Кавк.» читаем по этому поводу:

«*Прибыв туда* (под Аргуань—Х.) *30 мая, отряд оказался в весьма затруднительном положении: надлежало, не взирая ни на какие потери, овладеть неприятельскою позициею, потому что обратное движение на горы, коих вершины заняты были толпами горцев, сделалось уже не возможным*».

О том-же «История русской армии и флота» пишет:

«*Находясь в труднодоступной местности, селение Аргуани было еще усилено искуственными преградами. Подошедший к селению наш отряд очутился в затруднительном положении: перед ним было сильно укрепленное селение, а с фланга и тыла высокие горы, занятые противником. При таких условиях отступление разумеется было не возможно*».

Эти строки свидетельствуют о том, что и мысль об отступлении не была чужда ген. Граббе, но только ее реализация в создавшихся условиях была не возможной. Необходимо было для избежания катастрофы штурмовать и взять аул Аргуань.

Атака 30 мая, хотя и закончившаяся неудачей, позволила, однако, неприятелю определить слабые места в системе нашей обороны и соответ-

ственно этому выработать план нового штурма. Решено было повторить штурм на следующий день, 31 мая. Основной удар должен был быть нанесен с севера и с запада. Во исполнение этого на утро 31 мая ген. Граббе была отдана следующая диспозиция:

1— 3 баталиона с 4 горными орудиями, имея в прикрытии правого фланга две сотни конных казаков и 2 сотни милиции, атакуют аул с западной стороны; колонной командует полк. Лабинцев;

2— 2 баталиона с 2 горными орудиями, под командой полк. Пулло, должны овладеть на рассвете высотой около аула, на которой расположены были 2 сакли, а затем атаковать аул с севера;

3— один баталион назначен для демонстрации влево от главной дороги, т. е. к югу от аула;

4— 8 орудийная батарея должна была с рассветом без перерывы бомбардировать аул.

Сам штурм описывется полк. Милютиным следующим образом:

«*В правой колонне полковника Лабинцева два баталиона* (2-й кабар. и 2-й куринск. полков — Х.) *беглым шагом бросились к балке, спустились в нее и начали взбираться по крутости к самому селению, под убийственным огнем из всех саклей. В то же время 1-й куринский баталион* (третий по счету из отряда полк. Лабинцева — Х.) *с трудом пробрался низом, по левой стороне ручья, и бросился на передовые завалы, с которых неприятель поражал штурмовые колонны с фланга.*

Эти завалы были заняты самыми отчаяными мюридами, которые решились здесь положить голову. Стремительное движение наших колонн показало горцам, что их не удержит самый жаркий огонь; тогда мюриды сами бросились на встречу колонне с шашками и кинжалами в руках и гибли под русскими штыками. Некоторые оставались в передовых саклях до последнего издыхания: отказавшись от всяких надежд на спасение, они хотели дорого продать свою жизнь. Несмотря на отчаянную оборону, колонна полк. Лабинцева ворвалась в селение и заняла передние ряды саклей, между тем как с другой стороны вторглась и колонна полк. Пулло».

Хотя здесь русский автор и отдает должную дань самоотверженному упорству защитников аула, однако, его описание содержит ряд существенных неточностей. Самая важная из них заключается в том, что неприятелю в этот день не удалось не только утвердиться, но и дойти до окраинных сакель аула. В то время, как колонна Лабинцева подходила к завалам, стремительный удар в шашки общего резерва под командой андаляльского наиба Омар-Хаджи (300 чел. регул. пехоты и 100 чел. Тилетлинского пеш. ополчения), усиленный контр-атакой защитников завалов (250 чел. регул. пехоты), опрокинул неприятеля и отбросил его в северо-западном направлении. Картечный огонь 4 орудий заставил наши части, преследующие неприятеля, отойти на прежние позиции. Колонна Лабинцева еще два раза в этот день повторяла атаки, но и на этот раз без всякого успеха.

Такая же судьба постигла и вторую штурмующую колонну полк. Пулло. Она также всякий раз была отбрасываема и к вечеру очутилась в своем исходном пункте — на высоте около аула, где находились две сакли.

Неприятель в этот день был бы разгромлен, если бы не уничтожающий огонь его артиллерии, спасающий в наиболее критические моменты положение атакующих баталионов. Мало того, артиллерия противника к вечеру первого дня штурма успела наполовину превратить аул в развалины. Этот день, несмотря на тактический успех, который он нам принес, обошелся нам дорого. Кебет-Магома потерял около половины защитников аула, Омар-Хаджи — около 200 человек. Имел потери и наиб Лабазан, хотя и не столь значительные.

В ночь на 1 июня Имам, предвидя повторение штурма на следующий день, ввел в аул остатки своего резерва (около 200 чел.). Одновременно Лабазану Андийскому приказано было, как можно энергичнее беспокоить фланги атакующего противника. Вместе с этим, учитывая господствующее положение высоты с двумя саклями, занятой колонной полк. Пулло, Имам приказал Кебет-Магоме взять ее ночным штурмом. К сожалению, атака наших войск на эту высоту, повторенная дважды, не увенчалась успехом. И в этом случае главной причиной неуспеха был картечный огонь артиллерии противника.

На рассвете 1 июня русская артиллерия опять отрыла с трех сторон огонь по аулу. С высоты с двумя саклями стреляли на этот раз 6 орудий. Вскоре были развернуты и штурмующие колонны. В этот день неприятель ввел в первую линию 7 баталионов, из которых три баталиона атаковали со стороны высоты с двумя саклями. Акция наиба Лабазана, долженствующего действовать во фланг штурмующих баталионов, уже с самого начала кончилась полной неудачей. Ополчение Лабазана, встреченное контр-атакой баталиона пехоты и 2-х сотен конных казаков, рассыпалось, а сам наиб остался всего лишь с 15 людьми.

По свидетельству Магомет-Тагира Карахского, штурм и в этот день был отбиваем трижды. Вот что он пишет:

«*С новой позиции начались новые штурмы. Три раза русские бросались и наседали на аул, но каждый раз терпели тяжелое поражение. Наступила тишь. Шамиль стал быстро успокаиваться. Он даже вознесся благодарною молитвою к Аллаху за ниспосланное им благословение на свое святое дело. Но то оказалась тишь перед бурею: русские сильным орудийным огнем сперва разрушили аул, а потом со всеми наличными силами бросились на штурм. Защитники встретили атакующих сильным ружейным огнем, но это не остановило натиска: через трупы передовых рядов смело шагали и напирали сзади идущие. Тут в числе праведных пало много ученых и отважных мужей, но Шамиль не получил ни ушиба, ни царапины, хотя вся его одежда была изрешетена пулями и снарядными осколками*».

А вот еще более пластическая картина боя в описании Милютина:

«*Но этим* (занятием передних сакель аула к 9 часам утра — Х.) *не было кончено дело: тут толь-*

ко начинался упорный, кровавый бой внутри селения, в улицах и домах. Самые отважные мюриды, оставшись в селении, решили защищаться до последней крайности.

Чтобы заставить горцев выйти из саклей—не было другого средства, как пробивать отверстия в крышах, бросать туда горючие вещества и зажигать балки. Несмотря на то, мюриды оставались по несколько часов в каждом доме. При всей невыгоде своего положения, горцы успевали однакож наносить еще много вреда нашим войскам: фанатики довольны были и тем, что хоть сколько нибудь истребляли неверных. С шашками и кинжалами отбивались они по одиночке до тех пор, пока издыхали (!) на штыках; некоторые же бросались на десятки солдат без всякого оружия. Только 15 человек, задыхавшихся внутри одной сакли от дыма бросаемых туда ручных гранат, согласились сдаться».

И далее:

«К концу дня оставалась еще в руках мюридов значительная часть селения; в особенности же стоила трудов башня, возвышавшаяся в несколько ярусов на восточной оконечности аула; тут все усилия наших егерей были напрасны. К вечеру принуждены были с необыкновенным трудом втащить в аул два горных и два казачьих орудия и поставить их на крышах домов, чтобы пробить брешь. Несмотря и на то, горцы не сдавались.»

С наступлением ночи, видя бесполезность дальнейшей обороны, Имам, во главе остатков защитников, смелым ударом пробился через кольцо осаждавших и вышел на чиркатинскую дорогу. Всего из аула вышло около 200 человек. О дальнейших намерениях Имама Магомет-Тагир Карахский пишет следующее:

«После падения аула Аргуань, Шамиль сошелся с немногими оставшимися в живых своими мюридами на Судунском поле, между Агачами и Чирката, для обсуждения создавшегося положения. Так как на пути отступления не было ни одной подходящей оборонительной позиции, то было решено занять и защищать Ахульго до последней возможности».

Али-Беку из Хунзаха отдано было приказание прикрыть отход остатков наших сил и, не теряя противника из виду, отходить вслед за ними к аулу Чирката.

*
* *

Итак, аул Аргуань был занят противником. Кровавый бой на подступах к Ахульго был закончен, вписав новые славные страницы в нашу историю. Однако, потери, понесенные нами, были огромны и чувство исполненного долга не в состоянии было вознаградить их тяжесть. Свыше 900 человек пало смертью храбрых на развалинах Аргуани. Регулярная пехота потеряла около 80% своего состава. И с этими поредевшими значительно рядами Имаму Шамилю предстояло защищать Ахульго.

Потери противника были также велики Но для того, чтобы установить их действительную численность, нельзя полагаться на русских источниках. В каждом из них мы встречаемся с разными числами. Так например, в «Истории русской армии» сказано: «*После двухдневного штурма, стоившего нам 635 чел. убитыми и раненными, селение было взято*». В другом из известных нам источников («Описание военных действий 1839 года в северном Дагестане») говорится: «...*потери с нашей стороны не превышали 146 чел. убитых и 500 раненных, в том числе офицеров: убитых 6 и раненных 30*». Официальная же реляция гласит: «*В боях под селением Аргуань мы потеряли убитыми и раненными 30 офицеров и 611 нижних чинов*».

Но в действительности ни одна из этих цифр не соответствует правде. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить численность русского отряда после боя под Буртунаем с численностью к началу осады Ахульго. В первом случае, по словам Милютина, отряд состоял из — «*8288 человек нижних чинов; генералов, штаб и обер-офицеров 225 чел.*»; во втором же случае — 6830 нижних чинов и 166 генералов, штаб и обер-офицеров (цифры эти также взяты у Милютина). И в первом и во втором случае отряд был в одном и том же составе, т. е. имел в своих рядах 9 батальонов пехоты и все прочие части, кои были в отряде и после занятия Буртуная.

Таким образом, если мы все это учтем, то получим, что потери русских были значительно более 1000 человек (разница между первой и второй цифрой — 1458 ниж. чин. и 59 генералов и штаб и обер-офицеров).

Интересный случай произошел и с генералом Пантелеевым. Это он привел в Чеченский отряд части из Темир-Хан-Шуры, которые присоединились к отряду после выступления из Внезапной. Во время движения к Аргуани он командовал колонною (3 батал. и 5 легких орудий), прикрывающей обоз. Описывая этот период похода на Ахульго, Милютин о нем вспоминает. Но после боя под аулом Аргуань, ни в одном из русских источников о генерале Пантелееве нет ни слова. Был-ли он убит, или же ранен, или, наконец, по каким либо иным причинам выбыл из отряда (выехать не мог, так как все пути были закрыты) — ответа на это у русских авторов мы не находим. Но зато у Магомет-Тагира Карахского мы имеем следующие строки:

«*Русские, говорят, предвидели свои неудачи и потери* (под Аргуань — Х.). *Об этом свидетельствует Исмаил, сын черкеевского старшины Джамала, служивший у русских и считавшийся закадычным другом начальника отряда генерала Пантулани. Утром первого дня боя генерал рассказал своему другу виденный им ночью сон. Мне снилось, говорил он, будто бы весь наш отряд уничтожен и что грудь моя пронизана градом пуль насквозь. Вечером того-же дня, рассказывал Исмаил, я встретил генерала несомого на носилках солдатами. Почти половина его отряда была уничтожена в тщетных попытках овладеть аулом*».

Не трудно усмотреть в этом «генерале Пантулани» генерала Пантелеева, смерть которого

Из северокавказских сказаний

МЕДВЕДЬ, ВОЛК И ЛИСА*)

Медведь, волк и лиса как-то встретились в лесу, познакомились, понравились друг другу и решили дружить до конца жизни.

Вот однажды лежали они в кустах и разговаривали о том, о сем. Охота в этот день была неудачная, никто из них не поужинал как следует, и потому разговор у них был невеселый.

— Хорошо людям: соберут летом урожай и сидят всю зиму в теплых саклях, — со вздохом сказал медведь.

— Тебе, медведь, еще ничего: залезешь в свою берлогу и будешь спать всю зиму. А каково мне: в лютый мороз, в метель — рыскай по дороге и ищи, не лежит ли где-нибудь дохлая лошадь. А к аулу хоть и не подходи: того и гляди нагонят злющие собаки... Волчья жизнь!.. — отозвался волк, и, подняв морду, жалобно заскулил.

— А мне — лучше? — вмешалась в разговор лиса. — Мне бы хоть маленькую курочку на ужин! Да разве легко ее украсть? Того и гляди -- попадешь в капкан!

— Нет, люди живут куда лучше нашего! Хоть и поработают летом, зато зимой у них — полные закрома, и заготовлено много всякой с'естной всячины. Плохо мы живем, братцы... — хмуро заключил медведь.

Все вздохнули еще раз и замолчали.

Вдруг лиса подняла свою острую мордочку.

— Друзья! — сказала она. — Неужели вам не надоела такая жизнь? Мне пришла в голову хорошая мысль. Если позволите, скажу, что я придумала.

— Скажи свою хорошую мысль, лисанька! — отозвался медведь.

— Говори, говори, — поддержал волк.

— Вот что я придумала: давайте и мы займемся земледелием! Ведь мы, трое, можем вспахать не меньше десятины. Вспашем, посеем и соберем богатый урожай. Вы только подумайте: всю зиму мы будем сидеть в тепле, сытые и покойные, и будем жить припеваючи! — сказала лиса умильным, сладким голосом.

Медведь тряхнул головой, подумал...

— Дело, дело говоришь, лиса, — сказал он, — согласен, давайте займемся хлебопашеством.

Волк тоже согласился

— Ладно, — сказал он, — как вы, так и я.

— А если так — не будем терять времени и сейчас же пойдемте выберем землю для обработки, — предложила лиса.

Друзья живо поднялись и отправились на поиски участка хорошей земли. Долго ли, коротко ли, но они обошли поля и луга, осмотрели лес, заглянули и в кустарники и, наконец, облюбовали среди кустарников чистую, ровную поляну хорошей земли.

— Вот тут мы и будем пахать, — решили они.

Прошло лето. Приятели дружно готовились к осенней пахоте: медведь унес плуг у пахаря, когда тот зазевался, а волк и лиса утащили у кого-то мешок пшеницы.

Собрались на лужайке.

— А кого ж будем запрягать в плуг? — сказал медведь. — Ведь лошади у нас нет!

Действительно, пахать было не на чем.

— Это не беда! — сказала лиса. — Вы оба — здоровые и сильные. Давайте я вас обоих запрягу, а сама стану за плуг — и будем пахать.

— И то дело! — согласился медведь. — Чем мы хуже лошадей? Запрягай нас, лисанька!

Так и сделали.

Трудно показалось тащить плуг — медведь пыхтел, сопел, волк обливался десятым потом и все норовил увильнуть в сторону, но лиса ободряла их:

— Ничего, ничего, — это без привычки!..

К вечеру медведь и волк вышли из упряжки чуть живые.

Как бы там ни было, но друзья вспахали и засеяли участок, как полагается.

— Ну, теперь нам осталось только переждать зиму, а там подойдет лето, и мы будем с богатым урожаем, — утешала лиса.

Минула зима, за нею весна, потом наступило лето, и вот подошло время убирать урожай.

— Надо сделать так, как делают люди: запасемся на время уборки хорошей едой, чтоб работать в полную силу. Пойдемте ночью к аулу и, может быть, утащим что-нибудь с'естное,—предложила лиса.

— Дело, дело говоришь, лисанька,—одобрил медведь, и все трое отправились ночью к ближнему аулу. Там лисе удалось утащить кувшин со сливочным маслом, да какой — прямо переполненный!

Кувшин с маслом лиса спрятала в укромном местечке, в кустарнике.

— Будем работать, и как только захотим есть— придем сюда и подкрепимся, — сказала лиса.

Приятели взяли серпы и принялись за работу.

Медведь работал на совесть. День был жаркий. На медведе была его дорогая шуба, и он обливался потом. Скоро ему захотелось есть, но он стеснялся

*) Печатаемая сказка принадлежит к числу популярных на Северном Кавказе сказок из жизни животных. С незначительными вариациями подобные сказки распространены у всех северокавказских племен. В данном случае перед нами адыгейский вариант. Сказка взята из сборника—„Горские сказки"; изд. „Советский писатель", 1937.

русское командование предпочло скрыть, дабы не возбуждать в войсках Имама Шамиля опасной радости. После этого боя ген. Пантелеев вообще исчез из списков русской кавказской армии, тогда еще отдельного кавказского корпуса.

И этот незначительный, но в конце концов показательный факт, говорит о том, с какой осторожностью следует относиться к официальным русским реляциям во время кавказской войны.

(Продолжение следует).

признаться в этом. Не подавая виду, он жал и жал пшеницу и только поглядывал на лису—скоро ли та позовет обедать. Рядом с ним шел с серпом волк. У него от голода давно подвело живот, он насилу удерживался, чтобы не завыть, но помалкивал и старался не отставать от медведя. Лиса тоже работала, но не так старательно: кувшин, переполненный пахучим, свежим, вкусным маслом, не выходил у нее из головы.

Лиса думала и думала об этом и, наконец, что-то придумала. Немного отстав от друзей, она отвернулась и крикнула в сторону:

— Эй!

И вышло, будто кто-то позвал лису.

— Иду, иду! — сама же отозвалась лиса и ушла.

Медведь и волк, думая, что кто-то позвал лису' продолжали жать так же старательно, как и раньше. Лиса шла некоторое время по дороге, а потом шмыгнула в кустарник, пробралась к кувшину и давай слизывать масло! Скоро она с'ела всю верхушку, до кромки кувшина.

Подкрепившись, она, как ни в чем не бывало' вернулась к приятелям и продолжала жать.

– Где ты была? — спросил у нее медведь.

— Меня позвал пши.[1] У него родился ребенок, и пши позвал меня, чтобы я нарекла имя его ребенку, — отвечала лиса.

— Какое же имя ты дала ребенку?

— Назвала его „Есхазау" — Полный Кувшин.

— Хорошее имя, — засмеялись медведь и волк и продолжали жать с прежним усердием. Лиса тоже работала неплохо. Солнце уже поднялось выше леса. Медведь и волк жнут и жнут, лиса не отстает, но скоро ей опять захотелось есть — кувшин с маслом не выходил у нее из головы.

— Эй! — крикнула она в сторону и сама же отозвалась:

— Иду, иду!

И убежала.

Медведь и волк продолжали работать.

Прошло время.

— Куда это ушла лиса? спросил медведь.

— А я почем знаю! - огрызнулся голодный волк.

А лиса опять пробралась в кустарник и с'ела масло до половина кувшина. Масло такое жирное, вкусное. Почувствовав, что ее животик наполнился и успокоился, лиса смирнехонько вернулась к приятелям и продолжала жать.

— Эй, лиса, где ты была? — хмуро спросил медведь.

— Ах, собака с'ела бы меня — меня позвал тляко-тлеш.[2] У него родился ребенок, и тляко-тлеш позвал меня, чтобы я дала имя его ребенку, — делая недовольный вид, ответила лиса.

— Конечно, „надо итти к тому, кто тебя зовет — позора не будет" — говорит пословица, — согласился медведь. — Ну, хорошо, а какое же имя ты дала ребенку тляко-тлеша?

— Назвала его „Егузау" — Полкувшина.

— Очень хорошо! — ухмыльнулся медведь, и все трое продолжали работать.

Время уже подходило к обеду. Медведь еле стоял на ногах и, чтобы утолить голод, начал потихоньку есть колосья. У волка высунулся длинный язык, волк тяжело дышал и то и дело нетерпеливо поглядывал на лису. Но лиса не звала их обедать. Она думала о своем: полкувшина масла так и стояло у нее перед глазами.

— Эй! — крикнула лиса в сторону еще раз.

— Иду, иду! — сама же отозвалась она на свой крик и, вильнув хвостом, убежала.

Пробравшись к кувшину, она в третий раз принялась за масло и решила было с'есть его все и даже вылизать кувшин, но, подумавши, оставила масло на донышке кувшина и поставила кувшин на то же место. После этого вернулась к приятелям, вильнула хвостом и, как ни в чем не бывало, продолжала жать.

— Ты где была, лиса? — недовольно проворчал медведь. — Куда ты все уходишь?!

— Ах, обсмолила б я его нан[3]—уорк[4] позвал меня, чтобы я дала имя его новорожденному ребенку! — с напускной досадой отвечала лиса. — Но больше я не пойду — это было в последний раз.

— Как же ты назвала ребенка?

— Назвала его „Йбзеичи псичеж" — Кувшин, который вылизали и налили в него воды.

— Очень, очень хорошо! — Валла-ги, — удачное имя! крякнул от удовольствия медведь, и все трое продолжали работать. А солнце уже поднялось на самую середину неба. Больше медведь не мог терпеть — его так мучил голод, что он готов был есть собственную лапу.

— Эй, друзья! — крикнул медведь. — Мы совсем забыли о масле! Пойдемте немного подкрепимся!

— Пошли, пошли! — с большой готовностью отозвался волк. — Я, признаться, немного проголодался.

Друзья побросали серпы и проворно пошли обедать.

Подойдя к лужайке рядом с кустарниками, медведь сел возле большого камня на траву и сказал лисе:

— Вот что, лиса: мы с волком пока посидим здесь на лужайке, возле камня, отдохнем, а ты пойди принеси кувшин.

— Хорошо, — сказала лиса и шмыгнула в кусты.

Медведь и волк сидят и, предвкушая сытный обед, весело разговаривают о том, какой богатый урожай они соберут. И вдруг слышат — лиса плачет в кустарнике, у кувшина, да так горько и жалобно, будто оплакивает покойника.

— Аллах, что такое? Что случилось? — закричали медведь и волк и вскочили на ноги.

— Бессовестные! Пока я ходила в аул нарекать имена новорожденным, вы тут без меня с'ели все масло и меня же посылаете за ним! — выходя из кустарника и неся пустой кувшин, сквозь плач сказала лиса и залилась слезами.

Медведь и волк, ничего не понимая, переглянулись.

— Валла-ги, я не ел масла! — стал божиться медведь.

— Валла-ги, Билля-ги, я и в глаза не видал твоего масла! — клялся волк.

Но лиса была безутешна.

— В жизни я не видала чего-нибудь подобного!

Вот что вы сделали со мною!.. — продолжала причитать лиса и бросила кувшин.

Видя это, медведь, не долго думая, предложил:

— Тогда вот что. Давайте ляжем носом к солнцу и так будем лежать. У кого масло проступит на носу, значит — тот и с'ел масло.

Так и сделали: все трое легли носом к солнцу. Медведь и волк очень утомились на работе. Скоро они совсем разомлели под солнцем и уснули крепким сном. Лиса же только делала вид, что заснула, а сама не спала и исподтишка зорко следила за приятелями.

И так только они уснули, лиса встала, потихоньку подняла кувшин, подошла к волку и осторожно вымазала ему нос маслом, которое оставалось на донышке. Потом подошла к сладко спавшему медведю и вымазала ему маслом и нос, и всю морду, по самые уши. После этого легла на свое место и спокойно уснула.

Медведь и волк проснулись и глянули друг на друга.

— Э, волк, у тебя нос в масле — значит, ты виноват!.. — тревожно шепнул медведь. — Плохое твое дело!

— А ты посмотри лучше на себя! — прохрипел волк, вскакивая на ноги. — Аллах, Аллах! У тебя вся морда в масле, по самые уши.

А лиса мирно спит себе, и нос у нее совершенно сухой.

— Значит, мы оба виноваты... — подавленно сказал медведь.

— Давай убежим, пока лиса спит и не узнала, что мы виноваты, — предложил волк.

— А урожай?

— Тогда давай спрячемся за кусты и посмотрим, что будет.

Так и сделали.

Лиса проснулась, потянулась, сладко зевнула открыла свои острые глазенки и увидела, что медведя и волка нет, — убежали.

— Вот и хорошо! — засмеялась лиса и принялась плясать да приговаривать:

— И масло — мое, и урожай — мой! В жизни я не видала таких глупцов, как эти медведь и волк!..

Но тут медведь и волк выскочили из-за кустов — и лиса прикусила свой лживый язычок. Опомнившись, лиса хотела была броситься наутек, но волк загородил ей дорогу, а медведь схватил ее за хвост и ударил о камень.

Тут хитрой лисе и пришел конец.

А медведь и волк, избавившись от хитрой лисы, принялись хозяйствовать сами.

---

1. Пши — князь.
2. Тляко-тлеш — дословно „сильный род"; следующее после князей сословие.
3. Выражение это употребляется в качестве проклятия; нан (нана) — мать.
4. Уорк — дворянин, стоящий в сословной градации ниже тляко-тлеша.

20-ая годовщина созыва „Курултая" Крыма

28 ноября исполнилось 20-летие со дня созыва в Крыму национального „Курултая" (парламента). Годовщина эта особенно торжественно была отмечена в Варшаве. В Варшаву прибыла специальная делегация крымских татар из Румынии, Турции и других стран.

Kırunda „Kurultay" toplantısının 20 yıllık yıl dönümü münasebetile Varşova'da yapılan merasimde çıkışta bulunan Kırım musiki ve kora hey'eti âzaleri.

Члены крымского музыкального ансамбля, выступавшего в Варшаве на торжествах по случаю 20-й годовщины созыва „Курултая" в Крыму.

28 ноября, в день открытия „Курултая", состоялось торжественное собрание, посвященное этому событию. На собрании присутствовали представители польских властей и общества, а также представители народов „Прометея", приветствовавшие национальный Крым и желавшие ему исполнения заветного желания — достижения независимости.

Вечером следующего дня центральная радиостанция в Варшаве организовала специальную передачу, на которой, после доклада о Крыме, художественный ансамбль тюрко-татар Крыма исполнил ряд песен и народных мелодий на национальных инструментах. Через несколько дней такая же передача была организована и радио-станцией в Вильне. Кроме этого, PAT (Польское телегр. агенство) сделало ряд кино-снимков народных танцев в исполнении художественного ансамбля; снимки эти показываемы были во всех кино-театрах Польши, попав, путем обмена между PAT и аналогичными учреждениями в других странах, и на экраны этих последних.

Годовщина созыва „Курултая" нашла также широкий отклик на страницах польской печати всех направлений. Таким образом, крымская национальная эмиграция в Польше не только достойно отметила годовщину события большого значения в истории Крыма, но и использовала эту годовщину для действенной, широко организованной пропагандной акции.

Б. Ч.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Украинская политическая эмиграция в Польше и народы „Прометея"

„Biuletyn Polsko-Ukraiński" № 42 (14-XI-1937 г.) печатает резолюцию с'езда делегатов 12000-ой массы украинской политической эмиграции в Польше, который имел место 30 октября т. г. Пункт пятый резолюции посвящен идее согласованной борьбы с Москвой всех угнетаемых народов.

„С'езд приветствует—читаем в этом пункте—деятельность Правительства УНР на прометейском фронте всех угнетаемых Москвой народов. С'езд выражает уверенность, что в недалекой уже вооруженной борьбе против Москвы все эти народы, от Кавказа и Туркестана до далекого Севера, пойдут рука в руку с вооруженным украинским народом, нигде и никогда не отклоняясь от одной общей цели — окончательного разгрома палача вольных народов Восточной Европы, империалистической Москвы. Как союзникам в этой недалекой борьбе, С'езд посылает от имени украинской эмиграции в Польше пламенный братский привет всем правительствам и национальным комитетам народов, которые разделили трагическую судьбу украинского народа и после отчаянной борьбы с Москвой принуждены были выслать на чужбину своих вождей и свои армии."

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABELERİ — ВЕСТИ С КАВКАЗА

KARAÇAYDA ALTIN

Kafkasyada altın madeni çıkarılmakta olduğu kadim zamanlarda dahi malumdu Altın yun efsanesi çok ihtimal, ki altın madenile alakadardır. Arkeoloji araştırmaları esnasında külliyetli surette bulunan altın eşya ve onların Kafkasyada yapılmış olması gösteriyor, ki Kafkasyada altın madeni mevcud olmuş ve işletilmiştir. Sovyet devrinde altın madenlerinin işletilmesi bilhassa Şimalî Kafkasyada geniş surette ihya edilmiştir. Halı hazırda Şimalî Kafkasya Sovyet hazinesine altın veren yerlerin ön safta bulunanlarından biridir. Şimalî Kafkasyanın Osetiya, Kabarda, Balkarya ve Garbî Adige vilayetlerinde dahi altın istihsali büyük mıkyasta icra edilmekte ise de, altın bolluğu en ziyade Karaçayda göze çarpıyor. Karaçaydaki altın mevcudiyeti ve Sovyet altın arayıcıları hakkında „Krasni Karaçay" gazetesi (12-IX-1937) şu malumatı veriyor:

„Bu yıl Kızılçuk ve Urup nahiyelerinde 500 ve 700 gram ağırlığında iki altın parçası bulunmuş ve devlete teslim edilmiştir.

Bu, tesadüfî bir bulunuş değildir. Arayıcılar her yıl devlete 200, 300 ve daha çok gramlarla altın parçaları teslim ediyorlar, ki bütün bunlar Kızılçuk ve Urup nahiyelerinde zengin altın madenleri bulunduğuna bir delildir. Ona göre, Borisenko, Nazarof, Poplovuhin, Varişkin ve başkaları gibi ziyançıların neden altın istihsalini eksilttiklerinin mânası malumdur. Meselâ onlar altın istihsali planını çayların taşkın olduğu haziran, temmuz ve agustos aylarında tatbik edilmek üzre tertib etmişlerdir. Çayların mücrasını degişmek için çok vesait ve vakit sarfetmek icab ediyordu.

Onlar altın yatağı olan yerlerde barbarça metod tatbik ederlerdi. Altın cihetten çok zengin olan Vlasniçiha çayının mücrasını plansız ve intizamsız bir surette kazımakta idiler.

Kızılçuk ve Urup altın mıntakalarında altın madeni bilhassa çaylarda ve teraçelerde bulunuyor. Altın madeni için geoloji araştırmaları asla yapmıyorlar. Halbuki daha 1915 de amerkan heyeti bu yerlerde zengin altın damarı bulmuştu.

Orczoloto (Orconikidze altın) tresti müdürü Merimamanof bunu pek âla biliyor ve Kızılçuk-Urup nahiyelerinde zengin altın damarı bulundugundan dahi haberdardır. Bununla beraber bunu plana dahil etmiyor ve araştırma yapmıyor. Bu mıntakada çalışan genç mühendisler eski müdür Barisenko ve Poplovuhinden defalerle araştırma tertib etmesini taleb etmişlerdir. Bu halk düşmanları ise her daim geoloji araştırması tertib etmekten boyun kaçırmışlar.

Altın madeni araştırma mes'elesi Karaçay altın yataklarında çalışan rehberlerin en esaslı ve en mühim vazifelerinden biridir.

Karaçay atın yatakları yalnız Orconikidze ölkesinde değil, bütün Şimalî Kafkasyada en zengin bir yataktır. Ölkemizin toprakları altında bol-bol mevcud olan bu serveti çikarıb devlet ihtiyacına sarfetmelidir".

Şimalî Kafkasyada istihsal edilen altın milyonlarca ruble kıymetindedir.
Bu milyonlar hep Moskvanin kisesine gidiyor.

ESSENTUKİ ŞEHRİNİN ADI NEREDEN GELMİŞTİR?

Soçide çıkan „Krasnoye znamiya" (11-IX-1937) gazetesi Essentuki şehrinin adına aid aşağıdaki malumatı veriyor.

„Rim-dag, daimî seyahətler yeridir. Rivayete göre vaktile burada romalılar bulunmuş ve dag da onların adile adlanmıştır. İhtiyar daglılarin anlatmalarına göre Rim-dagda zengin ve cengâver bir kadın olan Stan'ın kal'esi vardı. Dişi bir kartal yuvası gibi bu kal'e alınması imkânsız bir yerdi. Stanın elleri ise karJal dırnakları gibi kuvvetli, gözleri yıldızlı bir gecenin göğü gibi işıklar saçıyordu. Bir gün kal'eyi komşuluktaki kal'e sahibi Burg'un ordusu muhasare ederek aldı ve Stani kendine zevce etti. Bu münasebetle Rim-dağın yakınından akan çaya Burgustan ve dag etrafındaki yerlere ise Burgustan-ili adı verildi.

Tabiatın tayin ettiği zaman geçtikten sonra Stan bir oğul doğurdu. Stanın bu oğlu zaif ve hasta idi. Zirzeminlerde biten otlardan bile renksiz idi. Başında tük bile bitmemişti. Bütün vasitalara möracaat ettikten sonra Stan onu kuru sahra ortasında vuran bulaklara (pinarlara) götürdü.

Sahradaki bulaklar çocuğu sagalttılar. O canlandı ve kuvvetlendi. Hasta ve zaif çocuk çevik, boylu-bukunlu ve kıvırcık saçlı bır delıkanlıya çevrildikten sonra Rim-dagdaki kal'enin vahşı ve zalim sahiblerini bırakarak gitti ve daglarda ço banlığa başladı.

* * *

İşta, bu sebebdendir, ki sahradaki bulak ve onun etrafındaki şehir Essen-tük, veyahud bugünkü tabirle Essentüki adını aldı. Karaçayca Essen—canlı, yaşar; tük de saç demektir.

Essentuki şözünün başka tefsiri de vardır: „essentuku"—yâni emin sıgınacak bir yer" demektir.

РАССТРЕЛЫ

Массовые расстрелы на Северном Кавказе не прекращаются. В конце октября т. г. в Чечено-Ингушетии расстре-

ляны Мунаев Мухетдин, занимавший пост председателя Курчалоевского райисполкома, и Мадаев Доку, бывший в том же районе вторым секретарем парткома. Оба обвинялись в „буржуазном национализме." („Гр. раб.", 30-X-1937).

В Северной Осетии, в октябре же, расстреляны: Токаев С. уроженец аула Дигора, 1907 г. рождения, беспартийный; Уртаев Созырко, беспартийный, уроженец аула Какадур, 1899 г. рождения; Кесаев С., уроженец аула Зака, 1888 года рождения, исключенный из партии; Каллагов Хаджи-Мурад, уроженец аула Джимара, беспартийный, 1904 г. рождения; Гутцев Николай, уроженец Даргавса, 1906 г. рождения, беспартийный; Бадтиев Состика, уроженец Даргавса, 1907 г. рождения, беспартийный. Все они, гласит приговор, „являясь выходцами из бывших кулаков-лишенцев, раскулаченных (большинство из них к моменту советизации Северного Кавказа имели по 13—14 лет), из бывших участников контрреволюционно-кулацко-повстанческой организации, так называемой „народной партии", и исключенных из рядов ВКП(б) за контрреволюционную разложенческую работу и за развал колхоза, будучи явно враждебно и контрреволюционно настроенными лицами по отношению к советской власти, ВКП(б) и колхозного строительства, спаявшись тесно между собой и захватив в свои руки командные участки колхоза им. Ежова сел. Даргавс, Орджоникидзевского района, в целях борьбы с советской властью, ВКП(б) и колхозным строительством, в целях противоставления лозунгу ВКП(б) о создании зажиточной жизни колхозникам—проводили организованную контрреволюционную вредительскую, разложенческую работу". („Соц. Осетия", 30-X-1937).

В том же месяце в Черкесской авт. области расстреляны Х. Гумзачев и И. Лиев, кои „питая звериную ненависть к советскому народу", возглавляли „вооруженную шайку грабителей". („Ордж. правда", 15-X-1937).

В ноябре в Дагестане расстрелян Магомет Абакаров, бывший заместитель наркомзема ДАССР. Абакаров „разваливал систему наркомзема ДАССР", руководствуясь при этом „непосредственными указаниями ныне разоблаченных врагов народа, буржуазных националистов Самурского, Саидова, Мамедбекова, Тагиева, Далгата и других". („Даг. пр.", 23-XI-1937).

В Северной Осетии в ноябре расстреляны Дзугаев, Туаев и Бесаев, служащие „заготзерно". („Соц. Осетия", 24-XI-1937).

В ноябре же в Туркменском нац. районе (Летняя Ставка) расстреляны: Самедов Ханафи, 1901 г. рождения, уроженец аула Чур; Култаев Хаджи-Назар, 1905 г. рождения, уроженец аула Айгур; Бердыкаев Муталла, 1901 т. рождения, уроженец аула Кучерли; Байбеков Халил, 1904 г. рождения, уроженец аула Кири, Саратовской области, зам. секретаря райкома ВКП(б); Конеев Хабибулла, 1873 г. рождения, уроженец села Бастанова, Тамбовской области. Все они обвинялись во „врецительстве на хозяйственном фронте", а кроме этого „в разжигании национальной розни между колхозниками различных национальностей" (в Туркм. районе существует несколько русских колхозов). Затем все расстреляные входили в состав „нелегальной контрреволюционной националистической организации правых" и все важнейшие мероприятия обсуждали сообща „на нелегальных совещаниях, проводимых Самедовым." (Ордж. пр.", 21-XI-1937).

Наконец, в декабре в Карачае расстреляны Чагаров Х., Герюгов Т., Бабоев Ш., Борлаков У., Герюгов А. и Караев Джандра. Все перечисленные были „активными участниками буржуазно-националистической вредительской банды" в ауле Кзменномостском. („Ордж. правда", 3-XII-1937).

Несколькими днями позже расстреляны Курджиев Наnаш, Борлаков Магомет, Хапаев Наны и Бегеулов Яхья. Расстрелянные обвинялись в том, что были „активными последователями заклятых врагов карачаевского народа—буржуазных националистов Курджиева Курмана и Аппаева", из которых, как мы знаем, первый еще недавно был председателем облисполкома, а второй секретарем обкома ВКП(б). Кроме этого, обвиняемые Борлаков и Хапаев были „активными участниками бандитских выступлений в Карачае в 1930 году" („Ордж. правда", 9-XII-1937).

Таким образом, в течении неполных $1^1/_2$ месяца на Северном Кавказе расстреляно 29 человек „националов." Но это далеко не полный список, так как большинство приговоров советскими газетами не публикуются, а затем и мы имели возможность ознакомиться не со всеми газетами, издаваемыми большевиками на Северном Кавказе.

И ЕЩЕ РАЗ О „БУРЖУАЗНЫХ НАЦИОНАЛИСТАХ"

В ряде прошлых номеров читатель имел уже возможность ознакомиться с выдержками из советских газет, посвященными деятельности т. н. буржуазных националистов и прочих „контрреволюционеров" на Северном Кавказе. Считаем нужным дополнить этот материал еще несколькими фактами.

Итак, например, несколько выдержек из статьи Ал. Череповского (уже раз нами цитируемого) в „Гр. раб". (23-X-1937), в которой рисуется положение в Итум-Калинском районе. В начале статьи автор описывает природные богатства района, а затем отмечает:

> „Однако, природные богатства гор остаются нетронутыми, а колхозное животноводство всячески разрушается врагами народа — буржуазными националистами и прочей сволочью.
>
> Некоторые колхозы существуют с 1930 года. И за это время колхозники не получали ни разу ни одной копейки на трудодни. Начавший коллективизацию бывший председатель райисполкома, ярый буржуазный националист Шамсадов (подробно о нем и его вражеской деятельности мы расскажем в следующем письме), насаждал лже-колхозы, обобществляя мелкий скот и оставляя в личном пользовании крупный рабочий скот; для колхозников выделялась (да и сейчас выделяется) самая плохая земля, а лучшая — отдается кулакам. По указке буржуазного националиста Шамсадова, места стоянки скота выбирались обязательно на болотистой почве с тем, чтобы скот погиб. Последовательная деятельность Шамсадова и разоблаченного врага народа бывшего секретаря райкома партии Джафарова была направлена на подрыв экономической мощи колхозов, на срыв советской торговли и мероприятий по культурному и советскому строительству".

Но самое знаменательное следует немного далее, когда говорится о недавно арестованном Хамиде Окуеве:

> „Однажды бандит Окуев Хамид, приехав в район в качестве уполномоченного обкома партии, прямо из машины пересел на лошадь и отправился по ущелью в направлении к Майстам, туда, где находится штаб-квартира ныне действующего бандита Дергисханова Адама. Сопровождавшие Окуева его приспешники теперь признаются, что встреча двух бандитов — носила „исключительно теплый, дружеский характер". Дергисханов зарезал барана, только что украденного из колхозного стада, а Окуев поставил на ковер вино, украденное в магазине. Эта „беседа" затянулась за полночь, а затем бандит Окуев оставил бандита Дергисханова и отбыл в Итум-Кале".

Т. е., иными словами, шеф отдела агитации и пропаганды обкома, Хамид Окуев, имел свидание с „ныне действующим бандитом", Адамом Дергисхановым, выступающим против советской власти еще и сейчас с оружием в руках.

Знаменательна и характеристика, данная Череповским аппарату райкома, райисполкома и других советских организаций района. Приводим ее целиком:

> „В течение пяти месяцев райисполком возглавлял сын крупного торговца, покровитель кулаков и бандитов Закариев Осман. По указке Окуева, он расставлял „своих" людей на ответственные посты, предоставляя им широчайшую возможность для проведения вредительской, подрывной работы. Так, в райфо был посажен некий Мизаев Анси—родственник кулака, пьяница и прямой пособник буржуазных националистов. Этот самый Мизаев проводил вражескую линию в налоговой политике; кулаков не облагали, а если и облагали налогом, то под теми или иными благовидными предлогами списывали с них задолженность. Сорвали работу по самообложению, в результате чего пришли в абсолютную негодность многие мосты, здания общественного пользования и т. д. Мизаев Анси фабриковал подложные протоколы собраний колхозников с целью освобождения единоличников от налога.
>
> Районный собес возглавлял известный контрреволюционер, бывший крупный подрядчик Дудаев Керим. Этот самый Дудаев — активный участник разгрома 222 батальона чекистов в 1920 году. Несмотря на то, что он отстранен от работы, ревизия до сих пор не произведена.

В райисполкоме сидит кассиром Гуциев Мута — сын торговца и стражника, имевший связь с видным контрреволюционером из селения Зумсой Марсановым Багдином. Старшим инспектором райфо является Магомадов Зеутдин — сын старшины и крупного кулака. Отец Магомадова был членом контрреволюционного шариатского суда. Кассиром райфо посадили Эльтемирова Беци — сына стражника. Инспектором является Дудаев Пажу — сын стражника и впоследствии кулака. Там же в райфо работает и Борщигов Сугаип — сын кулака, торговца. Брат Борщигова арестован как контрреволюционер. Заведует сберкассой Имадаев Хамид—сын торговца и кулака.

Чудовищно засорен аппарат сельсоветов. В Бенгарое председательствует Цимакаев Висаит — активный мюрид секты Кунт-Хаджи, пособник бандита Баматгиреева Азни. В Гучум-Кале — председатель сельсовета ставленник буржуазных националистов Дудаев Абдулазис, о котором уже мы писали. Дудаев активный кунтхаджиец, бывший скотоконокрад и покровитель кулаков. Когда парторг т. Осипов разоблачил этого ярого врага, бывший секретарь райкома Шамсадов (теперь—председатель шатоевского райисполкома) пригрозил Осипову, что если он не оставит этого дела, то ему не носить партбилета. А Дудаев осмелел и однажды в присутствии членов пленума сельсовета хотел застрелить неугодного парторга. Секретарем бенгароевского сельсовета является Маирбекев Абу — родственник бандита Баматгиреева Абу. В селении Гухой секретарь сельсовета Алиев Хасан — сын кулака контрреволюционера, принимавшего в свое время участие в восстании против советской власти. Председателем сельсовета Колходой поставили Ибихаджиева Магомеда — бывшего скотоконокрада, сына муллы и хаджи („святого"). Отец Ибихаджиева имеет тесную связь с бандитом Муссаевым Чопа. В селении Тазбичи секретарем сельсовета является Саралапов Хамид—сын старшины. Джабраилов Дода председательствует в сельсовете Ушкалой. Он является ставленником Шамсадова. Сам кулак и защищает кулаков".

Здесь, как видим, Череповский подчеркивает не только чрезвычайную „засоренность" аппарата, но и подтверждает, что в районе кроме „активного бандита" (т. е. активно, с оружием в руках действующего против сов. власти) Дергисханова Адама имеются и иные „активные бандиты": Баматгиреевы Абу и Азни, Муссаев Чопа. Таким образом, несмотря на своры чекистов, неустанно рыскающих по всему Северному Кавказу, абречество продолжает быть одним из действенных способов борьбы с властью оккупантов. Статью свою Череповский заканчивает следующим образом:

„Этот список можно было бы и продолжить, но в этом нет необходимости. Ясно то, что во всех районных организациях враг расставил свою агентуру, что эта агентура проникла в сельсоветы и колхозы и продолжает свою гнусную подрывную работу. В районе же еще не развернулась большевистская борьба по выкорчевыванию корней буржуазных националистов; их ставленники, ад'ютанты и квартирмейстеры, продолжают орудовать, срывая мероприятия советской власти".

Такую же приблизительно картину относительно Карачая рисует некий Н. Никитин, также уже цитируемый нами в прошлом номере. В „Кр. Карачае" от 18-IX-1937 г. он пишет:

„У нас в области троцкистско-бухаринский ставленник — Курджиев, являл собой центр, вокруг которого собирался разный контрреволюционный сброд. Для врагов было незаменимой находкой иметь своего человека на таком ответственном посту, как председатель облисполкома, который занимал Курджиев. Под его покровительством и при прямом содействии легче и безнаказаннее можно было осуществлять вредительские акты, тормозить рост хозяйственной мощи области, проводить контрреволюционную работу.
Поэтому не случайно, что после разоблачения Курджиева на ряде ответственных участков социалистического строительства области были вскрыты вражеские ставленники, вредители. В управлении местной промышленности сидел Кубанов. Он вредительски тормозил промышленное строительство области. Два миллиона рублей было вложено в строительство новых предприятий Карачая и ни одно из них не было доведено до конца. Вредители проводили линию на то, чтобы побольше растратить средств, не возвращая их государству. Богатства свинцово-цинкового рудника „Эльбрус" ими скрывались. Составлялись подложные акты, подбирались худшие образцы руды, чтобы доказать, что рудник беден, нерентабелен для разработок. Контрреволюционные буржуазные националисты Карачая в этой подлой работе смыкались с прямыми шпионами, каким был инж. Гьюж, обследовавший рудники. Враги народа осуществляли директивы фашистов: задерживать разработку и использование богатств области, поменьше давать государству, побольше брать с него".

Переходя к золотым приискам в Карачае, Никитин констатирует:

„Здесь вредители, с одобрения руководителей треста Орджзолото, поступали очень просто: не вели разведок, предоставляя все „естественному" течению, и потихоньку пускали слухи, мол, в Карачае золота нет и развивать его добычу нет смысла. А чтобы быстрее шло дело развала они создавали невыносимые условия для старателей в бытовом обслуживании, дезорганизовали их работу. На Кизильчуке практиковался такой метод: участки, подготовляемые одной бригадой, для промывки передавались другой. Это вызывало недовольство, рабочие бросали работы и уходили. За последние месяц—два с одного Кизильчука ушло до 2000 человек старателей. Недавно здесь арестован польский шпион Брацук, на приисках отираются подозрительные типы китайцев, по всем видимостям „охотники" за желтым металлом".

И дальше:

„В Зеленчукском районе вредительские гнезда троцкистско-бухаринских бандитов, насажденные Курджиевым, получили особенно пышный расцвет. Это понятно, т. к. здесь сконцентрированы основные промышленные отрасли: лесная и золотая, которые враги держали под специальным наблюдением. Разоблачение враждебной работы в районных организациях лишний раз подтверждает, сколь много внимания уделяли враги Зеленчуку.

Но особенно большой ущерб враги нанесли сельскому хозяйству области. Ближайший помошник Курджиева—Айтек Батчаев, мулла по профессии, от'явленный буржуазный националист по духу и вредитель по делам, приложил максимум усилий, пытаясь развалить колхозы. В животноводстве они всякими путями внедряли бруцеллез, эту трудно обнаруживаемую и долго излечиваемую болезнь, опасную по своим последствиям. Ведь только за три года количество животных, больных бруцеллезом, выросло от единичных случаев до нескольких тысяч голов."

В заключении и Никитин считает, что „разоблачениям" еще не конец, что „бдительность" должна быть усилена.

„Разоблачение вражеской работы в Зеленчуке — пишет он — должно послужить серьезнейшим сигналом к дальнейшему повышению бдительности и на других участках строительства нашей области, сигналом к дальнейшему развертыванию большевистской самокритики на основе исторических решений февральско-мартовского пленума ЦК.

Неустанно, как учит партия и товарищ Сталин, разоблачать врагов, беспощадно корчевать остатки курджиевщины—троцкистско-бухаринское отребье, буржуазных националистов, — таков следует вывод из зеленчукского дела.

Враг народа Курджиев и ряд его ставленников разоблачены. Выкорчевать всякие последыши, с корнем вырвать все остатки контрреволюционной курджиевщины!"

Интересная характеристика дается „Даг. пр." (23-IX-1937) директору сельхозбанка ДагССР Дауду Ибрагимову, который, по мнению газеты, „не разоблачен до сих пор в результате примиренчества и потери большевистской бдительности членами банковской организации." Вот что пишет „Даг. пр.":

„Дауд Ибрагимов в течение ряда лет был самым близким другом буржуазного националиста-фашиста Корк-

масова. Он был в полном смысле слова подручным этого врага народа. В 1920 году он был его личным секретарем и выполнял все его поручения.

Мало этого, Дауд Ибрагимов был и в быту буквально холуем Коркмасова. Когда Коркмасов уезжал в командировку, Ибрагимов постоянно оставался его доверенным лицом на квартире, своего рода коркмасовским дворецким.

Дауд Ибрагимов в течении ряда лет крепко связан с другим матерым буржуазным националистом Саидом Габиевым, часто наезжавшим для ведения контрреволюционной работы в Лакский район. Он был неизменным поверенным всех контрреволюционных планов Саида Габиева.

И с Коркмасовым и с Габиевым Дауд Ибрагимов имел, что называется, кровные связи. Он так же, как Коркмасов и Габиев, происходит из буржуазной среды. До революции он учился в пансионе в Закавказье и воспитывался в буржуазно-националистском духе.

Когда в 1912 году Саидом Габиевым была выпущена националистическая газетка „Заря", в ней самое деятельное участие принимал Ибрагимов. С тех пор еще этот матерый буржуазный националист сохранил свои связи с разоблаченными врагами народа Чарыновым, Габиевым и др."

Наконец, приведем еще одну выдержку, на этот раз, скорее, из области трагикомического. Итак, в „Даг. пр." от 20-IX-1937 г. некий А. Годник „разоблачает" Татама Мурадова, директора Дагестанского национального ансамбля, и пишет о нем, между прочим, следующее:

„Мурадову все сходило с рук потому, что буржуазные националисты в Дагестане воспитывали подхалимство. Ансамбль носит имя Самурского. В песнях Мурадов восхваляет Самурского. В песне „Привет вождям", записанной на грамофонную пластинку, десятки раз повторяются слова: „Да здравствует дагестанский вождь тов. Самурский." К тому же песня „Привет вождям" поется на мотив старой, контрреволюционной муссаватской песни—„Аман-Яр"."

Самурский как известно, об'явлен уже „врагом народа", но откуда директор ансамбля мог это предвидеть, тем более, что подхалимство более всего культивирует сам Сталин и оно давно уже стало органической частью официальной советской жизни.

Но самое интересное следует далее:

„Другая песня татам-мурадовского ансамбля, также записанная на грамофонную пластинку, с точки зрения смысловой является бессвязным, бессмысленным набором слов. Приведем несколько куплетов:

„В Гелли посеяли дыни—
Воду взяли из Параула.
Что—у тебя сломалась заноза?
Почему ты быков распряг?
Смотри, эти слова для тебя ..
Виноградники, виноградники,
Если их виноград будут кушать,
Много людей скандалить будут.."

И только враг и буржуазный националист мог осмелиться присоединить к этой бессмыслице слова привета товарищу Сталину, чье имя с такой любовью воспето во всех аулах Дагестана. Приходится лишь удивляться простофилям из дагреперткома (т. Коцман), которые с легким сердцем дали разрешение на использование и запись на пластинку этой галиматьи."

Эта „галиматья" отнюдь не так бессмыслена, как это кажется Годнику. Народ, из недр которого вышла эта „бессмыслица", не напрасно вспоминает в ней „великого Сталина" и его „социалистическое строительство", при коем для того, чтобы посеять в Гелли дыни, необходимо лишить Параул воды.

„ВРАГИ НАРОДА ОРУДУЮТ В ШКОЛАХ"

Под таким заглавием „Соц. Осетия" от 24-XI-1937 г. помещает статью, посвященную „буржуазным националистам", „контрреволюционерам" и прочим „врагам народа" в школах Северной Осетии. Статья эта является наглядной илллюстрацией той всеобщей „чистки", которая проводится сов властью среди учительского персонала на Северном Кавказе (см. статью г. Догужа в настоящем номере, где приводятся данные о „чистке" учительских кадров в Дагестане).

Национализация школы, даже в том несовершенном виде, в каком она реализирована большевиками, угрожает русским великодержавным позициям. Большевизм, являющийся достойным преемником царского великодержавия, уже в течении многих лет старается шаг за шагом лишить нерусские народы тех национальных позиций, которые достигнуты были ими после революции 1917 года. Лишив многие народы опять обретенной ими независимости, большевизм старается постепенно превзойти в методах оголтелой руссификации свою предшественницу, царскую власть. Но сопротивление, которое встречает он на своем пути, прямо пропорционально напряжению обрусительных усилий.

Наглядной иллюстрацией, повторяем, этой борьбы на Северном Кавказе является упомянутая нами статья. Обилие имен в ней говорит о том, что советская власть решила, под теми или иными предлогами, окончательно уничтожить на Северном Кавказе национальные кадры учителей, чтобы затем „в силу необходимости" (отсутствия учителей из автохтонов) произвести полную руссификацию школы.

Характерно в статье и то, что в ней многократно говорится о расстрелах родственников тех или иных „неблагонадежных" учителей. Приводим ее с незначительными сокращениями:

„Троцкистско-бухаринское и буржуазно-националистическое отребье, пользуясь притуплением бдительности республиканского отдела народного образования и местных партийных организаций, пробралось в ряд школ республики и проводит там свою подрывную, вражескую работу.

Особенно засорены школы Дигорского района. Директором Дигорской средней школы работает некий Туалагов, который клевещет на партию и советскую власть. Он окружил себя контрреволюционными подонками.

Неоднократные жалобы учеников на Туалагова ни к чему не приводят, потому что в райОНО методистом сидит свой человек Г. Кесаев. Это тот самый Кесаев у которого дядя и брат расстреляны, как враги народа. Кесаев на протяжении длительного времени защищал уничтоженных теперь врагов. Также засорена вражескими элементами и Дурдурская школа. Там работает Худалов—сын белобандита.

Враждебные элементы, пробравшиеся в дигорские школы, все предпринимают для того, чтобы оклеветать честных педагогов. Так, при попустительстве районных организаций подвергаются гнусной травле учительницы Гиреева и Гостиева, которые неоднократно разоблачали подлые дела бандитов и контрреволюционеров, подвизавшихся в Дигорском районе.

О засорении школ Дигорского района хорошо знает Дигорский райком ВКП(б), но он делает вид, что ничего не замечает.

Не менее засорены школы и Алагиро-Ардонского района. Здесь долгое время у руководства райОНО сидели враги народа: Г. Тотров, Г. Гутнова и др. Эти враги нанесли много вреда школам. А когда они были разоблачены, то матерый буржуазный националист Хоранов, будучи руководителем республиканского ОНО, назначил заведующим райОНО своего родственника, друга, выходца из кулацкой семьи Черчесова Захара.

Но когда и Черчесов был разоблачен, то на его место нашелся другой ему подобный—Кулаев—ставленник врага народа бывшего председателя РИК'а Джанаева. Руководя сейчас районным отделом народного образования, Кулаев проводит вражескую работу, засоряет школы негодными людьми. Так, им назначена учительницей жена белогвардейца Салказанова, в качестве директора Салугарданской школы он направил своего родственника, буржуазного националиста Лолаева.

С помощью этого вражеского ставленника получил также назначение и буржуазный националист Черчесов. Он сейчас работает директором Алагирской средней школы. Здесь Черчесов продолжает свою подрывную работу. Без всякой причины он выгнал из школы учительницу географии Быстрову, всячески издевается над другими преподавателями, преданными своему делу. По

вине Черчесова школа осталась на зиму без топлива. Твердого расписания занятий нет.

В начальной Алагирской школе работает некто Кадзов, который также, как и Черчесов, издевается над учителями. Он сознательно вызывает недовольство среди педагогов, грозит тем, которые пытаются его критиковать. А в Ардонской школе учительницей работает Дациева, которая ведет контрреволюционную агитацию.

Вражье отребье ищет себе место там, где у руководства районом стоят или враги, или люди, не внушающие политического доверия. Это особенно ярко видно на примере школ Орджоникидзевского района. Здесь долгое время районным комитетом партии руководили враги народа Мзоков и Дзбоев. Методистом в райОНО подвизался также враг народа Сеоев...

В Кировской школе директором работает сын офицера, прапорщик Агоев Лазарь. Братья Агоева расстреляны. Один его брат живет за границей, с которым Агоев имеет связь. Директором Н.-Санибанской школы работал белый офицер Дзиов. И когда он был разоблачен, на его место был поставлен ученик Дзиова—Плиев Заурбек. Плиев сейчас продолжает вражескую линию Дзиова. Он принял в школу в качестве воспитателей врага народа Салтанова и разлагателя колхозного строя, двоюродного брата, Плиева Астархана.

В Гизели работает ставленница Хоранова, бывшая вопитанница „института благородных девиц", жена офицера белой армии Голиева. Среди ребят она разводит антиколхозную агитацию. В Кадгароне в свое время была разоблачена контрреволюционерка Гутнова. После ее разоблачения там остались ее приспешники. Кадгаронская школа совершенно не готова к зиме: окна побиты, топлива нет. Это все результат того, что здесь продолжают орудовать ставленники Гутновой.

Пользуясь притуплением бдительности, враги народа пробрались в такие школы, как Зарамагская (Горно-Алагирский район), Гуларская (Ирафский район), Ольгинская (Правобережный район) и Эльхотовская (Кировский район). В Зарамаге в качестве преподавателей подвизались Хетагуров и Абаев. Отец Хетагурова расстрелян, Абаев долгое время защищал своего сына, расстрелянного как врага народа. Этих врагов прикрывает директор Зарамагской школы Г. Джанаев. В Гуларе директором школы, с позволения буржуазного националиста Хоранова и другого буржуазного националиста Албегонова, работает крупный торговец, сын кулака С. Найфонов. Неоднократные жалобы учащихся в райком ВКП(б) ни к чему не приводят.

В Ольгинской школе, с благословения белобандита Кцоева (быв. заврай ОНО) была организована целая контрреволюционная группа в составе Фидарова, Карсанова, Хубаева и Бедоева, которая открыто вела антисоветскую пропаганду среди учеников. К сожалению, отдельные враги из этой группы до сих пор остаются безнаказанными.

Все факты подлой, подрывной работы врагов народа в школах говорят об оторванности школьного отдела обкома ВКП(б) от школ. Вместо большевистской, настойчивой борьбы с остатками контрреволюционной, буржуазно-националистической нечисти, вместо решительной ликвидации последствий вредительства, заведующий отделом школ обкома Цопанов безучастно разводит руками и заявляет:

— Что делать у меня нет кадров.

Такое поведение руководителя школьного отдела обкома является также причиной того, что республиканский отдел народного образования до сих пор не укреплен надежными большевистскими кадрами. Временно исполняющий сейчас обязанности руководителя отдела народного образования Саутиев не внушает политического доверия."

Таким образом, все—начиная от руководителя отдела нар. образовании—„не внушают политического доверия."

* * *

К этой же серии заметок, характеризующих борьбу с „буржуазным национализмом" в школах Северного Кавказа (в данном случае Карачая), можно отнести и нижеследующую:

„Враги народа помогли мулле Абазалиеву пробраться в партию, получить ответственную работу. Чувствуя надежное покровительство, Абазалиев с первых же дней начал свою вражескую работу. Будучи директором микоян-шахарского педрабфака, он сколачивает буржуазно-националистическую группу. Одним из этой группы является сын известного всему Карачаю князя Баташева. Этот выродок однажды избил в общежитии студента Таданова за то, что тот пел на русском языке революционную песню. На протесты студентов Абазалиев для вида сделал Баташеву отческое внушение. Другой друг Абазалиева, преподаватель педрабфака Байрамкулов—темная личность, находясь в санатории, избил санаторно-больного рабочего.

По коллективному заявлению больных областной суд разбирал это дело. Абазалиев, пытаясь спасти своего „соратника", послал суду характеристику на Байрамкулова, как на преданного советской власти человека.

Абазалиев не гнушался никакими методами в своей вражеской работе. В беседах с карачаевской молодежью он постоянно воспитывал в ней ненависть к русским, а в беседах с русскими—ненависть к горцам.

Десятки жалоб поступали в обком партии редакциям областных газет Карачая, облоно, крайоно, обком комсомола, но безрезультатно. В обкоме долгое время было засилье буржуазных националистов, которые лишь под давлением из Москвы решили „наказать" Абазалиева переводом его на другую работу. Абазалиева назначили заведующим городским коммунальным хозяйством Микоян-Шахара.

Пользуясь предоставленной ему в Микоян-Шахаре свободой действий, Абазалиев пошел еще дальше. Им законсервировано несколько строек в городе. Затем он решил по собственной инициативе сочинить и напечатать предизбирательные „лозунги". Лозунги эти настолько исказили линию нашей партии, что вызвали среди населения города законное негодование. Учитывая это, Абазалиев поспешил быстро собрать и уничтожить свою вредную стряпню.

Сорвавшись на этом деле, Абазалиев решил отыграться на другом. 11—14 октября проводилось областное совещание председателей и секретарей участковых избирательных комиссий. Все делегаты совещания поселились в единственной городской гостиннице, но в день их приезда Абазалиев распорядился немедленно начать побелку гостинницы. Делегатам пришлось спать в корридоре, на полу, в грязи.

Абазалиевские листовки и издевательство над руководителями участковых избирательных комиссий каким-то образом не были замечены ни обкомом, ни редакцией газеты „Красный Карачай."

Буржуазный националист до сих пор продолжает творить свои вражеские дела, пользуясь чьим-то покровительством." („Ордж. пр." - 27-X-1937).

„БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ" СРЕДИ ТАТОВ ДАГЕСТАНА

Татами на Кавказе называют, с одной стороны, потомков иранских (персидских) завоевателей древней кавказской Албании, с другой же стороны, потомков иранизированных евреев, которые пришли на Кавказ вслед за завоевателями иранцами. Общее название этих двух этнических групп покоится не на расовом, а лишь языковом родстве, т. к. обе группы говорят на одном и том же иранском диалекте. Часть татов-евреев, в количестве нескольких тысяч, живет в Дагестане, главным образом, в Дербенте. Советская власть снабдила их отдельным алфавитом (который ныне также будет руссифицирован) и отдельной газетой под названием „Захметкеш" („Трудящийся"—от арабского „захмет"=труд и перс. „кеш"=тянущий). И вот, оказывается, и среди татов-евреев процветает „буржуазный национализм". Об этом обширно пишет „Даг. правда" от 20-IX-1937 г., разбирая работу газ. „Захметкеш".

„Рупором буржуазных националистов — пишет „Даг. пр". - долгое время являлась издающаяся на татском языке в Дербенте газета „Захметкеш".

Под видом „друга татской советской литературы" в газете действовал заклятый враг народа—сионист Юханан Юхананов. Этот матерый бандит, спекулянт,

тонко маскируясь, проводил контрреволюционную пропаганду на страницах „Захметкеш". По его инициативе в газете была напечатана года три-четыре тому назад большая статья раввина Рафаилова, являвшаяся по существу антисоветским пасквилем. Юхананов действовал тонко. В самый разгар сельскохозяйственных работ он печатал свои, насквозь фальшивые, лирические песни, призывающие к покою, беззаботности и безделью. Врагу это надо было для того, чтобы отвлечь внимание колхозников от важнейших кампаний, усыпить их бдительность.

Пользуясь своей безнаказанностью, Юхананов шел дальше. Заклятый враг великого русского народа, русского языка и культуры, он усердно изгонял из языка трудящихся татов все русские слова, которые узаконились и получили в татском языке „полные права гражданства". Этот „философ", как он сам себя именовал, выдавал себя чуть-ли не за отца татского языка и литературы. Явно вредительски он калечил татский язык. Засорял его.

Юхананов нагло извращал переводы важнейших документов партии и правительства. Приведем один весьма характерный пример, полностью раскрывающий вредительскую работу Юхананова:

Никто из татов, даже стариков, не переводит слова „секретарь" и „председатель". Эти слова понятны каждому тату. Юхананов решил воспользоваться этими словами для своей контрреволюционной пропаганды. В переводах вместо слова „секретарь" он пишет „хэтот" и вместо „председатель" — „сэрнюш". „Хэтот" — по-ирански писарь, переписчик. Это слово в понятии татов говорит о барском слуге, так как писарь именно был таким слугой(?). „Сэрнюш"—по-татски буквально „сесть на голову" (в действительности — „сидящий во главе", т. е. „председатель"). Заменяя слово председатель этим словом, Юхананов творил антисоветское дело".

И далее:

„Вплоть до последнего времени в редакции работали такие же „знатоки"—последыши буржуазного националиста Юхананова Ханухов Израиль и Рахмилов Давид. Они оба должны были стать раввинами, но помешала советская власть. В должности счетовода в редакции работал незаменимый друг Бинаева, сын раввина — Ибрагим Абрамов. Этот прохвост снискал себе славу, как мошенник и разложившийся элемент. Здесь побывал в газетчиках „англичанин" Азарьев — весьма сомнительная личность.

И вот все эти буржуазно-националистические элементы, каждый как умел, прикидываясь простачками, водили за нос редакторов, вредили, пакостили, зажимали критику и самокритику, притупляли бдительность".

И еще:

„Когда совершенно недавно отдельные работники газеты, возмущенные контрреволюционными вылазками националиста Ханухова, старались изобличить его в протаскивании антисоветской клеветы в газету, то Изилов (редактор газеты) взял его под защиту, дискредитируя честных работников.

Враги немало навредили газете, партии, народу. Это в „Захметкеше" были опубликованы с искажениями резолюция по докладу тов. Жданова на пленуме ЦК ВКП (б) и „положение о выборах в верховный совет СССР". Серой и бесцветной выглядела газета. Острые вопросы дня в ней не освещались. В результате — политические промахи и провалы в течение продолжительного времени".

В заключении „Даг. пр". пишет:

„Сигналов о вредительских действиях буржуазных националистов в газете было много. Однако, мер к улучшению положения не принималось и не принимается".

КАК ОНИ „СТРОЯТ"

В „Даг. правде" от 1-XII-1937 г. напечатано следующее:

„На-днях состоялось третье собрание хозяйственного актива наркомместпрома ДАССР. Собрание прошло при значительной активности присутствовавших на нем директоров, парторгов, стахановцев заводов и работников аппарата наркомата.

— Статья „Правды" „Гнилая позиция дагестанского обкома" и последовавшие за нею постановления дагобкома ВКП(б),—указал в своем докладе нарккоместпром т. Пашаев — подняли волну подлинно-большевистской критики и самокритики, мобилизовали партийных и непартийных большевиков на разоблачение врагов народа и их ставленников, свивших себе прочное гнездо и в ряде предприятий местной промышленности. Но последствия вредительства этих врагов не ликвидированы, а это является главной причиной безобразно плохой работы местной промышленности Дагестана. Девятимесячный план предприятия наркомместпрома выполнили всего на 74 проц.

На стеклозаводе „Дагогни" и кирпично-черепичном заводе раскрыты вражеские гнезда. На мебельной фабрике вскрыто вредительство. Однако, последствия вредительства здесь не ликвидированы. Эти предприятия продолжают работать безобразно.

— Несмотря на то, — указал в своем выступлении плановик завода т. Зохрабеков, — что на стеклозаводе построена новая стеклоплавильная ванная печь, что цех Фурко оснащен новыми широколистными машинами отечественного производства, одним словом, созданы все условия для выполнения плана, с 11 октября качество стекла стало катастрофически снижаться. Произошло это потому, что охвостья врагов народа и вредителей нарушили режим стеклоплавильной печи и сорвали снабжение завода сырьем: завод не имеет соды, кончаются запасы песка и т. д.

В третьем квартале почти все предприятия наркомата местной промышленности ухудшили работу. Кирпично-черепичный завод за 9 месяцев выполнил свой план только на 65,5 проц. Снизилось выполнение плана по мебельной фабрике. Ремонтно-механический завод с 104,7 процента в первом полугодии снизил выполнение плана за 9 месяцев до 97,9 проц.

Плохи и другие показатели. Фонд заработной платы по пяти предприятиям перерасходован за 9 месяцев на 438 тысяч рублей. Себестоимость продукции в целом по наркомату увеличилась на 5,2 проц. при плохом качестве продукции.

Стахановское движение не развивается, а падает. Например, на кирпично-черепичном заводе (директор т. Литвинов) количество стахановцев с 103 человек уменьшилось до 48. На заводе были вредительские, заниженные расценки, которые не стимулировали стахановского труда. Технорук этого завода вредитель Ляис всячески тормозил развитие стахановского движения.

Положение с районной промышленностью еще более безобразно. В этом году райисполкомы должны построить 18 предприятий и начать строительство еще 4 предприятий. На это союзное правительство ассигновало 1.213,6 тыс. Но строительство этих предприятий идет чрезвычайно медленно: за 9 месяцев освоено лишь 53,7 проц. ассигнований.

Хозяйственный актив указал на плохую работу научно-исследовательского института. Институт (директор т. Кинус) не справляется с требованиями, пред'являемыми ему местной промышленностью, систематически не выполняет заданий. Характерно отметить, что в плане работ института отсутствует тематика о стахановском движении и выдвижении молодых научных кадров. В институте нашли себе приют лжеспециалисты и враги народа вроде Любомудрова, по специальности юрисконсульта, перетащенного т. Кинусом с химзавода на должность ученого секретаря, а ныне арестованного. Не безинтересна личность инженера-химика А. Н. Чаева, который в подхалимском рвении предлагал присвоить институту имя от'явленной троцкистки Эрлих-Мамедбековой. Троцкистка Эрлих вообще пользовалась симпатиями в институте и наркомате. Товарищи Колбасов и Кинус предлагали ей почетное место в совете института.

Собрание хозяйственного актива наркомата местной промышленности потребовало от руководителей предприятий немедленно ликвидировать последствия вредительства, широко развернуть стахановское движение

и по-большевистски обеспечить выполнение производственной программы."

К этому следует добавить, что „троцкистка" Эрлих-Мамедбекова (жена Керима Мамедбекова) судилась с расстрелянным Магометом Абакаровым, зам. наркомзема ДАССР, и была приговорена к принудительным работам сроком на 15 лет.

НЕФТЯНЫЕ БОГАТСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА

7 декабря в Баку открылась геологическая конференция, на которой был между прочим сделан обзор нефтяных богатств Азербайджана. В изложении „Бак. раб." от 9-XII-1937 г. доклады на конференции представлены следующим образом:

„Работы конференции открылись докладом академика Губкина

Остановившись на росте нефтяной промышленности в Советском союзе, в частности в Бакинском районе, и отметив огромные достижения советской нефтяной геологии в области открытия новых колоссальных нефтяных месторождений, академик Губкин дал в своем докладе резкий отпор вражеским „теориям" об „истощенности" и „ограниченности" нефтеносных площадей Апшерона.

За годы советской власти в Бакинском районе открыт ряд новых месторождений, вскрыты новые горизонты. Новые данные нефтеразведки наголову разбивают вредительские „предсказания."

— В пределах Апшерона еще хранятся такие запасы нефти, о которых мы раньше и думать не могли, — говорит академик Губкин.—Даже такой старейший район, как Бинагады, получил в последнее время перспективу развития в северном направлении.

Новые перспективы открываются перед Биби-Эйбатом в направлении на северо-запад. Чрезвычайно велики перспективы в восточной части Апшерона и т. д. Прирост нефтяных площадей следует считать сотнями тысяч га, сотнями тысяч новых фондных точек.

В заключение своего доклада академик Губкин призвал геологов Азербайджана, научных работников и инженеров к решительной ликвидации последствий вредительства, к активной работе на благо великой родины.

Вчера с докладами о задачах геологического изучения АзССР в области нефтяной геологии на утреннем заседании конференции выступили т.т. Зайшло (Азнефтекомбинат), Клещев (Азнефтеразведка) и профессор Абрамович (АзФАН).

Интересные данные, добытые советскими геологами в области изучения и раскрытия нефтеносных недр Азербайджана, привел в своем докладе тов. Клещев. Более 50 процентов нефти в Бакинском районе добываются сейчас в районах, введенных в эксплоатацию после революции. Помимо Апшерона, где перспективы расширения нефтеносных площадей чрезвычайно велики, большие возможности открываются в Кабристано-Шемахинском районе, где уже теперь подсчитанные геологические запасы нефти определяются в 700—800 миллионов тонн, в Прикуринском районе (470 миллионов тонн), Кировабадском и других.

Явления нефтеносности обнаружены в Ленкоранском районе. К концу третьей пятилетки здесь будет развернуто глубокое бурение.

Чрезвычайно интересен район Большой Куры, где 20 квадратных километров неисследованы еще геологами, но тоже обещают богатые перспективы."

Рассчеты советских геологов всецело подтверждают, что в Азербайджане расположены багатейшие в мире нефтеносные районы.

АЛФАВИТ КАВКАССКИХ АЛБАНЦЕВ

„Заря Востока" от 21-X-1937 г. печатает нижеследующую заметку:

„В институте языка, истории и материальной культуры им. акад. Марра профессор А. Г. Шанидзе сделал доклад о новооткрытом алфавите кавкасских албанцев, живших на территории современной Азербайджанской ССР и имевших собственную письменность, от которой почти ничего не сохранилось. Алфавит кавкасских албанцев, найденный доцентом Тбилисского университета И. В. Абуладзе в рукописном учебнике первой половины XV века, содержит 52 знака, звуковое значение которых устанавливается довольно точно. Ведутся разыскания для обнаружения эпиграфических памятников, ключ для чтения которых имеется в новооткрытом алфавите".

Рукописный учебник, найденный доцентом Абуладзе, содержит, наряду с предполагаемым албанским алфавитом, 12 иных алфавитов: древне-еврейский, римский, грузинский, арабский и др. Обнаружен он был в Армении. Если алфавит окажется действительно алфавитом кавкасских албанцев, то этим разрешится вопрос о существовании своей письменности в древние времена у дагестанских племен. Ибо в состав кавкасской Албании, границы коей с юга кончались на р. Куре, входила и значительная часть современного Дагестана, а 26 наречий, о которых говорится в описании Страбона, имеют свое отражение в сегоднешней лингвистической конфигурации Дагестана.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Новый „премьер" (предсовнаркома) советского правительства в Азербайджане, Кулиев Теймур Имам Кули оглы, имеет, оказывается, богатое чекистское прошлое. „Бак. раб." пишет о нем следующее: „Тов. Кулиев Теймур Имам Кули оглы родился в 1896 году в местечке Джебраил Карягинского уезда, бывш. Елизаветпольской губернии в крестьянской семье. Окончив в 1914 году Закавкасскую учительскую семинарию в г. Гори, он работает учителем двухклассной школы в Джебраиле. С 1921 г. вплоть до 1934 г., тов. Кулиев работал в органах ВЧК—АзГПУ, затем два года работает председателем спецколлегии верховного суда АзССР и с октября месяца 1936 года - председателем верховного суда АзССР. Тов. Кулиев—член КП(б) Аз. с 1920 года. На XIII с'езде КП(б) Азербайджана, тов. Кулиев избран членом ЦК КП(б) Азербайджана. Тов. Кулиев награжден орденом Трудового красного знамени АзССР, значком почетного чекиста и боевым оружием".

— Известному азербайджанскому композитору Гузеиру Гаджибекову ЦИК и совнарком АзССР „присвоили звание народного артиста АзССР" и выдали денежное вознаграждение в сумме 25000 рублей. „Милость" оказана в связи с постановкой на сцене новой оперы композитора „Кер оглы".

„Ордж. правда" сообщает: „Этнографическая экспедиция Дагестанского государственного исторического музея нашла в ауле Согратль печать легендарного вождя национально-освободительного движеня горцев Шамиля. На одной стороне печати выгравированы буквы „Ш. А.", на другой—арабский текст: „Действительно от Шамиля"."

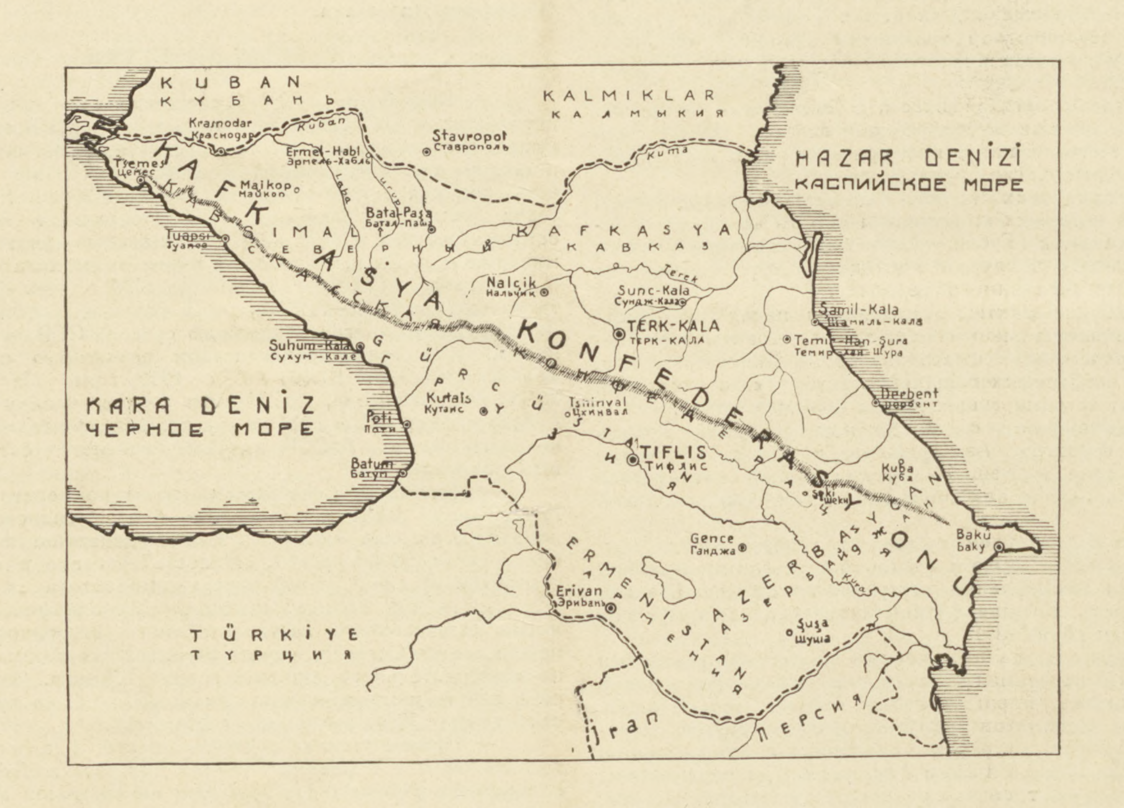
— Промышленная разведка треста „Главзолото", начатая весной т. г. в районе нижнего Дашкесана (Азербайджан), обнаружила вблизи известных уже кобальтовых месторождений новые залежи этого ценного и редкого металла. Зона залегания кобальтовой руды проникает на большую глубину. Содержание кобальта в породах по мере углубления увеличивается и на уже разведанном участке дает возможность промышленной разработки.

— 23 ноября умер „Гомер XX века", придворный поэт Сталина Сулейман Стальский, снискавший себе известность в СССР „одами" в честь советских „вождей" и прежде всего самого Сталина.

— В ноябре т. г. скончались один из старейших грузинских оперных артистов Мелитон Баланчивадзе и армянский поэт Акоп Акопян.

ОПЕЧАТКИ

В прошлом номере, на стр. 46, правый столбец, 16 и 17 строки должны читаться: „...которые оказывают «сепаратистам» «большую моральную и материальную поддержку»".



Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — Al. Niepodległości 158 m. 6a, Warszawa (12), Pologne — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала